

В. П. ЗАГОРОВСКИЙ

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
Воронежского государственного университета
от 16 января 1968 г.

Эта книга — историческое исследование. В ней рассказывается о времени, когда нынешние центрально-черноземные области были южной окраиной Русского государства, когда население края отражало грабительские набеги крымских татар. По документам XVII века автор воссоздает историю строительства Белгородской черты — замечательного для своего времени военно-инженерного сооружения, 800-километровой укрепленной линии, проходившей по территории современных Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей. В книге освещаются вопросы заселения края, классовой борьбы, показывается значение Белгородской черты в социально-экономическом развитии страны, в последующих военных и внешнеполитических успехах России.

Книга рассчитана на научных работников, учителей, студентов, а также на всех, интересующихся историей нашей страны и родного края.

ВВЕДЕНИЕ

Белгородская черта — это укрепленная линия на юге Русского государства, на путях вторжений крымских и ногайских татар. Созданная в середине XVII в., она включала в себя города-крепости, разнообразные инженерные сооружения из земли и дерева, а также естественные, природные препятствия для татарской конницы: леса, реки, болота.

Белгородская черта проходила от р. Ворсклы — притока Днепра, где до 1654 г. находилась граница Русского государства с Польшей, до р. Челновой — притока Цны, по территории пяти современных областей: Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской.

Если нанести Белгородскую черту на мелкомасштабную карту, она предстанет состоящей как бы из двух прямых линий, образующих угол при пересечении у впадения в Днепр Тихой Сосны. Каждая из этих линий равняется примерно 300 км, и в сумме они составят 600 км. Такова длина Белгородской черты без учета ее изгибов или, скорее, длина заслона, поставленного на путях татарских набегов, если смотреть на этот заслон из исторического центра страны. Но более правильно определить длину Белгородской черты с учетом поворотов, которые она делала в соответствии с особенностями местности. Учтя изгибы Белгородской черты, мы получим другое число — около 800 км.

В книге мы рассмотрим историю сооружения Белгородской черты, постараемся выяснить ее географические контуры, значение. Мы считаем тему достойной глубокого изучения. История Белгородской черты — это не только история возведения земляных валов и деревянных крепостей на путях татарских набегов. Это одновременно история населения южной окраины России в XVII в.; это история колонизации: заселения и освоения огромной территории, возникновения десятков существующих ныне городов, сотен современных сел; это история борьбы мелких служилых людей и крестьян юга России против феодального угнетения; это история подлинно народной войны, которую вынуждено было вести все население юга России, именно все, включая мирных тружеников — мужчин, женщин и детей, — с иноземными захватчиками-грабителями; это история победы русского народа над татарами в этой трудной и длительной войне; это, наконец, история русского военно-инженерного искусства.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин говорил о начале буржуазных связей между отдельными районами России «примерно с 17 века», со времени вступления страны в «новый период» ее истории¹. Семнадцатый век был периодом определенного подъема производительных сил России. Советские историки нашли в конкретной русской действительности того времени следы новых, капиталистических отношений, выявили большой фактический материал, подтверждающий наблюдения В. И. Ленина.

В XVII в. получают развитие первые русские мануфактуры, в частности железоделательные и медноплавильные заводы. Наемный труд проникает и начинает господствовать в отдельных отраслях промышленности, например, в рыбной и солеваренной. Растет как внутренняя, так и внешняя торговля, развиваются товарно-денежные отношения, что в свою очередь способствует социальному расслоению в городе и деревне².

Однако Россия не имела таких возможностей для капиталистического развития, как передовые для того времени страны Западной Европы: Англия, Франция, Голландия.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 153—154.

² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, гл. I.

В исторических условиях XVII в. в России наряду с возникшими ростками новых, капиталистических отношений продолжали существовать и развиваться феодальные производственные отношения. Феодальная собственность на землю продолжала расширяться и укрепляться, что нашло свое отражение в юридическом оформлении крепостного права Уложением 1649 года. Россия оставалась феодальной страной. Пробивавшие себе дорогу ростки капитализма не смогли в XVII в. поколебать господство феодальной системы хозяйства, они сами испытывали на себе заглушающее влияние крепостничества.

Мы не собираемся перечислять и разбирать все причины такой своеобразной «прочности» феодальной системы хозяйства в России. Хочется отметить лишь одну, близко связанную с темой нашего исследования. Англия, Франция, Голландия, быстро ставшие на путь капиталистического развития, имели четко очерченную территорию метрополии, полностью заселенную и освоенную к началу капиталистического периода. В таких условиях, к тому же при наличии морской торговли и колоний, обогащавших нарождавшуюся буржуазию, быстро шел процесс образования промышленного пролетариата. В Англии он очень ярко проявился в ходе известных «огораживаний» XVI—XVII вв.

В России картина была иной. На южной и восточной окраинах Русского государства сохранялись обширные слабо заселенные пространства. Возможности использования огромных земельных резервов в XVII в. определялись в значительной мере успехами в сооружении Белгородской черты и других укрепленных линий. Русская колонизация юга (мы сейчас не говорим о соотношении крестьянской, помещичьей и правительственной колонизации — это особый вопрос) объективно способствовала расширению феодального землевладения на новые территории.

Набрасывая эту схему, мы сознательно отвлеклись от целого ряда социально-экономических и внешнеполитических явлений, оказывавших свое влияние на ход исторического развития России в XVII в. Нам хотелось просто подчеркнуть связь сооружения Белгородской черты даже с таким, казалось бы, общим процессом, как особенности развития феодальных и капиталистических отношений в России. Сооружение Белгородской черты, затронувшее огромную террито-

рию, массы русского населения, было диалектически связано со многими событиями социальной, экономической, политической истории XVII в.

Южная окраина России XVII в. интересовала многих дореволюционных и советских историков, но Белгородская черта долгое время не была предметом специального изучения. Из крупных работ, связанных с нашей темой и изданных до Великой Октябрьской социалистической революции, следует назвать в первую очередь две: книгу Д. И. Багаля «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», опубликованную в 1887 г.³, и книгу И. Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века», вышедшую в свет семью годами позже⁴. Обе они имеют ярко выраженный исследовательский характер, написаны на основании изучения архивных документов.

Д. И. Багаля (1857—1932), рассматривая вопросы колонизации южной окраины, уделил непосредственно Белгородской черте не очень много внимания. К тому же разбивка книги на главы по времени правления царей помешала Д. И. Багалю сосредоточить весь материал о Белгородской черте в одном месте. Опираясь на документы, Д. И. Багаля правильно понял содержание термина «Белгородская черта» и объяснил его, перечислил города на Белгородской черте, кратко описал ее земляные и деревянные укрепления. В названном выше исследовании, а также в двух документальных публикациях «Материалов для истории колонизации и быта»⁵ Д. И. Багаля ввел в научный оборот много документов, относящихся к истории Белгородской черты. Фактический материал о Белгородской черте, приведенный впервые Д. И.

³ Д. И. Багаля. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

⁴ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.

⁵ Д. И. Багаля. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии. [Т. 1]. Харьков, 1886; Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. [Т. 2]. Харьков, 1890 (далее см.: Д. И. Багаля. Материалы...).

Багаляем, в дальнейшем не раз излагался и цитировался, причем некоторые ошибки и неточности Д. И. Багаля, касающиеся географических контуров черты, расположения городов на черте (см. об этом ниже в гл. III), переходили из работы в работу.

Теоретические установки Д. И. Багаля уже подвергались критике со стороны советских историков⁶. Д. И. Багаля был сторонником теории правительственной колонизации южных окраин. Считая, что все шло по плану, составленному правительством, Д. И. Багаля не хотел замечать, как нередко вопреки решениям правительства города и уезды на Белгородской черте заселялись беглыми крестьянами, как иногда само население, хорошо знавшее южную окраину и методы борьбы с татарами, корректировало правительственные планы.

Обилием фактического материала, почерпнутого из архивных документов, ценна и работа И. Н. Миклашевского. И. Н. Миклашевский (1858—1901) впервые тщательно изучил писцовые, дозорные, переписные книги южных уездов России XVII в. Будучи более экономистом и статистиком, чем историком, И. Н. Миклашевский с профессиональным мастерством составил по писцовым книгам статистические таблицы, сделал их анализ. Но Белгородской черты касается он мало и не совсем, на наш взгляд, удачно. Правильно подметив, что колонизация на юге шла вдоль рек, что заселенные территории располагались сначала по Северскому Донцу, Осколу, Воронежу и другим рекам, И. Н. Миклашевский делает далее неожиданный вывод. «С построением Белгородской черты,— пишет он,— последняя как бы заменила реки для заселения края, и поселения стали располагаться по обе стороны ее»⁷. Говорить так—значит не понимать значения Белгородской черты, не чувствовать разницы между западной частью ее, где действительно в середине XVII в. поселения могли располагаться по обе стороны ее, и восточной частью, где попытки поселиться «за чертой» долгое время кончались трагически, где татары не раз пытались «проломить черту».

Мы считаем нужным остановиться еще на одной работе

⁶ См.: М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 419—421.

⁷ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 209.

дореволюционного русского историка — книге И. Д. Беляева, посвященной истории сторожевой службы на юге России⁸. И. Д. Беляев по архивным документам описал и проанализировал довольно сложную систему расстановки сторож и разъездов станиц. В качестве приложения к книге он опубликовал ряд архивных документов, в том числе так называемую «сторожевую книгу», содержащую богатейший фактический материал по организации сторожевой службы, борьбы с татарами, заселению юга России во второй половине XVI в.

Слабее работа И. Д. Беляева там, где автор отходит от анализа источников и пытается делать выводы. Он явно идеализирует русских царей. «Для совершенного покорения Крыма, — пишет он, — было одно только единственное верное средство — постепенное заселение степи и постоянное содержание сторожевого войска на границе; и прозорливый Иоанн (Иван IV. — В. З.) принял за эту мысль со всем усердием человека, убежденного в верности задуманного расчета»⁹. И. Д. Беляев считает действительность правительства всегда правильной, безошибочной. По его мнению, «все меры правительства были в высшей степени благоразумны и совершенно сообразны с обстоятельствами»¹⁰.

Так ли уж были «сообразны с обстоятельствами» решения русского правительства, касающиеся сторожевой и станичной службы на юге? После Смоленской войны 1632—1634 гг. стало заметно, что служба сторож и станиц изживает себя, что она сыграла свою роль и должна отойти на второй план, уступив главную роль в отражении татарской агрессии укрепленной линии и войскам на ней. И. Д. Беляев заканчивает книгу 1644 годом, описывает станичные разъезды из Белгорода, Усерда, Оскола, Валук и не замечает, что в 1643—1645 гг. особенно ярко выявились принципиальные минусы сторожевой службы. Понадобились татарские удары 1643—1645 гг.¹¹, чтобы русское правительство

⁸ И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

⁹ И. Д. Беляев. Указ соч., стр. 60.

¹⁰ Там же, стр. 59.

¹¹ Эта волна татарских нападений приходится на конец царствования Михаила Федоровича и начало царствования Алексея Михайловича и лишней раз показывает принципиальную порочность периодизации истории «по царям», примененной И. Д. Беляевым.

поняло, что расположение полков у Оки и передвижение на огромной территории к югу от Оки сторож и станиц — уже пройденный этап, что нужно форсировать строительство Белгородской черты. И. Д. Беляев, на наш взгляд, переоценивает значение сторожевой и станичной службы в 30—40-х годах XVII в. И, главное, И. Д. Беляев не оставляет в своей книге места для действия народа, самого населения южной окраины России.

Кроме разобранных выше работ, мы не видим в дореволюционной русской историографии серьезных научных исследований, непосредственно связанных с нашей темой. О Белгородской черте кратко упоминалось во многих книгах и статьях, но это были либо слишком общие, либо, наоборот, слишком частные работы, либо, наконец, работы, написанные по смежным темам¹².

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские историки подняли разработку истории нашей страны в XVII в. на качественно новую ступень. Большие результаты были достигнуты в изучении социально-экономических проблем этого периода, особенно развития производительных сил, народных движений и классовой борьбы, а также вопросов внешней политики Русского государства¹³.

Результатом многолетних исследований отношений между Русским государством и Крымским ханством явился труд видного советского историка А. А. Новосельского (1891—1967) «Борьба Московского государства с татарами в пер-

¹² Н. П. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. СПб., 1909; Г. Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882; А. А. Танков. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913; П. Н. Черменский. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. ИТУАК, вып. 54, Тамбов, 1911; Ф. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. 1. СПб., 1858; Ю. В. Готье. Заметки по истории защиты южных границ Московского государства. В кн.: «Исторические известия», изд. историческим обществом при Московском университете, 1917, № 2, и ряд других. В этот список можно включить и монографию А. И. Яковлева «Засечная черта Московского государства в XVII веке» (М., 1916), посвященную описанию старой черты, проходившей под Тулой и Рязанью.

¹³ См.: Б. Б. Кафейгауз, А. А. Преображенский. Проблемы истории России XVII—XVIII вв. в трудах советских ученых. В кн.: «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». М., 1962, стр. 137—186; Л. В. Черепнин. 50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России. «История СССР», 1967, № 6.

вой половине XVII века», вышедший в свет в 1948 г. В нем автор детально разбирает русско-крымские отношения в связи с международной обстановкой и внутренними социально-экономическими процессами, протекавшими как в Русском государстве, так и в Крымском ханстве. В работе дано подробное описание татарских нападений на южные русские окраины и отпора, который давало татарам население. На истории сооружения укрепленных линий А. А. Новосельский решил специально не останавливаться, он оговаривает это в предисловии. «Не входя в исследование таких мер, как построение оборонительных черт, организация сторожевой и станичной службы,— пишет А. А. Новосельский,— мы имели в виду установление общей связи оборонительной политики московского правительства с ходом татарских нападений и международной обстановкой, а также— конкретное описание татарских нападений и борьбы с ними»¹⁴. Исходя из такой установки и не останавливаясь на технической и организационной стороне дела, А. А. Новосельский кратко описывает строительство Белгородской черты¹⁵, попутно исправляя отдельные фактические ошибки и неточности, допущенные Д. И. Багалеем. Кроме названной только что монографии, А. А. Новосельский опубликовал еще ряд работ, способствующих правильному пониманию социально-экономической обстановки в районе Белгородской черты, особенностей социального состава населения южных городов и уездов¹⁶.

В 1955 г. под редакцией А. А. Новосельского и Н. В. Устюгова вышел в свет капитальный коллективный труд советских историков «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». Белгородская черта упоминается в этой книге много раз; авторы говорят о ней в связи с народной колонизацией южной окраины (стр. 33), системами земледелия

¹⁴ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 4.

¹⁵ Там же, стр. 293—307, 367—372.

¹⁶ А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. «Исторические записки», № 4, 1938; он же. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. «Исторические записки», № 16, 1945; он же. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. В кн.: «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961.

(стр. 37—38), развитием процесса закрепощения крестьян и особенностями применения правовых норм (стр. 180), административно-территориальным делением страны (стр. 393), русско-польскими войнами (стр. 462, 482), борьбой России с татарами и Турцией (стр. 476—477, 529). Но повсюду Белгородской черте посвящено лишь несколько строк, и настоящей, хотя бы краткой истории ее нет.

Народные движения и классовая борьба на южной окраине России в XVII в. глубоко изучались Е. В. Чистяковой. Некоторые ее работы непосредственно относятся к Белгородской черте¹⁷. Развитие торговли во второй половине XVII в. в ряде уездов на Белгородской черте прослежено В. М. Важинским¹⁸.

Из работ общего характера, связанных с нашей темой, можно назвать книгу А. В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.» (1954), в которой рассматривается, в частности, состав Белгородского разрядного полка (к сожалению, вне связи с Белгородской чертой). В монографии А. Г. Манькова «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века» (1962) много места уделяется прикреплению крестьян к земле и сыску беглых на южной окраине России, в том числе и на Белгородской черте. Можно было бы указать еще на отдельные работы советских историков, связанные с нашей темой, но связь эта не будет очень прочной. Западные участки Белгородской черты иногда оказывались в поле зрения украинских исследователей¹⁹. Предпринимались попытки и археологического исследования укреплений Белгородской черты²⁰, общесторическое значение которых пока невелико.

¹⁷ Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 года. Воронеж, 1953; она же. Антифеодальный рух у фортецях південно-західної ділянки Белгородської сторожової смуги (1648—1650 рр.). «Український історичний журнал», 1961, № 4.

¹⁸ См.: В. М. Важинский. Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века. «Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та», 1963, № 5.

¹⁹ В. Юркевич. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. Київ, 1932; К. Стецюк. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII ст. Київ, 1960; А. Г. Слюсарский. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. Харьков, 1964.

²⁰ А. В. Никитин. Белгородская крепость XVI—XVII вв. «Советская археология», 1962, № 3.

В конце 40-х годов XX в. к тщательному изучению Белгородской черты приступил воронежский историк В. И. Кошелев (1888—1962). Первые его статьи по этой теме были опубликованы в 1950 г., в дальнейшем появилось еще несколько статей²¹. В. И. Кошелев использовал архивные документы, скрупулезно рассматривал все детали, применял геодезическую съемку местности. Однако в своих работах он не ставил вопросов о Белгородской черте в целом, о ее географических контурах, значении, намереваясь, видимо, сделать это позже, после изучения отдельных участков. Из 25 участков Белгородской черты В. И. Кошелев успел изучить лишь 3: Воронежский, участок Орлова-городка и Козловский (последний — частично).

Итак, история строительства Белгородской черты, ее место в социально-экономической жизни юга России, в последующих внешнеполитических событиях изучены совершенно недостаточно. Отсутствие специальной работы о Белгородской черте вело к путанице в понимании самого термина, неточностям в исследовательских работах по смежным вопросам. В качестве примера назовем хорошо аргументированную статью Л. В. Даниловой, посвященную историческим условиям развития русской народности в конце XV — начале XVII в. В статье можно прочитать, что Белгородская укрепленная линия была устроена во второй половине XVI в. и проходила «через Кромы, Ливны, Елец, Курск, Оскол, Белгород, Воронеж, Валуйки, Царев-Борисов»²². Несколько ошибок допущено в небольшой заметке В. С. Бакулина «Белгородская черта», помещенной в Советской исторической энциклопедии. Уже первая фраза: «Белгородская черта — обо-

²¹ В. И. Кошелев. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке. «Известия ВГПИ», т. 12, вып. 1. Воронеж, 1950; он же. Чертеж Белгорода Меньшого 1693 года (опубл. там же); он же. Схема расположения сторож и укреплений в Воронежском крае XVII века. В кн.: «Из истории Воронежской области». Воронеж, 1954; он же. По Белгородской черте. Козловский вал. «Известия ВГПИ», т. 26, Воронеж, 1958; он же. Возникновение Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства (опубл. там же).

²² Л. В. Данилова. Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., 1958, стр. 136—137. Автор, возможно, имел в виду пригородные укрепления и сторожки, но это — не укрепленная линия; «Белгородской» укрепленной линии в XVI в. не существовало.

ронительная линия на южной границе Русского государства в конце 16—17 вв.»²³ — дезориентирует читателя. Можно подумать, что Белгородская черта существовала в конце XVI в., причем проходила прямо по границе государства, но на самом деле ничего этого не было.

Основными источниками для нашей работы явились рукописные документы XVII в., хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). В первую очередь нами использованы документы Разрядного приказа, в ведении которого находилось руководство строительством укреплений Белгородской черты, а затем управление ею. В фонде Разрядного приказа можно найти многие тысячи документов, относящихся прямо или косвенно к Белгородской черте. Большинство из них отложилось в делах Белгородского стола, но немало и в других столах Разряда — в Приказном, Московском, Севском, Поместном, Денежном, Безгласном, а также в Делах разных городов, Разрядных вязах. Мы использовали документы и других фондов ЦГАДА — Поместного приказа, Межевого архива, Донских дел, Турецких дел, Крымских дел, Приказных дел старых лет, Польских дел.

Рукописные документы XVII в., как известно, сохранились в виде столбцов и книг: в столбцы документы подклеивались, в книги — переписывались. Документ в столбцах более достоверен, они содержат в себе, как правило, подлинники правительственных распоряжений, донесений воевод, важную для нашей темы переписку руководителей строительства городов и укреплений на черте с Разрядом. Много ценного, например, мы почерпнули из столбца № 651 Белгородского стола Разряда, содержащего документы о подробном описании Белгородской черты в 1669 г. Рукописные книги Разрядных столов представляют собой обычно своего рода сборники документов, сводки, составленные в Москве. К этому виду источников следует относиться более критически, так как их составители — московские подьячие не всегда располагали достаточными данными, иногда выдавали намеченное к исполнению за уже сделанное, допускали арифметические и географические ошибки.

Анализ ряда документов мы делаем непосредственно в хо-

²³ Советская историческая энциклопедия, т. 2, 1962, стр. 214.

де исследования при изучении конкретных вопросов. Здесь, в общем источниковедческом обзоре мы хотим для примера проанализировать лишь один из важных источников — так называемые «Белгородские годовые сметные книги».

Более двух десятков этих толстых рукописных книг сохранилось в делах Разрядного приказа. Первая по времени книга датируется 1668 г., последние составлены в начале XVIII в., незадолго до упразднения Разряда. Белгородские годовые сметные книги служат ценным источником для изучения социальной структуры населения, его движения на южной окраине России после завершения строительства Белгородской черты, дают много данных для правильного понимания организации военного дела на юге страны. В них переписаны «служилые и жилецкие люди» городов и уездов, входивших в состав Белгородского разряда, подсчитано количество этих людей, указано их вооружение, перечислена артиллерия, названы, а иногда и описаны укрепления, отмечена даже организация «службы связи» между городами. Наличие Белгородских годовых сметных книг за различные годы дает возможность сравнить их между собой, сопоставить цифровые данные. К сожалению, некоторые книги очень ветхи и не все написанное в них удастся прочитать.

Русский археограф второй половины прошлого века Н. Н. Оглоблин считал, что Белгородские годовые сметные книги составлялись в Белгороде и оттуда присылались в Москву²⁴. Мы не можем согласиться с Н. Н. Оглоблиным. Анализ содержания и внешнего вида книг приводит нас к убеждению в том, что они составлены в Москве.

Вот, например, годовая сметная книга 7181 года (1672/73 г.)²⁵. Без всякого вступления, с первой страницы начинается описание г. Черни. Н. Н. Оглоблин, видимо, был введен в заблуждение началом каждого такого описания. Читаем начало описания г. Черни: «По переписным книгам с Черни воеводы Харлампия Офросимова, каковы он прислал в Белгород за своею рукою в нынешнем 181 году, написано: голова стрелецкой и казачей...». Далее идет перечисление слу-

²⁴ Н. Н. Оглоблин. Обзор историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа. В кн.: «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московск. архиве мин. юстиции», кн. 4. М., 1884, стр. 225.

²⁵ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 80.

жилых людей по именам и фамилиям с указанием их вооружения, описываются деревянные и земляные укрепления, размеры городских стен и башен, артиллерия, подводится итог. Затем то, что касается Черни, переписано вторично, тем же почерком, но с небольшой литературной правкой и вразбивку по статьям. После описания Черни пропущено несколько страниц и начинается такое же описание следующего города — Новосиля.

По всей вероятности, сначала просто было переписано воеводское донесение, а потом подьячий переписал все еще раз в виде, удобном ему для текущей работы. Любопытно, что географические ошибки в книгах являются типично «московскими». В книге 7181 года на 378 листе тем же почерком, как и на соседних листах, сделана запись: «Города налево по черте». Перечисляя города по Белгородской черте, влево от Белгорода, переписчик ставит Белоколодск между Сокольском и Добрым, хотя на самом деле он располагался между Усманью и Сокольском. Подьячие белгородской приказной избы, несомненно, лучше знали расположение городов на Белгородской черте, чем москвичи, и вряд ли допустили бы подобную ошибку. Упоминание Белгорода в начале описания каждого города еще не говорит о том, что книги составлены в Белгороде. Воеводы городов Белгородского разряда посылали ежегодно сметные книги по инстанции в Белгород, а оттуда они направлялись в Москву, где использовались для составления в Разрядном приказе «Белгородских годовых сметных книг»²⁶. Возможно, что и в Белгороде, в приказной избе, проводилась переписка воеводских сметных книг. Но те книги, которые сохранились в ЦГАДА, составлены, несомненно, в Москве. Поэтому первая часть описания каждого города, где еще не сделана московская редакционная правка, будет более ценным источником, чем вторая.

Немало документов, хранящихся в ЦГАДА, в различное время было опубликовано. Из публикаций, оказавшихся довольно полезными для нашей темы, можно назвать три книги «Акт Московского государства» (1890—1901 гг.), некоторые тома «Акт исторических» и дополнений к ним (осо-

²⁶ Кстати, название «Белгородские годовые сметные книги» отсутствует в подлиннике; оно было дано позже, видимо, в XIX в., уже в архиве.

бенно том 9 «Дополнений к Актам историческим», 1875 г.), «Материалы для истории колонизации и быта», изданные Д. И. Багалеем (1886 и 1890 гг.), «Новые документы о России конца XVI—начала XVII века», изданные Г. Н. Анпиловым (1967 г.). Для выяснения участия населения городов и уездов, расположенных на Белгородской черте, в восстании Степана Разина очень полезной оказывается многолетняя публикация документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», изданная в 1954—1962 гг.

Кроме ЦГАДА, для изучения Белгородской черты мы воспользовались и некоторыми другими хранилищами рукописных документов: Центральным государственным военно-историческим архивом, Государственным архивом Воронежской области, отделом рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, отделом рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде, филиалом Центрального государственного исторического архива Украинской ССР в Харькове.

Многое дал нам и непосредственный осмотр местности, по которой проходила в XVII в. Белгородская черта. Стратегические преимущества расположения городов и стоялых острогов Белгородской черты делаются значительно более понятными, когда оказываешься на месте действия, видишь своими глазами особенности рельефа. Личный осмотр и измерения местности помогли нам также более точно установить расположение некоторых укреплений Белгородской черты.

Глава I. ЮЖНАЯ ОКРАИНА РОССИИ ПЕРЕД СООРУЖЕНИЕМ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ РОССИИ В XVII в.

Территория, которая является предметом нашего изучения, ограничена в основном размерами Белгородского разряда — военно-административной единицы XVII в. С севера на юг она тянется примерно на 500 км, с запада на восток — на 400. Это современные центрально-черноземные области РСФСР и северо-восток Украины. Наибольшее внимание мы, естественно, уделяем району Белгородской черты, проходившей по современным Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областям.

На изучаемой территории расположены две географические зоны: лесостепная и степная. Следует отметить, что в Восточной Европе зоны лесостепи и степи тянутся не в строго широтном направлении, а с юго-запада на северо-восток¹. Условная граница лесостепной и степной зон проходит по современной линии Харьков — Острогожск — Тамбов.

Не случайно и Белгородская черта прошла именно в таком направлении: с юго-запада на северо-восток, примерно по южному краю лесостепной зоны. Лес был необходим строителям укреплённых линий на юге России в XVII в. и как строительный материал, и как некоторый заслон от татар; Белгородская черта шла от одного лесного массива к дру-

¹ См.: Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, т. 2. М., 1952, стр. 77.

гому. В степной зоне построить такую «черту» в условиях XVII в. было практически невозможно.

Не противоречит отмеченной закономерности и успешное строительство Изюмской черты. К югу от Харькова у р. Северского Донца до сих пор сохранился среди степи своеобразный остров лесостепного ландшафта, отмеченный географами². Здесь и прошла в 80-х годах XVII в. Изюмская черта. Любопытно, что почти одновременно со строительством Изюмской черты возник план создания еще одной укрепленной линии за Белгородской чертой — по р. Битюгу. Но этот план пришлось отвергнуть, так как место оказалось «некрепким». Прибитюжье находилось частично в степной зоне, и в верховьях Битюга не было никаких естественных препятствий для татарской конницы.

Климат изучаемого района — умеренно-континентальный, преобладают черноземные почвы, природные условия благоприятны для земледелия. Середину и западную часть района занимают отроги Средне-Русской возвышенности, восточнее Дона находится Окско-Донская низменность. Реки в крайней западной части относятся к бассейну Днепра, остальные — к бассейну Дона. В XVII в. реки были здесь полноводнее, чем сейчас, но не намного; другое отличие их от современных заключалось в обилии рыбы, — рыбные богатства рек нередко подчеркиваются в документах XVII в.

Географы и биологи, кроме обычных изменений погоды, подметили чередование засушливых и более влажных периодов на севере, в центре и на юге Русской равнины. Некоторые колебания климата отмечаются и в источниках XVII в. Так, в 30—40-х годах крымские татары и русские послы сообщают о засухе, о суровых зимах в Крыму. О сильных морозах в 40-х годах XVII в. на Украине, видимо, неожиданных даже для местных жителей, пишет француз Г. Боплан. В это же время в донесениях русских воевод встречаются сообщения о засухе, об обмелении степных рек. Создается впечатление, что для времени строительства основных укреплений Белгородской черты характерен более сухой, суровый, континентальный климат в южнорусских степях, чем обычно. Во второй половине XVII в. наблюдается как будто поворот к смягчению климата, увлажнению степей.

² Там же, стр. 14.

Нет необходимости, конечно, преувеличивать влияние этого не очень определенного географического фактора на социально-экономические процессы, протекавшие в России в XVII в., на ход строительства Белгородской черты. Все же иногда его можно иметь в виду. Например, засуха в Крыму и в причерноморских степях расширяла состав участников татарских набегов на русские земли, а из-за необычно сильных морозов в декабре 1645 г. погибли тысячи русских пленников, которых татары пытались угнать в Крым во время зимнего набега.

В XVI и первой половине XVII в. в Русском государстве еще довольно четко выделялись отдельные, исторически сложившиеся области. Названия их (официально, однако, неузаконенные) встречаются нередко в документах, например — в Разрядных книгах³. Подробную характеристику областей Русского государства для конца XVI в. дал С. Ф. Платонов, который выделил области городов поморских, замосковных, от немецкой уkraine, от литовской уkraine, заочских, украинных, рязанских, северских, польских, низовых, а также Вятку, Пермь и земли Строгановых на Урале⁴.

Другое, несколько видоизмененное деление России на области предложил недавно академик М. Н. Тихомиров в работе «Россия в XVI столетии». М. Н. Тихомиров выделяет пять больших областей, а именно: центральные области, Поморье, западные области, южные области, нижнее Поволжье с Закамьем. В число «южных областей России» он включает Заочко-Брянский край, Тульский край, Рязанскую землю, Северскую землю и степную окраину⁵. М. Н. Тихомиров справедливо подмечает неудобство употребления терминов «польские города» и «украинные города», которые неискушенный читатель может спутать с городами в пределах Польши или современной Украины⁶.

При употреблении в дальнейшем географических терминов и делении России на области мы решаем все же следо-

³ См.: Книги разрядные, т. 1—2. СПб., 1853—1855; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

⁴ См.: С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 3—91 и карта в конце книги.

⁵ См.: М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 31—32, 370—429.

⁶ Там же, стр. 379.

вать за документами XVI—XVII вв., связанными с темой нашего исследования. Поэтому мы не отказываемся от терминов «поле», «польские города». Конечно, это не города Польши, а русские города на полевой, степной окраине страны. Хочется подчеркнуть лишь одну, довольно важную деталь. Термины «польские города», «область польских городов» имеют смысл лишь для сравнительно небольшого периода, для каких-нибудь пяти десятков лет (конец XVI в. — первая треть XVII в.). До этого городов «на поле» не было, были лишь «города от поля», т. е. рядом с полем. А с 30-х годов XVII в. здесь возникают один за другим новые города и сама область перестает быть «полем» в том значении, в каком понимали этот термин русские люди. 350—400 лет назад, — слабо заселенной степью⁷.

В 70-х годах XVI в. большой дугой, вогнутой с юго-востока, со стороны степи, располагались на окраине России города⁸ «северские», «украинные» (тульские), «рязанские». Иногда они объединялись в одну рубрику под названием «городов от польской уkraine»⁹. Крайними русскими городами являлись тогда следующие: из северских — Путивль, Рыльск, из украинских — Орел, Мценск, Новоси́ль, из рязанских — Данков, Рязьск, Шацк. Нетрудно заметить, что линия, соединяющая перечисленные выше города, идет в общем направлении с юго-запада на северо-восток и совпадает примерно с осевой линией лесостепной географической зоны в Восточной Европе. Территория, расположенная к юго-востоку от этих городов, где постепенно кончалась лесостепь и начинались степи, тогда называлась «полем». Здесь пока еще не

⁷ Нередко в исторической литературе употребляется термин «дикое поле» для обозначения всей южной степной окраины России. Следуя за источниками, мы воздерживаемся от употребления этого термина в таком значении. Под «диким полем» в документах XVI—XVII вв. понималась просто нераспаханная целина, причем участки «дикого поля» могли находиться даже среди хорошо освоенных земель в любом районе России.

⁸ Термин «город» имел в XVI—XVII вв. в России несколько значений. Это — и особый тип окружавших поселение укреплений (в отличие от острога), и само укрепленное поселение — центр административной власти, хозяйственной жизни, и своеобразная организация служилых людей, живших в уезде, по служивших «по городу». В последнем значении термин «город» включал в себя и территорию уезда.

⁹ См., например, разрядную роспись 1570 г.: Книга разрядная 1475—1598 гг. М., 1966, стр. 231.

было городов, но уже существовало, как мы увидим дальше, русское население.

Первые города «на поле» — Воронеж и Ливны — возникают в 1585 г. В 20-х годах XVII в. перед сооружением Белгородской черты «на польской уkraine» существовало 8 городов. Около них располагались села, деревни. Полевыми городами считались Воронеж, Елец, Ливны, Оскол, Лебедянь, Курск, Белгород и Валуйки, — в такой последовательности перечисляются они в разрядных росписях 1625 и 1626 гг.¹⁰. Странно, что Белгородской черты развернулось именно здесь и не удивительно, что во второй половине XVII в. новая административная единица — Белгородский разряд почти совпала с прежней «областью польских городов».

НАЧАЛО НАРОДНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Обозначив примерные географические пределы полевой окраины Русского государства, мы упомянули о начале ее заселения в XVI в. до возникновения городов. Сейчас на этом вопросе полезно немного остановиться, поскольку он имеет теоретическое значение и непосредственно связан с темой нашего исследования.

Почти вся рассматриваемая территория уже была заселена русскими во времена Киевской Руси. В результате татаро-монгольского нашествия и господства Золотой Орды край оказался опустошенным. Опустошение не было абсолютным для всех частей края, но во всяком случае в ряде районов населения не осталось. В 1389 г. московский митрополит Пимен и его спутники, проехавшие по Дону, не встретили на своем пути ни одного русского селения¹¹. Возможности для новой колонизации края русскими появились после ликвидации татаро-монгольского ига на Руси и распада Золотой Орды, но и в XVI в. их реализация весьма затруднялась продолжавшимся господством татар в причерноморских степях.

¹⁰ Дворцовые разряды, т. 1. СПб., 1850, стр. 736—737; Книги разрядные, т. 1. СПб., 1853, стр. 1235—1238. Изредка в число «польских» городов включался Данков, иногда Лебедянь считалась «рязанским» городом. Исторические области России не имели тогда, как уже отмечалось, официальных границ. Но подавляющее большинство документов относится к полевым городам в 20-х годах XVII в. именно восемь перечисленных выше городов.

¹¹ ПСРЛ, т. 11. М., 1965, стр. 95—96.

В течение XVI в. заметно движение русского населения из центра на южные окраины. Главные причины его, как справедливо отмечал М. Н. Тихомиров, определялись сдвигами в экономической и социальной жизни русского народа¹². После прекращения внутренних феодальных войнросло население. Одновременно шел процесс закрепощения крестьян, и южные окраины были тем местом России, где крестьяне и холопы спасались от феодального гнета. Наиболее смелые из них выходили «в поле», далеко за пределы северских, украинских, рязанских городов и уездов, становились там вольными людьми — «казаками».

Как мы уже говорили во введении, Д. И. Багалей вообще отрицал народную вольную колонизацию юга и заселение южной окраины России полностью приписывал правительственной инициативе. Эта точка зрения, принижавшая творческие силы и способности русского народа, господствовала в дореволюционной историографии. Советские историки справедливо отвергли такую теоретическую установку буржуазной исторической науки. О вольной народной колонизации «поля» говорят факты.

Появление «на поле» в XVI в. казаков — вольных людей чаще рассматривалось в связи с историей донского казачества, оформившегося в начале XVII в. в особое сословие и занявшего низовья Дона. Но его следует рассматривать и в связи с колонизацией степной окраины. Свидетельства о большом количестве казаков «на поле» появляются с середины XVI в., причем речь идет не только о низовьях Дона. В документе 1570 г. за два с лишним десятилетия до основания г. Оскола появляется термин «оскольский казак»¹³. Река Оскол находилась тогда в 200 км от ближайших русских городов — Рыльска, Новосиля, Данкова; «оскольскими казаками» не могли называться служилые люди этих городов. При основании Воронежа значительную часть его нового населения составили люди, набранные на месте. Поблизости (опять-таки в 200 км от ближайших русских городов!) оказалось немало людей, называвших себя «донскими» и «волжскими» казаками. Набрать несколько сот человек на казачью службу не составило здесь большого труда. Доку-

менты разъясняют социальное происхождение некоторых вольных жителей поля, записывавшихся в Воронеже в служилые люди. Это были бывшие крепостные крестьяне¹⁴.

Пришедшие «на поле» до появления здесь городов русские люди, несомненно, занимались не бродяжничеством, а определенной хозяйственной деятельностью. Близость татарских кочевий мешала земледелию; видимо, пока преобладали охота, рыболовство, бортничество. Часть казаков приходила «на поле» на короткое время, а затем возвращалась в родные края, другие оставались надолго, навсегда.

Во второй половине XVI в. русское правительство уже пыталось использовать вольных казаков как боевую силу в борьбе против Крымского ханства, обещало жалованье. Знало правительство и о хозяйственной деятельности казаков. Не имея возможности серьезно ограничить вольную народную колонизацию степной окраины, царское правительство просто пользовалось ее результатами. Большой интерес представляет сохранившийся указ о постройке г. Царева-Борисова в 1599 г. Воеводам — руководителям строительства крепости рекомендовалось привлечь на службу «донецких и оскольских казаков», тех, которые живут на берегах Северского Донца, Оскола и их притоков, выяснить, какими угодьями они владеют, сохранить за ними эти угодья при условии постоянного сообщения вестей о татарах¹⁵.

Учитывая особенности московского делопроизводства того времени, мы позволим себе высказать утверждение, что для появления подобного места в указе необходим прецедент. Мы уже говорили о привлечении на службу местного населения после постройки Воронежа. Аналогичная картина должна была наблюдаться и при строительстве Белгорода, Оскола, Курска. И здесь, несомненно, имелось местное население, привлеченное к службе. Существование поселений вольных людей на берегах Сейма и Оскола в 80-х годах XVI в. подтверждается и документами. В наказе путивльцу А. Зиновьеву, посланному в 1589 г. «на поле» с отрядом служилых людей, говорилось, что вольные казаки «житьем живут по Осколу и по Семи». Путивльские помещики, стремив-

¹² М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 418—419.

¹³ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, стр. 234.

¹⁴ См.: Г. Н. Анпилов. Новые документы о России конца XVI—начала XVII века. М., 1967, стр. 402—403.

¹⁵ Д. И. Багалей. Материалы., т. 1. Харьков, 1886, стр. 10.

шнися раздвинуть свои владения к востоку, сталкивались у Северского Донца с вольными казаками¹⁶.

Конечно, далеко не все вольные люди, главным образом — беглые крестьяне, оказавшиеся «на поле» во время строительства там городов, поступали на службу и становились служилыми людьми. Некоторая часть могла попасть в число крестьян, которых, хотя и в небольшом количестве, мы видим у детей боярских и даже у беломестных и слободских атаманов и казаков. Другие отходили дальше на юг, оставаясь вольными казаками. Во время крестьянской войны начала XVII в. в повстанческой армии Ивана Болотникова и других отрядах сражались тысячи вольных казаков, среди которых отмечаются и «донецкие».

При рассмотрении вопроса о народной вольной колонизации «поля» в XVI в. следует учесть и коренных жителей Путивльского уезда — «севрюков», отлично знавших берега Северского Донца, и рязанские уюжки на реках Воронеже, Усмани, Хаве, — все это еще требует специального исследования. Но и приведенные примеры, на наш взгляд, вполне убедительны для доказательства существования русского населения на «поле» до возникновения первых городов.

Если бы не предшествовавшая и не сопутствовавшая основанию городов «на поле» русская народная колонизация, вряд ли бы устояли эти города под ударами татар. В лучшем случае они «стояли бы одинаково», как метко заметил М. Н. Тихомиров¹⁷. Позже, в 30—40-х годах XVII в., народная колонизация, в которой немалую роль играл вольный элемент, наполнила людьми — воинами и пахарями — Белгородскую черту.

СОСТАВ И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В конце XVI в. к вольной народной колонизации полевой окраины России присоединяется правительственная. Русские воеводы «ставят на поле» города-крепости: Воронеж (1585), Ливны (1585), Елец (1592), Белгород (1596), Курск (1596),

¹⁶ Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898, стр. 250; см. также: Г. Н. Анпилов. Указ. соч., стр. 127—128, 193.

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 420.

Оскол (1596), Царев-Борисов (1599), Валуйки (1599)¹⁸. Строительство их совпало со временем некоторого хозяйственного подъема в России в конце XVI в.

Экономический подъем оказался непродолжительным. Он был прерван неурожаем и голодом 1601—1603 гг., который, однако, серьезно не поразили южные уезды (в Курске даже были хорошие урожаи)¹⁹. Вскоре в России развернулась крестьянская война, охватившая и район «полевых городов»; началась иностранная интервенция.

Польско-шведская интервенция затронула почти все районы России. Особенно пострадали центральные и западные области, большое разорение принесла интервенция и югу страны, где также действовали польско-литовские отряды. В 1617 г. был сожжен г. Оскол. На последнем этапе польской интервенции, в 1618 г., через Ливны, Елец, Лебедянь, разорив их, прошел в сторону Москвы гетман Сагайдачный. Следы «литовского разоренья» еще долго отмечались в описаниях южных русских городов и уездов. Уже после официального перемирия пострадал Белгород, который затем жители восстановили на другом берегу Северского Донца. Польско-шведской интервенции сопутствовали непрерывные нападения татар на южную окраину России. Но города «на поле» держались. Прекратил свое существование только самый отдаленный русский город — Царев-Борисов²⁰, зато к «польским городам» прибавился новый — Лебедянь²¹.

Документы XVII в. постоянно упоминают «служилых людей». Термин «служилые люди» для XVII в. имел не классовый, а сословный характер. «Деление общества на классы, — отмечал В. И. Ленин, — обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»²². В капиталистическом обществе «классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими ус-

¹⁸ В литературе встречаются другие даты возникновения некоторых городов. Подробнее об этом см. ниже.

¹⁹ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 4. М., 1960, стр. 400.

²⁰ Некоторые его жители перешли в Валуйки и Белгород.

²¹ Упоминания о Лебедяни в документах встречаются с 1613 г. (Дворцовые разряды, т. 1. СПб., 1850, стр. 93).

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311.

ловиями»²³, в феодальном обществе классы-сословия имеют особые юридические признаки.

Лица служилого сословия в России юридически имели право владеть землей и крестьянами, они обязаны были нести государственную службу, обычно — военную. С XV по XVII в. сложилась сложная иерархия чинов у служилых людей, достигшая в первой половине XVII в. большой четкости. Надо, однако, учесть, что система чинов применялась лишь к одной группе служилых людей — «служилым по отечеству» (по происхождению). Служилые люди по отечеству делились на три разряда: 1) чины думные (бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки); 2) чины московские (стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы, дьяки); 3) чины городовые (дворяне выборные, дети боярские дворовые, дети боярские городовые). Служилые люди по отечеству получали денежное и земельное жалованье, причем земля им давалась индивидуально. Возможности перехода в более высокие чины определялись родовитостью и выслугой.

Вторую группу служилых людей составляли «служилые люди по прибору» — стрельцы, пушкар, казаки, затынники, воробники, позднее — драгуны, солдаты. Они «прибирались» на службу из различных слоев населения. На южной окраине России служилых людей по прибору было довольно много.

В первой половине XVII в. класс феодалов в России оформился недостаточно четко, и это особенно было заметно на юге страны. В среде служилых людей по отечеству был еще открыт доступ из числа приборных служилых людей, различных «вольных» людей, а также тяглого населения. Однако во второй половине XVII в. все более резко вырисовывается разграничительная линия между служилыми людьми по отечеству, составившими основу класса феодалов-крепостников, и всеми остальными группами русского населения, в том числе и приборными служилыми людьми. Приборные служилые люди по своему экономическому и правовому положению все более отдаляются от служилых по отечеству и сближаются с крестьянами. А в XVIII в. русское дворянство уже замкнулось в привилегированный класс-сословие.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 475.

Таблица 1

Количество служилых людей в городах и уездах полевой окраины России в 1626 г.

Город с уездом	Категории служилых людей								Всего по уезду
	дети боярские	поместные атаманы и казаки	беломестные и слободские атаманы и казаки	статничники и казаки	дети боярские	статничные атаманы и казаки	стрельцы	пушкар и затынники	
Елец	627	53	188	—	—	—	197	47	1570
Курск	864	—	—	—	—	—	200	39	1402
Воронеж	221	85	239	—	—	—	172	51	1057
Ливны	431*	—	101	—	—	—	66	34	916
Балгород	164	—	88	40	—	320	199	44	888
Валуйки	—	—	—	—	—	144	223	100	742
Оскол	155	—	86	20	—	180	79	57	693
Лебедянь	65	—	—	—	—	—	192	39	384
Всего по восьми полевым городам	2627	138	702	60	—	644	1238	411	7652

* В это число включены и поместные казаки.

В таблице 1 показано количество служилых людей в городах и уездах «польской украины» по сохранившемуся списку 1626 г.²⁴

Первыми в списке по каждому городу названы дети боярские. В южных уездах России это были в подавляющем большинстве «дети боярские городовые», занимавшие нижнюю ступеньку в лестнице чинов служилых людей по отчеству. Дети боярские получали денежное и поместное жалованье и обязаны были выполнять полковую службу. Если для детей боярских центральных уездов России полковая служба состояла в эпизодических выступлениях в походы, «на берег» (к Оке) в ожидании татар, то в крайних южных уездах служба детей боярских не отличалась серьезно от казачьей. Дети боярские стояли на сторожах, участвовали в строительстве городских укреплений, выступали против появившихся поблизости татар. Они жили не в городах, а в своих поместьях в уезде.

Дети боярские уездов полевой окраины отличались от представителей господствующего класса центральных районов России не только особенностями службы. Значительное количество поместий юга вообще было лишено крепостного населения. (Так, все дети боярские Оскольского уезда, как видно по писцовой книге 1615 г., не имели тогда крепостных крестьян, обрабатывали землю личным трудом.) Часть детей боярских имела по нескольку крестьянских дворов и очень немногие владели десятками крепостных.

Поместный оклад у детей боярских южных уездов составлял обычно 100—150 четвертей земли «в поле, а в дву по тому ж»²⁵, причем при верстании сыну боярскому отводилась лишь часть окладной земли. Право владения землей каждого сына боярского и размер его оклада подтверждались документами, — в этом заключалось важное отличие землевладения детей боярских от землевладения приборных служилых людей. Это отличие сохранялось и в случае чересполосного пользования несколькими участками земли, которое встречалось у детей боярских и проанализировано недавно в статье Е. И. Самгиной для Чернского уезда²⁶.

²⁴ Книги разрядные, т. 1. СПб., 1853, стр. 1235—1238.

²⁵ При трехпольной системе земледелия можно ограничиться измерением лишь одного поля. В двух остальных считалось «по тому ж».

²⁶ Е. И. Самгина. Служилое землевладение и землепользование

В двух уездах: Белгородском и Оскольском, кроме обычных детей боярских («полковых», как их иногда называют документы, чтобы избежать путаницы), были дети боярские — станичники, постоянно служившие начальниками дозорных передвижных отрядов «станиц» и отличавшиеся от первых видом службы.

Как хорошо видно из таблицы, больше всего помещиков — детей боярских сосредоточилось в северных уездах полевой окраины — Курском, Ливенском и Елецком. Ближе к границе — в Белгородском, Оскольском, Воронежском уездах детей боярских было явно меньше: и в абсолютных числах, и в сравнении с другими категориями служилых людей. Крайний русский город Валуйки не имел совсем детей боярских, вокруг него не сложилось уезда.

Доступ в число детей боярских из других групп населения не был очень трудным на юге России в первой половине XVII в., особенно в 30—40-х годах, когда развернулось строительство новых городов и Белгородской черты. Правительство мирилось с этим, лишь иногда устанавливая различные «новичные статьи» при верстании новых детей боярских. Так, в 1643 г. для г. Корочи специально указывалось, что если «написаны в дети боярские вольные люди, а отцы их и они в детях боярских не были», то поместный и денежный оклад их должен быть меньше: 70—80 четвертей земли, 3—3,5 руб., а у тех, «которые написались из детей боярских, или детей боярских дети» — больше: 100—150 четвертей земли, 4—5 руб. деньгами²⁷.

Следующая большая категория служилых людей — казаки. До возникновения городов «на поле», как уже говорилось, существовали группы вольных людей, называвших себя по реке, где они жили и «гуляли» — донскими, донецкими, оскольскими казаками. Каждая группа обычно имела своего выборного атамана. Беглый крепостной крестьянин из центральной России, побывав год-два в казаках, считал себя уже вольным человеком и мог поступить на службу в южные города. Воеводы новых городов, испытывая большой недоста-

в Чернском уезде в первой половине XVII в. В кн.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 264—273.

²⁷ Царские грамоты на Корочу. Чтения ОИДР, 1859, кн. 2, отд. 2, стр. 4—5.

ток в людях, приглашали казаков на службу, наделяли их землей, жалованьем. Все это поощрялось правительством.

Став служилыми людьми южных городов, такие казаки, на первых порах сохраняли свою организацию, своих атаманов, свое название «казаков» — вольных людей. Прием казаков на службу большими группами был очень удобен. Список 1626 г. позволяет выяснить размеры и происхождение отдельных групп казаков южных городов. Так, в Воронеже выделена группа «казаков донских, которые живут на белых местах, 54 человека»²⁸.

Те атаманы и казаки, которые поселялись в городе «на белых местах» (свободных от податей), назывались беломестными. «Слободские» атаманы и казаки обычно жили в селах, например, в Голубине Оскольского уезда, в Усмани-Собакине, Боровом Воронежского уезда.

Беломестные и слободские атаманы имели высшую норму земельного оклада для приборных людей — до 50 четвертей земли. При поступлении на службу все казаки отдельных групп называли себя иногда атаманами, как, видимо, возникли села, где жили одни «атаманы». В 20-х годах XVII в. некоторые беломестные и слободские атаманы и казаки владели крепостными крестьянами, но в 30—40-х годах они почти полностью потеряли крестьян, «записавшихся на службу» в новые города.

В землевладении казаков по сравнению с детьми боярскими, как уже отмечалось, имелось принципиальное отличие. Земля давалась всей группе казаков вместе, т. е. казакам всего села, всей городской или загородной слободы. Казаки владели землей по одной грамоте. Перевод казака на службу в другой город автоматически приводил к потере им прежнего участка, тогда как «переведенцы» — дети боярские иногда сохраняли за собой прежние поместья. В то же время не надо видеть в землевладении казаков, как и вообще приборных служилых людей, тождества с крестьянским общинным землевладением, например, землевладением дворцовых крестьян Белгородского уезда. У приборных служилых людей доля каждого, как правило, определялась заранее правительством, а не общиной.

²⁸ Книги разрядные, т. 1. СПб., 1853, стр. 1235.

Кроме набранных группами бывших «донских», «волжских» казаков, занимавших среди приборных людей все же привилегированное положение и называвшихся беломестными, слободскими, усманскими, голубинскими, во всех южных городах существовали просто «казаки». Атаманов у них не было. Казаками командовал «казачий голова», специально назначаемый из числа служилых людей «по отечеству». Землей казаки владели в общих полях, на каждого приходилось по 20—30 четвертей. Казаки выполняли обычно конную службу вне города: проводили разведки местности, стояли на сторожах, сопровождали послов или гонцов. Постоянного денежного жалованья они не получали. Казаки, как правило, стремились жить не в городе, а в окрестных селах, поближе к земле. Это видно хорошо на примере Воронежа, где многие казаки самовольно поселились «по конец городских полей» и на «придаточных землях» — в Подклетном, Подгорном, Бобякове, Девице, Семилуках (эти села находятся в 10—15 км от Воронежа). В 1643 г. воевода В. Ромодановский пытался переселить казаков назад в Воронеж, но безрезультатно: те не повиновались²⁹.

В южных уездах встречается небольшая группа «поместных казаков». Это те казаки, которые, продолжая выполнять казачью службу, сумели по каким-то причинам получить землю лично, по типу детей боярских. Уже в списке 1626 г. они объединяются с детьми боярскими, причем указывается общая численность обеих групп. Постепенно поместные казаки слились с детьми боярскими, документы перестают их выделять.

Очень ответственной считалась станичная служба. Выезжавшие далеко в степь дозорные конные отряды — станицы формировались из «лучших», т. е. наиболее зажиточных людей. Наряду со станичниками, владевшими землей в общих полях, уже в 20-х годах XVII в. отмечены станичники, владевшие поместьем лично. Постепенно число последних увеличивалось, и станичная служба стала мыслиться занятием служилых людей по отечеству. Среди станичников были «вожи», т. е. проводники, знатоки местности, и рядовые «ездоки». Из восьми городов «поля» станичники имелись в трех южных: Белгороде, Осколе, Валуйках. В первых двух каж-

²⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 192, л. 268.

дая станция возглавлялась сыном боярским, в последнем — атаманом.

К служилым людям по прибору относились казенные ямщики или, как их называют документы, «ямские охотники». Их мы находим в небольшом количестве на пути, по которому двигались послы и гонцы между Москвой и Крымом.

Остальные категории приборных служилых людей по роду своей деятельности были тесно связаны с городами. В 1626 г. в восьми городах полевой окраины России насчитывалось 1238 стрельцов (см. табл. 1). Они несли пешую гарнизонную службу в пределах города-крепости. Только в Валуйках — городе, занимавшем особое положение на полевой окраине, мы находим наряду с пешими конных стрельцов. Стрелецкие земельные участки были значительно меньше казачьих; в общих полях стрельцы имели по 8 четвертей земли. Как и рядовые казаки, стрельцы некоторых южных городов жалованья не получали, «служили с земель»³⁰. Будучи городскими жителями, стрельцы в большей степени, чем другие приборные служилые люди, занимались ремеслами и торговлей.

К приборным служилым людям относились пушкарни и затинщики. Первые обслуживали крупнокалиберную крепостную, вторые — мелкокалиберную артиллерию (затинные пищали). Затинщиков мы встречаем не во всех городах, тогда как пушкарни обязательно имеются в каждом городе. Как и стрельцы, пушкарни занимают ремеслом и торговлей, но их роль в хозяйственной жизни невелика просто потому, что пушкарей немного: по полтора-два десятка в городе. Перед началом строительства Белгородской черты в Белгороде было всего 16 пушек, в Воронеже — 10, в Осколе — 11, в Валуйках — 15³¹. Большого количества пушкарей не требовалось, так как каждый пушкарь обслуживал одно орудие.

Сторожь у крепостных ворот назывались воротниками. Это еще одна небольшая группа приборных служилых людей. Воротников вместе с пушкарями и затинщиками иногда объединяли в документах XVII в. в одну группу.

Собственно посадское население («посадские жилецкие люди») отмечается по списку 1626 г. только в Воронеже и

³⁰ В списке 1626 г. это специально оговорено для Воронежа, Ельца и Лебедин.

³¹ Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отдел рукописей, F-IV-75. Описная книга пушек, л. 42—50.

Ельце. Несколько десятков дворов «торговых и мастеровых людей» было также и в Белгороде, как видно по писцовой книге 1626 г. Малочисленность, а кое-где и отсутствие посадских людей не свидетельствовали об отсутствии в южных городах ремесел и торговли. Города, возникшие «на поле», не оставались в стороне от общего процесса социально-экономического развития, только главную роль в торгово-ремесленной деятельности играли здесь не посадские, а мелкие служилые люди.

Сложным является вопрос о количестве крестьян на юге России в первой половине XVII в. Все исследователи отмечают большую роль мелких служилых людей в жизни края, но некоторые не находят крестьян совсем, другие отводят крестьянам очень мало места, третьи видят на юге все же довольно многочисленное крестьянское население. На наш взгляд, сама постановка вопроса о количестве крестьян на юге России в XVII в. исключает точный ответ на него. В южных уездах не было ни постоянного количества, ни постоянного роста крестьянского населения в течение столетия. Рост количества крестьян, наметившийся в ходе восстановления хозяйства от последствий иностранной интервенции начала XVII в., продолжался до 30-х годов. В 30—40-х годах количество крестьян в ряде уездов резко уменьшилось: крестьяне либо бежали от помещиков и записывались в служилые люди в новых городах, либо официально переводились правительством в число приборных служилых людей. Затем вновь началось увеличение крестьянского населения. Но это лишь одна сторона вопроса. Дело и в том, что различные, даже соседние уезды юга России очень отличались друг от друга по количеству крестьянского населения. Мы уже подметили закономерность в размещении помещиков (служилых людей по отечеству) по уездам полевой окраины России в 20-х годах XVII в. Чем дальше от границы, от татарских кочевий, тем их больше; чем ближе к татарам, тем больше служилых людей приборных чинов. Примерно то же наблюдается и в размещении крестьянского населения. В северной части полевой окраины крестьян больше, в южной — меньше или нет совсем.

Поэтому вопрос о количестве крестьян надо решать конкретно для определенного уезда и определенного времени, средние цифры здесь далеко не всегда будут полезны. К то-

му же не надо забывать, что крестьяне были не единственными земледельцами на южной окраине. Земледелием на юге занимались и мелкие служилые люди, причем подавляющее большинство приборных служилых людей и часть детей боярских обрабатывали землю собственными силами: личным трудом и трудом своей семьи.

В свое время подсчет крестьянского населения для ряда южных уездов первой половины XVII в. провел И. Н. Миклашевский. В Воронежском уезде в 1629 г. было 1570 крестьянских и бобыльских дворов, в Белгородском уезде в 1626 г. — 597³². В это число не входили белгородские черносошные крестьяне посольной волости (ориентировочно 300—400 дворов) и небольшое количество монастырских крестьян. В данных уездах, располагавшихся непосредственно в районе будущей Белгородской черты, число крестьян и бобылей лишь немного превышало число служилых людей. В более северных уездах полевой окраины — Курском, Ливенском, Елецком крестьян было значительно больше, а в восточной части Лебедянского уезда сложился даже район крупного феодального землевладения.

Земледелие и животноводство были главными занятиями населения южной окраины — мелких служилых людей и крестьян. Здесь, в зоне черноземной лесостепи, имелись наиболее благоприятные природные условия для земледелия, чем где-либо в России. Считалось само собой разумеющимся, что у населения южной окраины, если оно успело обжиться, завести пашню, имеется хлеб. Это видно и по официальным правительственным распоряжениям, и по практике обеспечения хлебом войск на Белгородской черте в середине XVII в. (например, вновь набранных солдат в 1653 г.), и по широкому развитию хлебной торговли с донским казачеством, с низовьями Дона. В течение XVII в. русская земледельческая культура успешно продвигалась на юг. Совершенствовалось трехполье. Озимой культурой была рожь, основным яровым хлебом — овес. Практиковались также посевы гречихи, проса.

В первой половине XVII в. на полевой окраине Русского государства еще оставалось довольно много свободных земель — «дикого поля», что создавало большие потенциальные возможности для увеличения производства зерна. Устанав-

ливая определенные нормы и формы землепользования мелких служилых людей, ограничивая проникновение на юг крупного землевладения (см. об этом также в гл. IV), русское правительство пыталось сохранить земельные резервы юга. В первой половине XVII в. это было не очень трудно; земли, как правило, хватало. Любопытно, что когда в 1647 г. сокольским новоприборным драгунам забыли установить в с. Кузьминках норму земельных наделов, драгунов это ничуть не обеспокоило, — только через 26 лет выяснилось, что «они земель владеют и пашут, сколько кому вмошь»³³.

Уже в первой половине XVII в., несмотря на слабую плотность населения, наличие участков нераспаханной целины, частые татарские набеги, на полевой окраине России стали скапливаться излишки хлеба, поступавшие на рынок. Для населения полевой окраины важное значение имела донская торговля. (Кстати, еще более важное значение она имела для донских казаков, не занимавшихся тогда земледелием). Торговля между населением южных русских уездов и низовьями Дона велась почти непрерывно, вполне легально. В низовьях Дона на речных судах воронежские, белгородские, елецкие, курские «торговые люди» везли муку, крупы, мед, вино, изделия из кожи, посуду, мелкую галантерею. С низовьев Дона пригоняли коней, привозили рыбу, икру, соль. Большую часть «торговых людей», участвовавших в донской торговле, составляли мелкие служилые люди; из тяглых слоев населения с донским казачеством торг вели жители монастырских оброчных слобод³⁴.

Так же, как и в торговле, в развитии ремесленного производства главную роль в первой половине XVII в. в южных городах играли не посадские, а мелкие служилые люди, особенно жители городов — стрельцы, пушкарни. К середине XVII в. заметно увеличение численности и ремесленников-профессионалов, в частности в Воронеже, Ельце. Ремесло развивалось в направлении территориальной специализации. Так, центром металлообработки стал Елец, где в 1653 г. по подсчету В. М. Важинского работали 43 кузницы и 14 горнов³⁵.

³³ ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 65, л. 4.

³⁴ См.: А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII веке. «Исторические записки», № 26, 1948, стр. 206.

³⁵ См.: В. М. Важинский. Указ: соч., «Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та», 1963, № 5, стр. 105.

³² И. Н. Миклашевский. Указ: соч., стр. 109, 118—119.

Города полевой окраины России, как правило, являлись не только военными крепостями, но и экономическими центрами. Любопытно, что все 8 городов полевой окраины, существовавшие в 20-х годах XVII в. (Воронеж, Курск, Белгород, Валуйки, Елец, Ст. Оскол, Ливны, Лебедянь), сохранили до наших дней «ранг» города. Другое дело — города, построенные позже, в 30—40-х годах XVII в. на Белгородской черте. Некоторые из них так и не стали экономическими центрами, и после потери Белгородской чертой военного значения превратились в села или даже совсем исчезли с географической карты.

Несколько слов следует сказать и о монастырях полевой окраины. Монастырское землевладение не получило здесь большого развития. В восьми рассматриваемых нами уездах находилось около двух десятков монастырей. Из них только два можно причислить к средним: Успенский (в Воронеже) имел 144 крестьянских и бобыльских двора, Никольский (в Белгороде) — 68. У остальных было менее 50 дворов крестьян и бобылей³⁶. Характерно, что часть монастырских крестьян жила не в селах, а в городах; так, из 144 крестьянских и бобыльских дворов, принадлежавших Успенскому монастырю, 119 находилось в г. Воронеже, в слободке за острогом, у реки.

В той части «поля», которую мы рассматриваем, не было туземного, нерусского населения, поэтому миссионерская деятельность монастырей исключалась. Некоторые монастыри (Святогорский на берегу Северского Донца, Холковский у впадения р. Холка в Оскол, Борщевский на берегу Дона) возникли южнее городов Белгорода, Оскола, Воронежа. Они подвергались нападениям татар, имели укрепления. Святогорский монастырь к началу строительства Белгородской черты запустел. Укрепления Борщевского монастыря вошли затем в Белгородскую черту.

Существенной роли в колонизации края монастыри не сыграли.

³⁶ Так, Троицкий елецкий монастырь имел 47 крестьянских и бобыльских дворов, Сергиевский ливенский — 35, Покровский девичий воронежский — 46. Это данные 1646 г. (См.: П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. I, вып. 2. Киев, 1919, стр. 286—288).

РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ БУДУЩЕЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

Вокруг городов, возникших «на поле», исторически складывались уезды. Города, села, деревни занимали сначала «крепкие места» у рек, между степными татарскими дорогами, в стороне от них. Из восьми городов полевой окраины, существовавших в 20-х годах XVII в., семь имели тесно связанные с ними села и деревни, свой уезд. Ниже мы рассмотрим те уезды, которые позже, в 30—40-х годах XVII в., стали местом строительства укреплений Белгородской черты, в первую очередь и главным образом — Воронежский и Белгородский.

Датой основания Воронежа является, по нашему мнению, 1585 год³⁷. Вопросу о дате основания этого города мы уже посвятили специальную статью и не будем ее пересказывать³⁸.

По воронежской дозорной книге 1615 г. и писцовой книге 1629 г.³⁹ можно получить четкое представление о размерах Воронежского уезда. Села Воронежского уезда располагались под естественной защитой Усманского бора и трех рек: Дона, Воронежа, Усмани. С севера на юг заселенная часть уезда вытянулась примерно на 120 км, с запада на восток — на 50—60 км. Уезд в 1629 г. делился на 4 стана: Чертовичский, Карачунский, Борщевский, Усманский. Довольно крупными поселениями, насчитывавшими от нескольких десятков до сотни дворов, были в Чертовичском стане села Чертовичское, Рамонь, деревни Айдарова, Животишная; в Карачун-

³⁷ Первое упоминание в летописи слова «Воронеж» относится к 1177 г. Вопрос о существовании г. Воронежа в XII в. до сих пор окончательно не решен.

³⁸ См.: В. П. Загоровский. Из истории городов на Белгородской черте. «Труды ВГУ», т. 64. Воронеж, 1966. (Раздел «В каком году основан город Воронеж?», стр. 24—33). В статье дается новый анализ текста рукописной «сторожевой книги» XVI в., на основании которой раньше считали, что Воронеж возник в 1586 г.; со сторожевой книгой сопоставляются некоторые вновь обнаруженные и уже известные документы.

³⁹ Эти рукописные книги находятся в ЦГАДА, каждая из них хранится в двух списках. Описание 1615 г. и выдержки из описания 1629 г. опубликованы под ред. Л. Б. Вейнберга и А. А. Полторацкой (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. 2. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891).

ском стане села Белый Колодезь, Вербилково, Курино; в Борщевском стане села Губарево, Устье, дер. Ендовище; в Усманском стане села Усмань-Собакино, Боровое, Излегощи, Ступино, дер. Пескоратая.

В промежутке между 1615 и 1629 гг. население уезда увеличилось; некоторые населенные пункты, названные в 1615 г. деревнями и починок, превратились в села — поселения более крупные, имеющие и церковь. В 1615 г. названо 51 поселение в Воронежском уезде, в 1629 г. — уже 62.

Воронежский уезд, кроме основной части, занятой селами и деревнями, имел и другую часть, где сел и деревень не было. Еще в XVI в. в России сложилась своеобразная форма использования феодальным государством обширных незаселенных территорий на юге страны. Здесь отдельные участки сдавались в аренду на год или на несколько лет для рыбной ловли, добычи пушных зверей, сбора меда диких пчел. Эти участки назывались «ухожьями» или «ухожьями» (написание «ухожей», а во множественном числе — «ухожьи» встречается в документах XVII в. во много раз чаще, чем «ухожай»). В том же значении употреблялось и тюркское слово «юрт». Ухожьи были приписаны к определенному городу и являлись особой частью его уезда. Перед сооружением Белгородской черты откупные воронежские ухожьи начинались сразу же за городом и тянулись вниз по Дону до земель донских казаков, захватывая притоки Дона Хворостань, Потудань, Тихую Сосну, Икорец, Битюг, Осередь, Черную Калитву, Богучар, Толучееву. В первые годы существования Воронежа небольшие ухожьи поблизости от города нередко давались служилым людям «за половину жалованья». Позже воронежский воевода стал сдавать от имени царского правительства ухожьи на откуп «из наддачи», то есть фактически с публичных торгов. На схематической карте Воронежского уезда хорошо видно, что территория, занятая ухожьями, значительно превышала заселенную часть уезда.

Дозорная книга 1615 г. называет 17 воронежских ухожьев, в документах последующих лет мы нашли упоминание еще о двух, возникших, видимо, после 1615 г. В ходе сооружения Белгородской черты ухожьи, оказавшиеся «в черте», прекратили свое существование. На защищенных от татарских набегов землях прежних ухожьев возникли новые города и села. Некоторые ухожьи, оставшиеся «за чертой» ниже по течению

Дона, были приписаны к Воронежу и во второй половине XVII в.⁴⁰

Среди откупщиков (арендаторов) воронежских ухожьев в 1615 г. мы видим главным образом мелких служилых людей, причем не только детей боярских — служилых по отчеству, но и служилых по прибору — стрельцов, казаков. Позже арендаторами ряда ухожьев стали монастыри.

Рис. 1. Воронежский уезд в 20-х годах XVII века. Заштрихована часть уезда, где существовали постоянные поселения: I — Чертовщинский стан, II — Карачунский стан, III — Борщевский стан, IV — Усманский стан. Арабскими цифрами обозначены ухожьи (ухожан): 1 — Окологородный, 2 — Форосанский, 3 — Лысогорский, 4 — Потуданский, 5 — Сосенский, 6 — Богатый Затон, 7 — Икорецкий, 8 — Марковский, 9 — Битюцкий, 10 — Бабий, 11 — Серецкий и Шиповы леса, 12 — Калитвинский, 13 — Белозатонский, 14 — Боучарский, 15 — Толучеевский, 16 — Терновский, 17 — Иловский и Сосенский леса, 18 — речка Красная Девница, 19 — речка Хава

Откупная система оказывала двойственное влияние на хозяйственное освоение Воронежского уезда, частично способствуя этому освоению, но в некотором роде затрудняя его. Откупщики не устраивали постоянных поселений на терри-

⁴⁰ Судьбу воронежских ухожьев после сооружения Белгородской черты мы вкратце проследили в одной из статей. См.: В. П. Загорский и др. Земледельческое население в придонских уездах на Белгородской черте в середине XVII века и возникновение первых сел «за чертой». В кн.: «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год». Кишинев, 1966, стр. 205.

тории ухажьев как из-за опасности татарских набегов, так и из-за особого, временного характера пользования ухажьем. Они бывали там наездами, обычно летом. Мы знаем результат подробного осмотра р. Битюга в 1685 г., когда на месте прежде единого Битюцкого ухажья существовало уже 12 самостоятельных юртов. Хотя это 80-е годы XVII в., но в системе хозяйственной эксплуатации ухажьев вряд ли произошли заметные изменения. И. Жолобов, проехавший по Битюгу в августе 1685 г., только в пяти юртах нашел людей, в остальных семи — людей не было, стояли «пустые избы». Пустовали также Икорецкий и Марковский юрты, и там не было откупщиков или их работников⁴¹.

Редко бывая на территории ухажья и хищнически эксплуатируя его природные богатства, откупщики резко противились появлению на «своем» ухажье посторонних лиц. В этом смысле система ухажьев мешала вольной колонизации края.

Интересно проанализировать систему воронежских ухажьев и как новую форму хозяйственной жизни, отличавшуюся от традиционных форм феодальной формации. Сам принцип сдачи ухажья в аренду тому, кто даст больше денег, скорее подходит для капиталистической системы хозяйства, а не для феодальной. Он исключает значение сословных привилегий. Ухажьи брали «на откуп» представители различных групп общества, даже крепостные крестьяне⁴².

В ЦГАДА сохранилось немало любопытных документов о спорах за право временного владения ухажьями. Рассмотрим один из таких споров, проходивший в 1646 г. Перед этим реки Битюг и Осередь арендовал «Воронежа города иноземец» Савелий Хомицкий. В воронежских документах середины XVII в. это имя встречается довольно часто. Мы видим С. Хомицкого в качестве руководителя строительства городка Орлова на Белгородской черте, позже некоторое время он был даже воеводой этого города, встречаются сведения о попытках обучения им «драгунскому строю» новоприборных

⁴¹ ЦГАДА, дела разных городов, кн. 68, л. 75—121. О «Битюцком розыске Ивана Жолобова» упоминал Д. И. Багалеи. Имеется также специальная статья М. Тимошенкина «Битюцкий розыск» («Подъем», 1962, № 4).

⁴² Так, в 1615 г. крестьянин Успенского монастыря Ю. Перегудов арендовал за 6 руб. в год Толучеевский ухажей — самый дальний из воронежских ухажьев. В 1623 г. крестьянин боярина И. Н. Романова Г. Побежимов арендовал Битюцкий и Серецкий ухажьи.

драгун. Приехавший в Россию, видимо, как военный специалист, С. Хомицкий получал денежное и хлебное жалованье: 12 руб. в год и 24 четверти хлеба; но поместье первое время не имел⁴³. С 1 сентября 1641 г. он взял «на откуп» на 5 лет Битюцкий и Серецкий ухажьи, за которые платил ежегодно по 86 рублей 2 алтына 2 с половиной деньги (кстати, эта сумма в 7 раз больше, чем его жалованье).

В начале 1646 г., когда пятилетний срок аренды приближался к концу, он снова просит свой прежний ухажей «на откуп» и предлагает «наддачу в казну» — 4 руб. в год. Но у С. Хомицкого появились конкуренты — «пушкарь, торговый человек» Клим Московкин, а также Семилуцкая пустынь. Все три челобитные воронежский воевода послал в Москву. С. Хомицкий мотивировал свою просьбу отсутствием поместья; тем, что он «беспоместный иноземец». Поп Арсений ссылаясь на то, что все воронежские монастыри владеют ухажьями, причем некоторые даже бесплатно, «без откупа», а у Семилуцкой пустыни ухажьев нет⁴⁴. К. Московкин не считал нужным чем-либо мотивировать свою просьбу: он просто заявлял, что даст за ухажей больше денег, чем другие, и для начала предлагал платить больше «Савельевой наддачи» по 6 руб. в год.

С. Хомицкий и К. Московкин прибыли лично в Москву, где 27 февраля 1646 г. состоялся своеобразный аукцион: «в Разряде воронежцы Сава Хомицкий и Климко Московкин ставлены и Битюцкого и Серетцкого ухажья торговали»⁴⁵. Когда К. Московкин стал давать 161 руб. ежегодно, С. Хомицкий отказался от торга. Насколько выгодно было владеть ухажьем, видно хотя бы из того, что К. Московкин вместо 6 руб. ежегодной «наддачи» прибавил почти 75 руб. «Пушкарь, торговый человек», как называл себя К. Московкин, располагал весьма крупными для того времени средствами. Чтобы не оказаться в убытке, чтобы с выгодой эксплуатировать природные богатства ухажья (ловить рыбу, бить бобров, собирать мед), а затем реализовывать продукцию,

⁴³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 210, л. 352. Позже С. Хомицкий получил поместье, в 50-х годах он находится уже в числе «детей боярских дворовых».

⁴⁴ Позже, в 1659 г., Семилуцкая пустынь получила в аренду Икорецкий ухажей.

⁴⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 210, л. 356.

К. Московкин должен был иметь не один десяток вольнонаемных работников. Следует учесть и огромные размеры его владений. Битюг тянется в длину на 352 км; площадь его бассейна — 9080 кв. км⁴⁶; да и Осередь не очень маленькая речка.

По распоряжению, посланному в Воронеж из Разрядного приказа, воронежский воевода должен был передать ухожей во владение К. Московкину и оберегать «откупщика от насильства ото всяких людей»⁴⁷.

Приведенный пример довольно характерен. Наличие незаселенных территорий на юге России создавало возможности для развития капиталистических тенденций, предпринимательской деятельности, что подтверждает система «откупов» воронежских ухожьев. Но при общем господстве феодального хозяйства в стране эти тенденции не могли получить большого развития. Количество ухожьев постепенно уменьшалось, их территория сокращалась. Еще до окончательного заселения края некоторые прежние ухожьи стали владениями монастырей-феодалов, к началу XVIII в. ухожьи, сдаваемые в аренду, исчезают.

Воронежский уезд, включая обе его части — и заселенную и не имевшую постоянных поселений, занимал в 20-х годах XVII в. огромную территорию, примерно в 40 тысяч кв. км. Мы можем ориентировочно подсчитать количество и плотность населения в Воронежском уезде перед строительством Белгородской черты. Считая в среднем по 6—7 человек на каждый двор⁴⁸ и имея в уезде вместе с городом около трех тысяч дворов, получаем примерно 18—20 тысяч жителей обо его пола. Плотность населения оказывается очень низкой; с учетом заселенной и незаселенной части уезда (в целом по уезду) — всего 0,5 человека на квадратный километр. Поскольку из 40 тысяч кв. км Воронежского уезда примерно 35 тысяч приходилось на зону откупных ухожьев, то для за-

⁴⁶ См.: Большая советская энциклопедия, т. 5, изд. 2. М., 1950, стр. 263.

⁴⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 210, л. 369.

⁴⁸ Эти общепринятые для южных уездов того времени нормы, конечно, приблизительны. П. П. Смирнов для Орловского уезда по писцовой книге 1594/95 г. дает среднюю цифру в 6,18 чел. на каждый двор (П. П. Смирнов. Орловский уезд по писцовой книге 1594—5 гг. Киев, 1910, стр. 78). И. Н. Миклашевский принимал за среднюю норму 7 чел. на двор, М. Н. Тихомиров, следуя за П. П. Смирновым, — 6.

селенной части уезда плотность населения будет в 8 раз больше и составит примерно 4 человека на 1 кв. км. Для сравнения можно отметить, что в настоящее время, по данным переписи 1959 г., плотность населения в Воронежской области составляет 45,2 человека на 1 кв. км.

Белгородский уезд имел много общего с Воронежским. Как и в Воронежском, в нем были две отличные друг от друга части: в одной располагались села и деревни, в другой — приписанные к уезду «юрты». Белгородский уезд занимал в 20-х годах XVII в. довольно большую территорию, по все же почти вдвое меньшую, чем Воронежский. И «по возрасту» г. Белгород был моложе Воронежа.

В вопросе о дате основания Белгорода до сих пор не было полной ясности. Указа об основании Белгорода (как и указов об основании большинства городов юга России) не сохранилось, а упоминания о Белгороде в летописях весьма неопределенны⁴⁹. В дореволюционной литературе чаще других выдвигались две даты возникновения г. Белгорода: 1593 г. и 1599 г. Первую дату поддерживали, в частности, Д. И. Багалей⁵⁰, И. Н. Миклашевский⁵¹, вторую — Н. Д. Чечулин⁵². В последнее время А. А. Новосельский упомянул третью дату постройки Белгорода — 1598 г.⁵³, тогда как М. Н. Тихомиров соглашался с Д. И. Багалеем и И. Н. Миклашевским⁵⁴. Еще одну дату основания Белгорода — 1592 г. мы находим в новейшей статье А. П. Пронштейна⁵⁵.

На наш взгляд, вопрос о времени возникновения Белгорода полностью прояснился после опубликования В. И. Бугановым разрядной книги в малоизвестной редакции 1598 г. Одновременно выяснились даты восстановления Курска и основания Оскола — еще двух городов «на поле».

⁴⁹ См., например, ПСРЛ, т. 14. М., 1965, стр. 45.

⁵⁰ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 41.

⁵¹ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 65.

⁵² Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 15.

⁵³ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 44. Прежде эту дату, но не как дату основания города, а лишь как упоминание о существующем городе употреблял И. Д. Беляев.

⁵⁴ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 422.

⁵⁵ А. П. Пронштейн. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону. В кн.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 166.

Вот запись в разрядной книге об основании Белгорода, Оскола и Курска: «Да того же лета⁵⁶ июня в 16 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси посылал на поле на Донец на Северской Чугуева городища и иных городовых мест по Донцу и по иным рекам смотреть, где государю города поставить, голов Ивана Лодыженского да Третьяка Якушкина, да подъячево Никифора Спиридонова.

И, приехав с поля, головы Иван Лодыженский да Третьяк Якушкин, да подъячей Никифор Спиридонов сказал государю (титул), что они наехали место на поле на Донце на Северском, словес Белогородье, и то место крепко, гора велика, и леса пришли великие и земля добра, мочно быть на том месте городу. А в другом месте нашли на поле на реке на Осколе усть Оскольца место крепко и угодно, мочно на том месте городу быть, а Чюгуево городище сказали некрепко и негодно.

И государь (титул) указал поставить на поле новых три города: на Донце на Северском на Белогородье город да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третьей город. И на Донец на Северской на Белогородье послан города ставить воеводы князь Михайло Ноздроватой да князь Ондрей Волконской, да подъячей Микифор Спиридонов. А на Оскол посланы города ставить воевода князь Иван Солнцов да голова Иван Мясной, да подъячей Михайло Нечаев. На Семи на Курское городище посланы города ставить воевода Иван Полев да голова Нелюб Огарев, да подъячей Яков Окатьев.

И по государеву (титул) указу те воеводы и головы поставили на поле три города: на Донце на Северском Белгород да на Осколе Оскольский город, да на Семи город Курск то же осени⁵⁷.

Не удивительно, что Белгород, Курск и Оскол были построены «то же осени» (той же осенью). Строительство небольшого деревянного города-крепости за 2—3 месяца было обычным делом. Сохранился указ 1599 г. об основании Валуек, тогда намечалось построить город за три месяца⁵⁸. Еще

быстрее возводились стены ряда городов на Белгородской черте (см. главу II). Подробности, приведенные в тексте разрядной книги, не вызывают сомнений в том, что автор текста знал не дошедшие до нас документы об основании Белгорода, Курска, Оскола. Ему, видимо, был знаком царский указ и переписка Разрядного приказа с воеводами — руководителями строительства этих городов. По нашему мнению, 1596 г. следует считать датой основания Белгорода⁵⁹ и Оскола, восстановления Курска.

Сохранилось несколько описаний Белгородского уезда (в списках-копиях). Одно из них — 1646 г. было частично напечатано⁶⁰, а писцовая книга Белгородского уезда 1626 г. в свое время была подробно проанализирована И. Н. Миклашевским⁶¹.

Заселенная часть Белгородского уезда располагалась в промежутке между двумя татарскими дорогами — Муравской и Изюмской — в верховьях Северского Донца. Уезд делился на четыре стана: Сажный, Разумницкий, Коренский, Короченский. К Белгородскому уезду относилась также посопная дворцовая волость.

Крупнейшим поселением в Сажном стане было с. Сажное, которое существует и поныне на берегу р. Сажного Донца. В селе насчитывалось 107 дворов. Остальные поселения стана были невелики. К югу от Сажного стана по р. Разумной находился Разумницкий стан. Здесь наиболее крупными поселениями были с. Никольское (Ястребово), деревни Мясоедова, Мелехова. Любопытное сообщение встречается в писцовой книге 1646 г. о дер. Игумнове. Это вотчина Никольского монастыря, прежде здесь было с. Никольское, по крестьяне «ушли в службу»⁶² и село запустело, превратилось в деревню. В Коренском стане находились села Ушаково, Никольское, Боровое, дер. Чураева — все они существуют и поныне. Короченский стан был населен меньше всех, наиболее крупное его селение — дер. Ртельная, или Купина, имело 34 двора.

Дворцовая волость занимала среднее течение рек Корень

⁵⁶ 7104-го по старому русскому летоисчислению, или 1596 г. по современному счету лет, поскольку дело происходило в июне.

⁵⁷ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, стр. 500—501.

⁵⁸ Д. И. Багалей. Материалы., т. 2. Харьков, 1890, стр. 2.

⁵⁹ Мы здесь не касаемся вопроса о существовании на территории Белгорода поселения времен Киевской Руси.

⁶⁰ А. А. Танков. Указ. соч. Приложения, стр. 39—51.

⁶¹ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 103—109.

⁶² А. А. Танков. Указ. соч. Приложения, стр. 43.

и Корочи и была прикрыта с юга лесами. К дворцовой волости относились села Городище и Заячье, деревни Ломова, Новая Слободка, Мазикина, Тюрина, Коренская.

Ни к одному из четырех станов не отнесено в 1626 г. с. Стариково, расположенное на р. Короче и населенное беломестными казаками. Оно описано вместе с Белгородом, хотя находилось далеко от него. Стариково возникло, видимо, еще в XVI в., оно относилось сначала к Белгородскому уезду, после основания Яблонова (1637) попало в Яблоновский уезд, затем отошло к Короче.

Появление поблизости от Белгорода городов-крепостей на Белгородской черте Яблонова и Корочи изменило контуры

Рис. 2. Белгородский уезд в 20-х годах XVII века. Заштрихована часть уезда, где существовали постоянные поселения: 1 — Сажный стан, 2 — Разумницкий стан, 3 — Коренский стан, 4 — Короченский стан, 5 — дворцовая волость. Незаштрихованная часть уезда — Донецкая волость, район «белгородских юртов»

Белгородского уезда, который потерял свою восточную часть. Кроме с. Старикова к Короченскому уезду перешли с. Городище и дер. Тюрина из посонной волости, а также некоторые селения бывшего Короченского стана. Прделав такие же подсчеты, как и по Воронежскому уезду, мы ориентировочно можем определить общее количество населения в Белгородском уезде в 20-х годах XVII в. в 12—14 тысяч человек.

На Белгородских юртах мы подробно останавливаться не будем. Территория, занятая белгородскими юртами, называ-

лась Донецкой волостью⁶³. В 1626 г. 7 белгородских юртов из 9 находились во владении помещиков и даже приравнивались к определенному количеству земли (к 50, 100, 150 четвертям). Белгородские юрты прекратили свое существование раньше, чем воронежские ухожьи. Уже в 1638 г. на их территории возник г. Чугуев⁶⁴, а после воссоединения Украины с Россией (1654 г.) сюда устремилась мощная украинская переселенческая волна.

Воронежский и Белгородский уезды в 20-х гг. XVII в. были крупнейшими на полевой окраине. Курский и Ливенский уезды отличались от первых двух отсутствием огромных территорий ухажьев или юртов. Но и они не занимали еще своими селами и деревнями всей территории «поля», располагаясь между татарскими степными дорогами, под защитой рек и лесов.

Ливенский уезд делился на 4 стана: Красный, Серболов, Мокрецкий и Затруцкий. Первые три стана названы по имени лесов, и это весьма характерно. Многие села Ливенского уезда находились около небольших лесов (больших лесов здесь не было), которые все же давали возможность населению скрываться во время татарских набегов. Села и деревни Красного стана располагались к северу от г. Ливен на речках Лесной и Полевой Ливнах, а также на их притоках — у Красного леса. Серболов стан находился восточнее, занимая угол, образованный р. Быстрой Сосной и ее притоком Большой Чернавой. Мокрецкий стан был отделен от города и первых двух станов Муравской дорогой. Его села и деревни располагались на берегах р. Тима. Затруцкий стан был самым обширным, в него входили села и деревни, находившиеся к западу от города, за р. Трудами. Между немногочисленными поселениями этого стана, располагавшимися по верховьям Быстрой Сосны, рекам Хвошце (Фошне), Трудам, Куначу, оставались еще обширные территории «дикого поля».

В начале 30-х годов XVII в. Ливенский уезд подвергся опустошительным татарским набегам. Это чувствуется и при

⁶³ Белгородская писцовая книга 1626 г. ЦГАДА, ф. 1209, ед. хр. 15817, л. 205 об.

⁶⁴ Осенью 1638 г. на Чугуевском городище поселилось 1008 черкас. Деревянную крепость строили сами украинские переселенцы, а также служилые люди из Белгорода, Курска и Оскола. Весной 1639 г. Чугуевский уезд был отделен от Белгородского. См.: Воссоединение Украины с Россией. Документы. Т. 1. М., 1954, стр. 294—297.

сравнении описаний уезда 1620 и 1646 гг.⁶⁵ По переписной книге 1646 г. видно значительное уменьшение количества помещиков и крестьян в уезде, по сравнению с 1620 г.; почти во всех селах и деревнях населения стало меньше, хотя полностью запустело лишь несколько деревень (например, Малахова и Быкова в Серболовом стане). Переписная книга 1646 г. отмечает даже новые деревни Лебедки и Пятину, возникшие в Мокрецом стане на р. Тиме.⁶⁶

Оскольский уезд буквально был «сдавлен» на берегах р. Оскола между Изюмской и Кальмиусской дорогами. Писцовая книга Оскольского уезда 1615 г. свидетельствует об исключительной малонаселенности сел и деревень. Самым крупным было село в 23 двора. После описания какого-либо села или деревни писцовая книга обычно сообщает, что у каждого, помещика по одному двору, крестьян ни у кого нет.⁶⁷

Довольно большое передвижение русского крестьянского населения как последствие разорения в результате интервенции начала XVII в. уже не раз отмечалось исследователями. А. А. Новосельский тщательно изучил движение крестьян в район полевых городов. Он проанализировал 546 случаев крестьянских побегов на южную окраину в 10—20-х годах XVII в., по которым возникали так называемые «дела о крестьянстве». Оказалось, что 510 семей из 546 (93,4%) разместились в Курском, Ливенском и Елецком уездах и только 36 семей прошли дальше — в Белгородский, Воронежский, Оскольский и Лебедянский уезды.⁶⁸ Соотношение 14:1 весьма характерно и говорит о том, что вольная крестьянская колонизация захватывала в то время в основном северную часть поля, не подходя к району будущей Белгородской черты. А. А. Новосельский показал также, что эти крестьянские переселения были, как правило, хорошо подготовлены. Крестьяне уходили семьями, со всем хозяйственным имуществом, со скотом. На юг уходили не бедняки. «В составе беглых, — пишет А. А. Новосельский, — мы видим крестьян разного экономического состояния — от рядовых до самых крепких и

зажиточных; беднейших элементов деревни мы здесь не видим»⁶⁹.

В 20-х годах XVII в. в период относительного затишья, отсутствия крупных татарских вторжений, население в Курском, Ливенском и Оскольском уездах увеличилось. Но степные дороги оставались открытыми, и татарские набеги начала 30-х годов приостановили этот процесс.

Совсем не имел уезда, «своих» сел и деревень г. Валуйки — крайний русский город «на поле». Валуйские служилые люди жили под защитой городских укреплений, валуйская писцовая книга отмечает полное отсутствие в Валуйках помещиков — детей боярских.

Не существовало сел и деревень в 20-х годах XVII в. и к западу от Белгородского уезда в верховьях р. Ворсклы. Сюда выдвигался Путивльский уезд. Как видно из описания 1628 г., на Ворскле располагались путивльские ухажьи.⁷⁰

Несколько другая картина наблюдалась на северо-востоке полевой окраины. Довольно быстро заселялась северная часть Елецкого уезда — у среднего течения р. Красивой Мечи. Сравнительно спокойным районом оказалась и юго-восточная часть Лебедянского уезда, занимавшая территорию между реками Доном и Воронежем. С востока, со стороны Ногайской дороги, она была прикрыта лесами и р. Воронеж, с юга — селами Воронежского уезда и г. Воронежем, с запада — Доном и городами Ельцом и Лебедяню. На эти земли устремились крупные феодалы. Еще в конце XVI в. большая территория между реками Доном и Воронежем стала владением бояр Романовых. Сначала это были «угодепные места», приписанные, видимо, к их вотчинному городку — Скопину, в начале XVII в. в этой романовской вотчине уже существуют села. Центром вотчины было с. Ромалово Городище на берегу р. Воронежа.⁷¹

Документы 1628 г., приведенные в качестве приложения к

⁶⁵ А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII века. «Исторические записки», №16, 1945, стр. 64.

⁷⁰ ЦГАДА, писцовые книги, № 368 («Писцовая книга путивльских ухажеев»). В отличие от обширных воронежских ухажьев и белгородских юртов, путивльские ухажьи были мизерны, обычно по несколько бортовых деревьев в каждом.

⁷¹ См.: П. Н. Черменский. Донские вотчины бояр Романовых. ИТУАК, вып. 57. Тамбов, 1917, стр. 43—54.

⁶⁵ ЦГАДА, писцовые книги, № 488, л. 400—420; № 14, л. 416—459.

⁶⁶ ЦГАДА, писцовые книги, № 14, л. 447.

⁶⁷ ЦГАДА, писцовые книги, № 342, л. 1—235.

⁶⁸ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 161—164.

работе Е. Сташевского, свидетельствуют о быстром росте населения в романовской вотчине в 1613—1628 гг. Приказчики боярина И. Н. Романова вывозили крестьян от мелких помещиков, другие крестьяне сами шли к крупному феодалу, особенно из разоренных польскими интервентами районов⁷².

К северу от владений боярина И. Н. Романова у р. Воронежа располагалось в 20-х годах XVII в. еще несколько довольно крупных феодальных вотчин и поместий. Здесь владели землей два московских монастыря — Чудов и Новоспасский, князь А. Н. Трубецкой, И. Г. Бобрищев-Пушкин, Б. И. Плещеев. Село Кривец, принадлежавшее Новоспасскому монастырю, было крайним в Лебедянском уезде. Далее, выше по р. Воронежу, начинались земли села Горетова Рязского уезда, принадлежавшие одному из героев борьбы русского народа против интервентов в начале XVII в. — князю Д. М. Пожарскому. Владения Д. М. Пожарского доходили до слияния Лесного и Польного Воронежей, до края больших лесов. Лежавшие восточнее земли у р. Польного Воронежа еще не были заселены, сюда выдвигались ухажьи дворцовой Верхоценской волости Шацкого уезда.

Итак, в ряде мест будущего строительства Белгородской черты в 20-х годах XVII в. уже имелось русское население, существовали города, села, деревни. Это районы Воронежа, Белгорода, берега р. Воронежа. Но многие места, где вскоре прошла Белгородская черта, берега Тихой Сосны, Ворсклы, частично — Дона, степные междуречья, не имели еще постоянного населения. Поселения на полевой окраине России располагались в это время под естественной защитой рек, лесов. Плотность населения была невелика. Большие территории заняты были откупными ухажьями.

НАБЕГИ ТАТАР

Размещение населения на полевой окраине Русского государства в 20-х годах XVII в. в значительной мере определялось направлением татарских вторжений, конкретными и довольно постоянными путями набегов. Набеги татар не только определяли расположение русских сел и деревень — борь-

⁷² Е. Сташевский. К истории колонизации юга. М., 1913, стр. 70—85.

ба с татарами пронизывала всю жизнь, быт населения. Постоянная угроза грабежа, чужеземного плена, гибели висела над тысячами семей мелких служилых людей и крестьян южной окраины. Борьба с татарами была в полном смысле слова вопросом жизни и смерти для русского населения. Тяжелые потери понес русский народ в этой борьбе, но не сдался, не отступил, а, наоборот, отражая татарские набеги, продолжал трудиться, осваивать новые территории. Действительно, как образно заметил академик М. Н. Тихомиров, «есть что-то... чудесное в заселении обширных южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар»⁷³.

Мы не видим необходимости подробно касаться вопроса о социально-экономическом развитии Крымского ханства и других татарских орд, но должны сказать о путях татарских набегов и тактике татарских отрядов, вторгавшихся в пределы России.

От границы Русского государства с Крымским ханством шли по речным водоразделам в общем направлении на север три основные степные дороги: Муравская, Изюмская и Кальмиусская. Западная дорога — Муравская, или Муравский шлях⁷⁴ — начиналась у верховьев р. Самары, притока Днепра, и дугой огибала притоки Северского Донца. Далее Муравская дорога проходила по водоразделу Ворсклы — Северский Донец, оставляя к востоку крайние русские села и деревни Белгородского уезда (мы имеем в виду 20-е годы XVII в.). Севернее Белгорода, в степи, у истоков Северского Донца, Псла и Донецкой Сеймицы находился Думчий курган. Здесь была развилка степных дорог. Главная отходила на восток, где у верховьев р. Сейма Муравская дорога соединялась с Изюмской. На запад от Думчего кургана поворачивал между Пслом и Сеймом Бакаев шлях, в северо-западном направлении к верховьям Оки шел Пахнуцкий шлях.

Изюмская дорога⁷⁵ начиналась, как и Муравская, в вер-

⁷³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 418.

⁷⁴ В источниках чаще мы встречаем термин «Муравский шлях», по употреблению и русское слово дорога, например, в «Росписи польским дорогам» — интересном документе, составленном в Москве по донесениям станичников в 90-х годах XVI в. (Д. И. Багалей. Материалы., т. I. Харьков, 1886, стр. 1—5).

⁷⁵ Изюмская и Кальмиусская дороги обычно в источниках называются «сакмами». Сакма — это след на земле, оставшийся после прохождения конницы.

ховьях р. Самары, но шла прямо на север, где у Изюм-кур-гана татары переправлялись через Северский Донец. Затем Изюмская дорога проходила западнее р. Оскола, причем у верховьев Волчьих вод и р. Нежеголи существовало ответвление на восток, через перелаз на р. Осколе к соседней, Кальмиусской дороге. Проходя далее между р. Корочей и верховьями правых притоков р. Оскола, Изюмская дорога у истоков р. Сейма соединялась с Муравской. Села и деревни Белгородского уезда оставались западнее Изюмской дороги, Оскольский уезд — восточнее. Дальнейший путь татар к северу от места соединения Муравской и Изюмской дорог лежал к переправам через р. Быструю Сосну. Преодолев эту реку, татары могли повернуть к р. Зуше — притоку Оки, где располагались Новосильский, Мценский и Чернский уезды, либо пройти у верховьев р. Мечи и тульским селам.

Несколько восточнее первых двух дорог, у истоков р. Кальмиуса начиналась Кальмиусская степная дорога. Татары переправлялись через Северский Донец западнее р. Айдара и устремлялись на север, между реками Осколом и Айдаром, оставляя слева Валуйки. Через Тихую Сосну татары обычно переправлялись Каменным бродом, но существовали и другие переправы. Далее к северу Кальмиусская дорога шла к бродам на р. Быстрой Сосне.

Кроме трех названных степных дорог, были еще некоторые, обычно соединявшиеся с главными. Так, выше Изюм-кургана пересекала Северский Донец Савинская дорога, соединявшаяся севернее с Изюмской.

И, наконец, восточнее Дона шла через верховья Битюга между Польшым Ворожеем и Цной Ногайская дорога, по которой вторгались в Россию ногайские татары из прикаспийских и прикубанских степей.

Все дороги татарских вторжений проходили главным образом по возвышенностям, по сухим водоразделам рек. Татары старались избегать переправ через реки, заболоченных мест, лесов. В татарских отрядах всегда были проводники, изучившие степные просторы России, знавшие броды через реки, места удобных стоянок.

Тактику татар во время набегов довольно подробно описал французский инженер Г. Боплан, находившийся в 30—40-х годах XVII в. на территории современной Украины (тогда она входила в состав Речи Посполитой). Г. Боплан лично

видел татар, участвовал в борьбе с ними. И по отношению к украинскому, и по отношению к русскому населению татары применяли одинаковую тактику, поэтому мы можем вполне воспользоваться записками очевидца.

Как представители монголоидной расы, татары внешне резко отличались от русских, украинцев, поляков. «Татарина можно узнать с первого взгляда», — говорит Г. Боплан. Он не замечал у татар огнестрельного оружия, хотя в русских источниках иногда упоминаются отряды татар «с вогненным боем». Г. Боплан пишет, что «татары вооружены саблею, луком и колчаном с 18 или 20 стрелами; на поясе висит нож, огниво для добывания огня, шило и 5 или 6 сажен ременных веревок для вязания пленных... Стрелы их летят дугою, вдвое далее ружейной пули»⁷⁶. Татары были умелыми наездниками, с каждым всадником обычно шли еще две свободные лошади. Переправа татар через реки проходила сразу на большом участке реки с пологими берегами. Татары складывали снаряжение и одежду на легкий плот, привязывали его к лошади и преодолевали реку вплавь, держась за гриву лошади. По словам Г. Боплана, татары переплывали реки «все вдруг строем».

Летом татары совершали набеги и крупными, и мелкими силами, зимние набеги были редким явлением, причем в зимний поход обязательно шло очень много татар. Во время крупных набегов в походах участвовали десятки тысяч татар. Придя в район, заселенный русскими или украинцами, татарское войско разделялось на отряды по несколько сот человек, которые отделялись от главных сил поочередно. Эти отряды «рассыпаются по деревням, окружают селения со всех четырех сторон и, чтобы не ускользнули жители, раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут сопротивляющихся, уводят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз»⁷⁷.

Главной целью любого татарского набега был захват добычи: пленных (полона) и скота, поэтому крупные татарские отряды обязательно стремились проникнуть в густонаселенные районы. Цель набегов определяла и тактику. Стремясь

⁷⁶ Боплан. Описание Украины. СПб., 1832, стр. 41, 43, 55.

⁷⁷ Там же, стр. 50.

захватить полон, а не территорию, татары избегали боевых столкновений, не оставались подолгу в одном месте, спешили уйти с добычей. Некоторых, наиболее ценных полоняников татары увозили на конях, всех остальных гнали, как скот. Это был страшный, неприкрытый грабеж южных районов России. По подсчету А. А. Новосельского, в течение первой половины XVII в. было уведено татарами в полон 150—200 тысяч русских людей, причем А. А. Новосельский добавляет, что эти цифры являются минимальными⁷⁸.

Татары, как правило, не использовали полоняников в своем хозяйстве, а продавали «за море», главным образом в Турцию. Очень выгодно было татарам получить за полоняника выкуп, который иногда достигал нескольких сот рублей.

Отдельные татарские набеги предпринимались непосредственно по распоряжению крымского хана, а иногда и турецкого султана, так как Крымское ханство находилось в вассальной зависимости от Турции. Нередко небольшие татарские отряды действовали самостоятельно. Но для русского населения южной окраины эта разница не имела принципиального значения. Населению приходилось самому бороться с татарами. Служилые люди и крестьяне выходили на пашню с оружием, скрывались от татар в лесах и небольших деревенных острожках, смело вступали с врагом в бой, отбивали захваченных в плен родных и близких, жителей своего и соседних уездов.

С территории Украины, находившейся в составе польско-литовского государства, татары в первой половине XVII в. уводили еще больше полоняников, чем из России. Но можно ли считать, как пишет в связи с этим А. А. Новосельский, что «московская оборонительная система значительно ослабляла эффективность татарских нападений и оправдывала свое назначение и затраты на нее государственных средств»⁷⁹? По нашему мнению, до строительства Белгородской черты достоинства «московской оборонительной системы» были весьма сомнительны и заметны только в сравнении с почти полным отсутствием таковой в Польше. Сторожевая служба и выдвижение полков дворянской конницы в район Оки были

⁷⁸ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 436.

⁷⁹ Там же, стр. 435.

малой толикой того, что могло сделать Русское государство для защиты населения южной окраины от татар. Правительство даже не платило денежного жалованья гарнизонам южных городов — приборным служилым людям, которые служили за право пользования небольшим участком пустовавшей до этого земли. Эта «система» по сути дела переключивала всю тяжесть борьбы с татарами на плечи населения южной окраины. В 20-х годах XVII в., когда Воронеж, Белгород, Оскол существовали уже по 30—40 лет, полки дворянской конницы ни разу не выдвигались к этим городам, а продолжали выстраиваться в тылу, недалеко от Оки.

Пока интересы большинства бояр и дворян, владевших землями и крестьянами в центре России, серьезно не затрагивались татарскими набегами, существующая «система» борьбы с татарами устраивала русское правительство, отражавшее в целом взгляды господствующего класса. Не раз царское правительство бросало население юга на произвол судьбы.

Для подтверждения достоинств государственной системы борьбы с татарами А. А. Новосельский упоминает случаи освобождения русскими воинами больших групп полоняников, которых татары угоняли в Крым. «В 1632 г. воевода И. Вельяминов освободил в пределах Новосильского уезда, — пишет он, — 2700 полоняников. В 1634 г. орловский воевода Д. Колтовский освободил недалеко от Орловского городища 650 человек полоня»⁸⁰. Но разве воеводы своими собственными силами освобождали русских пленных? Или правительство выделяло им для этого специальные отряды? Нет. Пленных освобождали мелкие служилые люди южных уездов, выходившие на бой с татарами под официальным командованием воевод. Они отбивали у татар своих братьев, жен, детей. Сам А. А. Новосельский приводит многочисленные примеры этой подлинно народной борьбы населения юга России с татарами.

СТОРОЖЕВАЯ И СТАНИЧНАЯ СЛУЖБА

Русские города и села отделялись от районов татарских кочевий сотнями километров степных и лесостепных пространств. Напрашивалось организовать в степи разведку.

⁸⁰ Там же.

Выдвинутые вперед, в степь, отряды конных русских воинов могли заранее узнать о движении татар, предупредить об этом правительство, население. Хорошо организованная разведка давала возможность заранее подготовиться к татарскому нападению, собрать войска, нанести татарам ответный удар.

К XVI в. сторожевая служба уже имела историю и традиции. В летописях встречаются упоминания о посылках в южную степь русских сторожевых отрядов еще в эпоху феодальной раздробленности. В 1380 г. московский князь Дмитрий Донской посылал в степь сторожей, которые внимательно следили за движением хана Мамай и привозили сообщения князю⁸¹. Сторожки известны и в XV в. Но организация сторожевой службы в южной степи в общегосударственном масштабе стала возможной лишь в XVI в., после объединения всех русских земель вокруг Москвы и образования Русского централизованного государства.

Первым и, пожалуй, единственным исследователем сторожевой службы в России был И. Д. Беляев; его основную работу по этому вопросу мы разобрали в историографическом обзоре. После работы И. Д. Беляева развитие русской сторожевой службы в целом не изучалось, появлялись лишь статьи по сходным и частным вопросам⁸². Используя как источники, введенные в научный оборот И. Д. Беляевым, так и некоторые другие документы XVI—XVII вв., мы постараемся показать сторожевую службу на юге России в историческом развитии, выяснить ее значение перед сооружением Белгородской черты.

Что же такое сторожки и станицы, в чем их отличие? Сторожка — это наблюдательный пост, состоявший из нескольких всадников, которые обычно должны были ездить по небольшому, заранее намеченному участку, взад и вперед, например поперек татарской дороги. Смена сторожей производилась в зависимости от ряда причин (расстояния от города, величины опасности) через несколько дней, неделю, даже через ме-

⁸¹ ПСРЛ, т. 11, М., 1965, стр. 52.

⁸² С. Л. Марголин, Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. «Труды Государственного исторического музея», вып. 20, 1948; В. И. Кошелев, Схема расположения сторожей и укреплений в Воронежском крае XVII века. В кн.: «Из истории Воронежской области», Воронеж, 1954.

сяц. Станицы представляли собой дозорные подвижные отряды, выезжавшие из города в степь по заранее установленному маршруту и возвращавшиеся в город⁸³. Была у станичников и в XVI и в XVII вв. еще одна обязанность — поджог степей, осуществлявшийся нередко на больших пространствах. Степь жгли, как говорится в одном документе, для того, «чтоб в приход воинским людям лошадей накормить было нечем»⁸⁴.

В середине XVI в. большое значение имели сторожки и станицы, выезжавшие из северских городов Путивля и Рыльска на юго-восток. Географическое положение этих городов позволяло им получать наиболее раннюю информацию о выступлении крымских татар. Эти сведения передавались в Москву. Например, в 1552 г. путивльский станичник Иван Стрельник сообщил в Москве, что крымские татары идут на русские города и «уже Донец Северский перелезли»⁸⁵.

В 1571 г. общерусским руководителем сторожевой службы стал князь М. И. Воротынский. В Москву из южных городов были вызваны знатоки степной окраины — дети боярские, станичники, сторожа, вожи (проводники). Именно из расспросов этих людей, проведенных в Разрядном приказе и записанных в «сторожевую книгу», мы узнаем о многих деталях организации сторожевой службы на степной окраине до 1571 г. Большой интерес представляет и сам факт созыва такого представительного военного съезда. Тогда же был составлен замечательный устав сторожевой службы⁸⁶. Нельзя считать автором устава одного М. И. Воротынского. Этот документ был плодом коллективного творчества участников съезда, о чем говорит и сам текст («боярин князь Михайло Иванович Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и с станичниками»).

В уставе давалось определение задач сторожевой службы: чтобы «украинам было бережнее, чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили». Подробно говорилось об обязанностях сторожей. Кто-либо из

⁸³ Слово «станция» имело примерно такое же значение и у донских казаков в XVII в. Это конный подвижной отряд, выезжавший с определенной целью.

⁸⁴ ЦГАДА, столбцы Безгласного ст., № 51, л. 20.

⁸⁵ ПСРЛ, т. 13, М., 1965, стр. 187—188.

⁸⁶ АМГ, т. 1. СПб., 1890, стр. 2—5.

сторожей должен быть всегда на коне, спешиваться все одновременно не имели права. Запрещалось делать остановки в лесах, разводить огонь для приготовления пищи дважды на одном месте. Каждый сторож обязан был иметь двух хороших коней. В уставе разъяснялось, как поступать при обнаружении татар. В то время как один из сторожей сообщал о появлении врага в ближайший город, другие должны были зайти в тыл татарам и определить численность врагов по оставленным следам. Устав устанавливал сроки сторожевой и станичной служб: с 1 апреля до «больших снегов».

Принципиально новым в сторожевой службе было введение с 1571 г. общерусских сторожевых постов в южной степи, помимо станиц и сторож, высылаемых из отдельных городов. Решено было организовать 4 общерусских сторожи-поста, каждую под руководством стоялого головы. Первая (если считать с востока) устраивалась на правом берегу Волги при устье речки Балыклен, вторая — «на Дону у Вешек» (район современной станицы Вешенской в Ростовской области), третья — на р. Осколе при впадении в него речки Убли, четвертая — на р. Сейме при устье речки Хона. Позже первая сторожа передвинулась к Тилеорманскому лесу (район современного г. Борисоглебска Воронежской области), вторая перешла к устью р. Тихой Сосны, третья осталась на своем месте — на р. Осколе, четвертая выдвинулась на р. Северский Донец к устью р. Уд. Так располагались эти общерусские сторожи-посты по росписи 1577 и 1578 гг.⁸⁷

Стояли они большую часть года — весной, летом и осенью. Одновременно на четырех сторожах находилось около 400 человек⁸⁸. Между всеми четырьмя сторожами проводились постоянные разъезды казаков-сторожей по 6 человек по точно установленным маршрутам. Место расположения общерусских сторож, количество людей в них, расписание разъездов устанавливались ежегодно в конце зимы в Разрядном приказе сначала под руководством М. И. Воротынского, а затем Н. Р. Юрьева.

Общерусские сторожевые посты существовали до возникновения «на поле» первых городов: Воронежа и Ливен, по-

⁸⁷ Там же, стр. 35.

⁸⁸ По расчету 1571 г. одновременно должно было находиться на четырех сторожах 455 человек, но затем эта цифра была несколько сокращена.

следний раз они были установлены на 1585 г. Правда, к этому времени вместо четырех общерусских сторож остались лишь две центральные. Сторожа у Тилеорманского леса оказалась ненужной — там татары в 80-х годах не ходили, а у Северского Донца достаточно было путивльских сторож. Возможно, что и хозяйственный кризис в центральных районах России в 70-х — начале 80-х годов XVI в. сыграл роль в уменьшении числа общерусских сторож.

Большое внимание при реорганизации сторожевой службы в 1571 г. было уделено путивльским и рыльским станицам. Прежде станицы, видимо, выезжали в степь эпизодически, теперь было составлено строгое расписание. Из Путивля станицы должны были выезжать по двум направлениям, из Рыльска — по одному; разъезды начинались с 1-го апреля. Для уточнения маршрутов путивльских и рыльских станиц были посланы князь М. Тюфякин и дьяк М. Ржевский. После осмотра местности М. Тюфякиным и М. Ржевским путивльские и рыльские станицы продвинулись дальше на юг, чем раньше.

Историки до сих пор обращали внимание на военное значение реорганизации сторожевой и станичной службы в 1571 г. Мы хотим подчеркнуть и политическое значение этих мероприятий, в частности поездки М. Тюфякина и М. Ржевского в южные степи. На крайних точках станичных разъездов М. Тюфякин и М. Ржевский весной 1571 г. устроили специальные пограничные знаки. На огромном дубе, росшем у истоков р. Миуса, был высечен крест, на дубе в верховьях р. Орели выбиты имена Тюфякина и Ржевского, год, месяц и число⁸⁹. Этим актом как бы утверждались официальные границы Русского государства в южной степи, которые выдвигались вплоть до р. Миуса. Считалось само собой разумеющимся, что русские станицы ездили по своей земле, по территории Русского государства. Теперь их путь лежал до границы.

Среди решений о реорганизации сторожевой и станичной службы, принятых в Москве в феврале 1571 г., было специальное постановление «о путивльских севрюках». Местные неслужилые жители северской земли — «севрюки», ездившие прежде на донецкие сторожи по найму, за деньги, теперь от-

⁸⁹ АМГ, т. I. СПб., 1890, стр. 14.

странялись от дела. В сторо́жи и станицы впредь можно было посылать только служилых людей, но никак не наемников. Путивльскому воеводе предписывалось поверстать новых детей боярских поместными и денежными окладами. Разрешалось также набрать в казачью службу 100 конных казаков, «а служить им посылки полские и сторожи с земли без денег»⁹⁰.

Сторожевая служба была опасным и трудным делом, требовала от рядовых ее исполнителей мужества, смекалки, выносливости. Организованная в 70—80-х годах XVI в. сразу по трем линиям (общерусские сторожевые посты, станицы из городов, сторожи из городов), она сыграла немалую роль и в предупреждении внезапных татарских набегов, и в деле закрепления за Россией огромных пространств незаселенного или почти незаселенного «поля». Она исторически подготовила возникновение «на поле» русских городов в конце XVI в.

Однако уже в XVI в. стал чувствоваться принципиальный недостаток сторожевой службы. Она предназначалась для того, чтобы предупредить о движении врага, но не отразить его. Недаром сторожевая служба «на поле» обязательно соединялась с выдвинутием войск к Оке. Несмотря на довольно четкую организацию сторожевой службы, хорошие боевые и профессиональные качества русских сторожей и станичников, татарские нападения не прекращались, и в 70—90-х годах XVI в. крымские и ногайские татары по-прежнему проникали в центр России⁹¹.

Во время польско-шведской интервенции начала XVII в. на несколько лет пришла в упадок общегосударственная система борьбы с татарами, в том числе и сторожевая служба. Крымские и ногайские татары чувствовали себя хозяевами положения, подолгу оставались в русских землях для грабежа и даже «жили без выхода»⁹². Полки дворянской конницы не выдвигались на Оку, борьбу с татарами вело только

⁹⁰ Там же, стр. 6. В сторожевой книге этот документ записан как подготовленный для доклада царю. Вскоре он, несомненно, был утвержден, что хорошо видно по состоянию сторожевой службы в последующие годы.

⁹¹ См. перечень татарских нападений во второй половине XVI века в кн.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 427—433.

⁹² См.: А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 73—77.

само население. После 1618 г. начинается период относительного «затишья» на юге, и документы 20-х годов XVII в. рисуют восстановленную систему сторожевой службы.

Сохранилась подробная роспись сторо́ж и станиц, высланных из южных городов в 1623 г. По этой росписи мы хорошо можем представить себе схему расположения сторож в районе будущей Белгородской черты, пути станичных разъездов из полевых городов.

15 сторо́ж располагалось вокруг Белгорода, окружая заселенную часть Белгородского уезда. Три из них стояли западнее города у Муравской степной дороги. Сторо́жа, расположенная северо-восточнее Белгорода у верховьев рек Коренья и Корочи, следила за Изюмской дорогой. Поблизости от Изюмской степной дороги располагалась и крайняя юго-восточная сторожа, которая стояла «за белгородскими за крайними деревнями» на р. Нежеголи. На донецких верховьях между Белгородом и Курском располагались совместные белгородско-курские сторожи. Несколько сторож находилось у самого города; как видно из росписи, не исключалась возможность, что татары «пойдут из Руси»⁹³.

Белгородские сторо́жи состояли из трех-четырёх человек, а одна, расположенная на городском поле «у Везеницкой дубровы», даже из двух. Сторо́жа стояли «в день и в ночь», и это можно понять. Сторо́жи находились у города, у белгородских сел и деревень; было просто некогда заходить в тыл татарским отрядам, изучать их следы, как предписывал устав 1571 г. Большинство сторо́ж стало уже не далекими постами разведчиков-наблюдателей, а обычной охраной.

Зато белгородские станицы в 20-х годах XVII в. еще сохраняли общерусское значение. Их маршруты совпадали в основном с маршрутами прежних путивльских станиц XVI в. Один путь станичных разъездов проходил вдоль Муравской степной дороги, к русской границе — к верховьям рек Орели и Самары. Второй — вдоль Северского Донца, туда, «где был Борисовский город», и далее до устья р. Айдара. Каждая станица состояла из 10 человек, разъезды начинались несколько раньше, чем в XVI в., — с 25 марта. Один маршрут обслуживался 20 постоянно сформированными станицами; первые 10 станиц разъезжали весной и в начале лета, другие де-

⁹³ Книги разрядные, т. 1. СПб., 1853, стр. 943—949.

сять — в конце лета и осенью. Всего в Белгороде было 40 станиц, в станичной службе числилось, как мы уже отмечали, 400 человек. В отличие от сторожей станичники были, выражаясь современным языком, профессионалами. Станичная служба являлась видом постоянной военной деятельности части населения, как стрелецкая или пушкарская.

Кроме Белгорода, в 1623 г. еще один город «польской украины» — Оскол высылал в степь станицы. Путь оскольских станичников лежал от Оскола в юго-восточном направлении к Каменному броду на р. Тихой Сосне, а затем вдоль Тихой Сосны к Дону. Он был примерно вдвое короче белгородских маршрутов. Оскольская станица проезжала все разветвления Кальмиусской сакмы. В Осколе было сформировано 20 станиц. Как и в Белгороде, десять станиц ездили в течение первой половины лета, остальные десять — в течение второй. В составе каждой станицы был 1 сын боярский, 1 станичный атаман, 2 вожжа и 6 рядовых станичников-ездоков.

Вокруг г. Оскола и Оскольского уезда располагалось 13 сторож⁹⁴. Важное значение имела Холковская сторожа, находившаяся к юго-западу от города в верховьях р. Холка у места соединения двух степных татарских дорог — Изюмской и Муравской. Дальние оскольские сторожи у р. Тихой Сосны вели наблюдение за Кальмиусской дорогой. Несколько сторож находилось в непосредственной близости от города, в том числе и к северу от него. Южная часть Оскольского уезда была прикрыта Голубинским лесом, здесь сторож не было. Некоторой защитой с востока служил Котельский лес.

В расположении воронежских сторож также очень хорошо заметно использование природных особенностей местности. В росписи 1623 г. мы находим 18 воронежских сторож. Из них 11 расположены либо у Дона, либо в непосредственной близости от него: они прикрывали Воронежский уезд с юго-запада, запада и северо-запада. Три сторожи расположены были с «ногайской» стороны — сторожа ездили от речки Тавровки к р. Хаве и к «хавским вершинам». С северо-востока Воронежский уезд был надежно прикрыт Усманским бором — сторож здесь мы не находим. Остальные 4 сторожи считались «дальними». Одна из них находилась «на Бетюке

у Охматова липяга». Ее место определяется современным с. Ахматовым Тамбовской области в верховьях р. Битюга. Две дальних сторожи располагались на р. Тихой Сосне, одна — у Прогорелого леса (западнее Воронежа). Дальние сторожи названы «совместными»; рядом с воронежскими сторожами здесь были служилые люди из Рязьска, Шацка, Данкова, Епифани, Лебедяни, Ельца, Ливен, Оскола⁹⁵.

Впереди Белгорода, Оскола и Воронежа, составлявших как бы одну линию, находился еще один крайний русский город — Валуйки. По росписи 1623 г. вокруг Валук располагалось 8 ближних сторож и 2 дальние. В числе «ближних» были три, расположенные на степных курганах к югу и к востоку от города. Дальние валуйские сторожи поддерживали связь со сторожами, выезжавшими из соседних городов. Одна, располагавшаяся «верх Бурлуков» (северо-восток современной Харьковской области) у Изюмской дороги, проезжала к Волчьим водам и р. Нежеголи, где имелись белгородские сторожи. Другая от Валуйского леса выезжала к р. Тихой Сосне и Каменному броду, где располагались сторожи из Оскола и Воронежа. С 1626 г. дальние валуйские сторожи были заменены станицами.

Из остальных полевых городов — Курска, Ливен, Ельца, Лебедяни высылались свои сторожи. Несколько совместных сторож по-прежнему, как и в XVI в., располагалось на р. Быстрей Сосне, у татарских бродов.

Интерес представляет для нас расположение сторож в верховьях р. Воронежа и у р. Челновой (притока р. Цны): в этих местах вскоре стала сооружаться Белгородская черта. Здесь мы видим несколько рязьских сторож. «К Хоботу» — в район слияния Лесного и Польного Воронежей — выезжают две рязьские сторожи, на р. Челновой стоит совместная сторожа из Рязьска и Данкова, восточнее р. Челновой — совместная сторожа из Рязьска и Шацка⁹⁶.

Таким образом, сторожевая служба на юге России к 20-м годам XVII в. проделала определенный путь развития по сравнению с 70-ми годами XVI в. С возникновением городов «на поле» были ликвидированы общерусские сторожевые базы. Можно подметить повышение роли отдельных городов в

⁹⁴ Там же, стр. 950—955.

⁹⁵ Там же, стр. 964—966.

⁹⁶ Там же, стр. 961—963.

организации сторожевой службы. Сторожки теперь главным образом окружают города и уезды, а не стоят сплошной линией поперек степи, поперек татарских дорог. Хотя воеводы южных городов шлюют в Разрядный приказ росписи сторож, хотя существуют совместные сторожи из нескольких городов и сторожевая служба мыслится как единая, общерусского оперативного руководства у нее нет. И действительно, из Москвы руководить ею уже практически нельзя — так далеко выдвинулись в степь русские города и села. Русские войска, расставляемые по традиции на Оке, оказываются в далеком тылу, почти не вступают с татарами в бой, теряют контакт с передовыми сторожами.

В начале 30-х годов XVII в. вновь выявились принципиальные недостатки сторожевой службы. Мало было предупреждать о движении татар, надо было их отражать, причем не на Оке, а на линии крайних русских городов и сел. Разветвленная сеть сторож и станиц не предотвратила крупных татарских вторжений в Россию во время Смоленской войны 1632—1634 гг. и в 1643—1645 гг. Такие вторжения были предотвращены позже Белгородской чертой. После сооружения Белгородской черты значение сторожевой службы резко снизилось, она стала играть второстепенную роль, иногда организовывалась перед отдельными участками черты⁹⁷.

Хотя значение сторожевой службы менялось на различных этапах и постепенно падало, это была важная и интересная составная часть той большой борьбы, которую вел русский народ в XVI—XVII вв. с крымскими и ногайскими татарами.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ.

БОРЬБА ЗА СМОЛЕНСК С ПОЛЬШЕЙ

В 30-х ГОДАХ XVII в.

И ЮЖНАЯ ОКРАИНА РОССИИ

В области внешней политики перед Россией в семнадцатом столетии стояли три основные задачи, намеченные всем ходом развития централизованного государства, особенно — востребованные международным положением страны. Одна из них — воссоединение с Россией Украины, объединение в одном госу-

⁹⁷ Краткие сведения о сторожевой службе за Белгородской чертой в 60—70-х годах XVII в. приводятся ниже, в III главе.

дарстве братских русского, украинского и белорусского народов — была в значительной мере разрешена в 1654 г., хотя затем Русскому государству пришлось выдержать длительную и напряженную войну с Польшей за Украину. Другой задачей являлось приобретение выхода к Балтийскому морю, без чего Россия не могла развиваться как великая держава. Эту задачу удалось разрешить только в начале следующего столетия. И, наконец, третьей исторической задачей было достижение успеха в борьбе с Крымским ханством, обеспечение надежных, устойчивых границ на юге. В течение XVII в. эта задача была в основном выполнена, причем в ее решении немалую роль сыграло сооружение Белгородской черты.

Иностранная интервенция начала XVII в., связанные с ней разорение и территориальные потери ухудшили международное положение России, резко осложнили решение страной внешнеполитических задач. По Столбовскому миру 1617 г. Россия была вынуждена отдать Швеции юго-восточное побережье Финского залива. По Деулинскому перемирию с Польшей (1618 г.) Россия потеряла западные районы с городами Смоленском и Черниговом.

В 20-х годах XVII в., когда русский народ своим трудом преодолевал тяжелые хозяйственные последствия интервенции, поднимал из руин многие города и села России, правительство, возглавляемое отцом царя — патриархом Филаретом, начало подготовку к войне с Польшей за Смоленск. Эта подготовка велась и в военном, и в дипломатическом планах⁹⁸. Западное направление в русской внешней политике явно преобладало над южным. Вопросу укрепления обороны юга в это время уделялось мало внимания. В 20-х годах и в начале 30-х годов на юге не возникло ни одного нового города. Правда, в 1630 г. была предпринята попытка построить город на Усердском городище у р. Тихой Сосны силами воронежских и оскольских служилых людей. Город намечали построить далеко от Воронежа и Оскола, на очень опасном месте, и при возникновении первых трудностей все дело прекратилось⁹⁹.

⁹⁸ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 462—467.

⁹⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 18, л. 179—205. См также: В. П. Загоровский. Из истории городов на Белгородской черте. «Труды ВГУ», т. 64. Воронеж, 1966, стр. 9—10.

Русско-польская война 1632—1634 гг. не принесла России успеха. Выяснилось, что нельзя по-настоящему бороться за решение западной внешнеполитической задачи, не обеспечив прочных границ на юге. В то время, когда русские войска осаждали Смоленск, десятки тысяч татар вторглись в пределы России и стали грабить южные и даже центральные уезды.

Наглядное представление о размахе татарских вторжений в Россию в 1632—1633 гг. дает карта (стр. 68). Татары дошли до центра страны, захватили тысячи пленных, действовали к северу от Оки, у Серпухова, Коломны, Каширы, Тулы — в непосредственной близости от Москвы¹⁰⁰.

Население полевой окраины России оказывало татарам ожесточенное сопротивление. Оборона городов не мешала татарам проникать в глубь страны, а укрепленных линий между городами не было. Не задержали врага и тульские засеки. Основная часть русских войск (дворянская конница, новые полки «солдатского строя») была занята в войне с Польшей, и для крупной битвы с татарами в открытом поле у России не хватало сил. Татары, как уже говорилось, не стремились к осаде городов, к бою с русскими воинами. Их целью был грабеж, захват полона, добычи. Все же открытые схватки происходили. Жители южных уездов, несмотря на огромный численный перевес врага, пытались остановить татар.

3 августа 1632 г. под Савинской дубравой отряд из 700 ливенцев — детей боярских и казаков встретился с огромной массой татар (татар было 15—20 тысяч). Тяжелый бой продолжался полдня. Татарам удалось окружить ливенцев. 300 русских воинов погибло, остальные попали в плен. Уничтожено было и много татар — до 1000 человек. «Решиться на такой, связанный с потерями бой, — пишет А. А. Новосельский, — могло побудить татар очевидное превосходство сил, наличие людей с огнестрельным оружием и соблазн сразу же захватить значительный и ценный по качеству полон»¹⁰¹. По нашему мнению, причина татарской решимости кроется в другом. Савинская дубрава находилась в промежутке между ре-

ками Тимом и Кшенью, татары просто не могли пройти мимо, русский отряд стал у них на пути.

Если татары хотели идти дальше, в глубь России, у них не было другого выхода, как вступить в бой с русским заслоном. Нам кажется поэтому, что лучше поставить вопрос по-другому и выяснить, что побудило не татар, а русских на этот бой. Ведь сам факт расположения русского отряда на татарской дороге, причем в «узком месте» этой дороги, говорит о многом. Возможно, что руководитель отряда М. Гринев не знал численности татарского войска и не предвидел возможности окружения¹⁰². Но ливенцы, несомненно, стремились закрыть татарам путь на север, и мы не можем не испытывать уважения к их мужеству.

Под Савинской дубравой погибло или попало в плен большинство служилых людей Ливенского уезда. Помимо сражения под Савинской дубравой, были и другие сражения с татарами, менее крупные. Служилые люди южной окраины нередко добивались успеха, отбивали пленных, но остановить татар не смогли.

Татарские вторжения в Россию в 1632 г. затруднили сбор русской армии и выступление ее к Смоленску, а вторжения 1633 г. уже вызвали массовое бегство русских ратных людей из лагеря под Смоленском. В 1633 г., в разгар осады Смоленска русской армией, татары зашли особенно далеко в Россию, перешли Оку, появились даже в Московском уезде.

В официальной правительственной речи на земском соборе 29 января 1634 г. неудача под Смоленском объяснялась вторжением татар, которых, мол, «накупил» польский король Владислав. В речи было, в частности, сказано: «Тою татарскою войною литовский король под Смоленском государеву делу поруху учинил многую; и дворяне и дети боярские украинских городов, видя татарскую войну, что у многих поместья и вотчины повоеваны, и матери и жены и дети в полон поиманы, из-под Смоленска разъехали, а остались под Смоленском с боярином и воеводою немногие люди»¹⁰³.

Кроме татарских набегов, «полевые» русские города стра-

¹⁰² Вскоре после боя житель Мценска С. Лобов объяснял гибель отряда М. Гринева именно тем, что его «обошли», т. е. окружили татары (ЦГАДА, столбцы Моск. ст., № 75, л. 364).

¹⁰³ Собрание государственных грамот и договоров, ч. 3. М., 1822, стр. 344.

¹⁰⁰ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 210—222.

¹⁰¹ Там же, стр. 211.

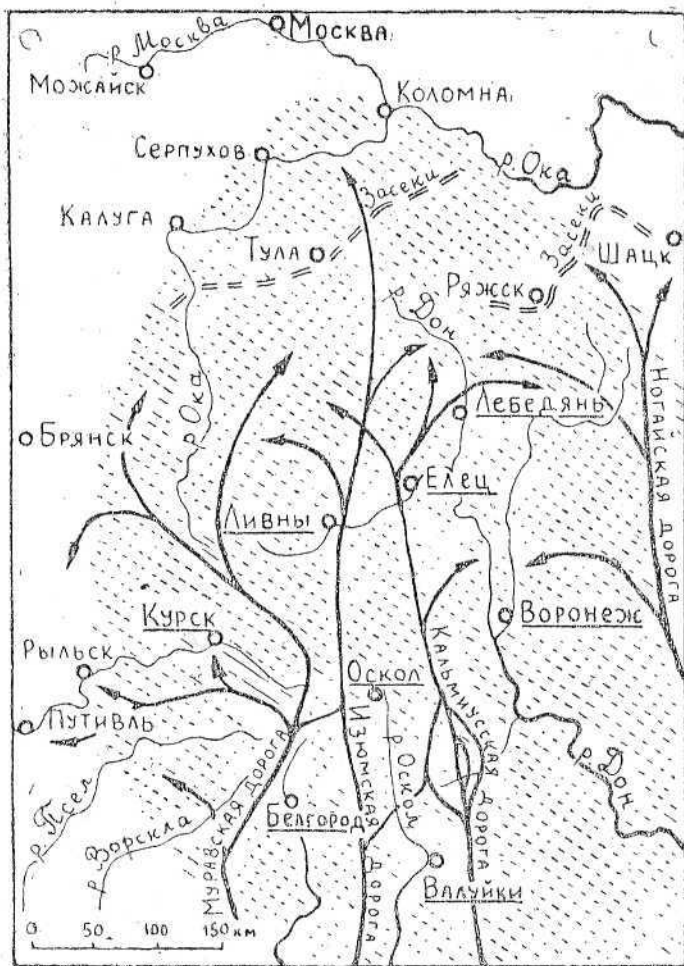

Рис. 3. Вторжения татар в Россию до сооружения Белгородской черты. Стрелками показаны основные пути татарских набегов. Подчеркнуты города «польской» (полевой) Украины. Заштрихован примерный район действий татарских отрядов в 1632—1633 гг., во время русско-польской войны

дали во время Смоленской войны и от рейдов польско-литовских отрядов. Сожжены были Валуйки, осаде подвергались Курск, Белгород. Но главный урон принесли стране в это время, конечно, татарские вторжения.

Смоленская война подчеркнула необходимость тесной взаимосвязи между западным и южным направлениями в русской внешней политике.

Итак, перед сооружением Белгородской черты полевая окраина была заселена еще слабо и неравномерно. Города и села располагались в стороне от татарских степных дорог. Крайние южные районы страны еще не были заняты селами и деревнями и сдавались «на откуп» для рыбной ловли, бортничества, звериного промысла. Население, состоявшее из мелких служилых людей и крестьян и занимавшееся мирной хозяйственной деятельностью, одновременно вело мужественную и тяжелую борьбу с грабителями-татарами. Роль государства в этой борьбе была не слишком велика. Пока от татарских набегов не страдали феодальные вотчины и поместья исторического центра России, правительство не заботилось серьезно об обороне уездов полевой окраины, ограничивалось традиционной сторожевой службой, которая постепенно утрачивала общероссийские организационные формы и значение. Смоленская война выявила минусы обороны южной окраины; одновременно стало ясно, что решать крупные внешнеполитические проблемы на западе, не укрепив южных рубежей, нельзя.

Глава II. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ: НАЧАЛО,
ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ОКОНЧАНИЕ СООРУЖЕНИЯ
БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

Характеристику южной окраины России перед сооружением Белгородской черты мы закончили рассказом о татарских набегах, совершенных в годы Смоленской войны. Неудачный для России исход русско-польской войны 1632—1634 гг. в определенной мере объяснялся татарскими вторжениями, этого не скрывало русское правительство. Старая система защиты страны с юга, состоявшая из сочетания укрепленных городов, сторожевой службы и расположения войск у Оки, не оправдала себя. У опытных в военном деле людей, знающих южную окраину России, не могла не возникнуть мысль о необходимости изменения системы, о строительстве на полевой окраине не отдельных городов, а сплошной укрепленной линии поперек путей татарских вторжений. Такие мысли могли возникнуть и при сравнении полевой окраины с более северными, лесными районами — Тульским, Рязанским, где с XVI в. существовали засеки, составлявшие единую «черту».

В 1634—1635 гг. русское правительство всем ходом событий вынуждалось к усилению обороны юга, но об изменении системы и создании укрепленной линии на полевой окраине пока речи не было. В 1635 г. возник традиционный план строительства нового города на южной окраине — на этом раз у Ногайской дороги.

18 августа 1635 г. в Разрядный приказ были вызваны москвичи Г. Киреевский и М. Спешнев, которые прежде проводили описание земель на юге, и воронежец сын боярский

И. Нос. Им были заданы вопросы о том, что представляет собой Урляпово городище на р. Воронеже, на котором хотел строить город еще Борис Годунов, и где лучше расположить новый город, чтобы закрыть татарам пути между верховьями рек Воронежа и Цны. Выяснилось, что «они, Григорей и Михайло и Иван, помнят, что царь Борис для оберегания от воинских людей на Урляпове городище хотел ставить город», это место они знают¹. Татары подходят сюда обычно по Ногайской дороге и, пройдя между реками Воронежем и Цной, либо поворачивают направо — к Шацку, Сапожку, Печерникам, Рязани, либо налево — к Ряжску и Данкову и далее в сторону Елецкого, Ливенского и Новосильского уездов. В первом случае после набега татары возвращаются обычно тем же путем — мимо верховьев р. Воронежа. Во втором случае они могут вернуться с полоном по Изюмской или Кальмиусской дорогам мимо Ливен. Часто татарские отряды, наоборот, войдя в Россию по Изюмской и Кальмиусской дорогам, возвращаются мимо Урляпова городища по Ногайской дороге.

Сообщив о путях татарских набегов, Г. Киреевский, М. Спешнев и И. Нос высказали такое соображение: нужно строить не один город, а линию укреплений через степь — в этом случае будет по-настоящему закрыта дорога татарам. Если же построить только город, то татары по-прежнему будут проникать между реками Воронежем и Цной, разве что «малыми людьми ходить не станут»².

Сложившаяся традиция строительства отдельных городов не была сразу нарушена, но мнение знатоков местности в Разрядном приказе учли. Указом от 5 сентября 1635 г. воеводам И. Биркину и М. Спешневу предписывалось построить новый город, а также провести разведку местности для последующего создания сплошной укрепленной линии между верховьями Воронежа и Цны³. Позже, в марте 1636 г., после разведки и анализа различных возможных вариантов, решено было строить там земляной вал. Строительство козловской укрепленной линии прошло успешно, и в январе 1637 г. Боярская дума приняла решение о сооружении аналогичных укреплённых линий поперек Муравской, Изюмской и Кальми-

¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 201, л. 6.

² Там же, л. 7.

³ ИТУАК, вып. 41. Тамбов, 1897, стр. 154.

усской степных дорог по плану Ф. Сухотина. Это было уже продолжение строительства черты.

Строительство г. Козлова и козловского земляного вала следует, по нашему мнению, считать началом создания Белгородской черты. Таким образом, мы принимаем за начальную дату сооружения Белгородской черты 1635 г.⁴ Тот факт, что в Белгородскую черту были включены два «старых» города, возникших еще в XVI в., — Воронеж и Белгород, не должен влиять на датировку начала строительства черты. Воронеж и Белгород, как и другие, сопутствовавшие им по времени возникновения южные города, построены были не на татарских дорогах, а в стороне от них, под защитой лесов и рек. Эти города не мешали татарам проникать в центральные районы России. Лишь в 1635 г. реально встал вопрос о строительстве укреплений поперек татарских степных дорог на юге страны, и, что особенно интересно, инициативу в этом важном для России деле проявило не правительство, а служилые люди — знатоки географических и социально-экономических особенностей южной лесостепной окраины.

Вопроса о периодизации сооружения Белгородской черты историки-исследователи не затрагивали. Д. И. Багалей, приняв по ошибке реконструкцию стен г. Доброго в 1677 г. за строительство нового города и считая датой основания Воронежа — 1586 г., сообщал, что «города Белгородской черты возникли... в продолжение 91 г.», или с 1586 по 1677 г.⁵ А. А. Новосельский обычно воздерживался от точной датировки строительства Белгородской черты и, говоря о ней, предпочитал оперировать десятилетиями⁶.

На основании изучения и анализа источников мы считаем возможным помимо установления дат начала и окончания

⁴ О подробностях строительства г. Козлова и козловского земляного вала см. ниже.

⁵ См.: Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 213.

⁶ Так, в коллективном труде советских историков «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» (М., 1955) А. А. Новосельский пишет: «В течение 30-х годов было построено 10 новых городов и возобновлен г. Орел, разрушенный в годы интервенции. Было положено начало созданию новой оборонительной черты, названной Белгородской... В 40-х годах по Белгородской черте было вновь построено еще 18 городов... К концу 40-х годов было в основном завершено строительство Белгородской черты...» (стр. 476—477).

строительства Белгородской черты выделить основные периоды в истории ее сооружения.

Мы видим три этапа, три периода в сооружении Белгородской черты.

Первый период характерен строительством отдельных, небольших по протяженности, самостоятельных укрепленных линий поперек основных татарских степных дорог. Эти линии еще не сливаются в одну, не соединяются между собой. Не всегда выполняются намеченные планы строительства таких линий и городов. Русское правительство действует непоследовательно. Оно, видимо, не очень надеется на вновь создаваемую черту и по традиции продолжает укреплять старые засеки в глубине страны, у Оки. Первый период охватывает 1635—1645 гг. За это время построены козловский и яблоневский земляные валы поперек Ногайской и Изюмской дорог, рядом с Воронежем и Белгородом на будущей черте встали новые города-крепости: Козлов, Яблонев, Усерд, Короча, Хотмыжск, Вольный, Костенск, Ольшанск, Усмань. Однако сплошной укрепленной линии еще нет, татары находят большие промежутки между отдельными укреплениями и производят в 1644—1645 гг. опустошительные вторжения в Россию.

С 1646 г. начинается второй период в строительстве Белгородской черты, продолжавшийся до 1653 г. Русское правительство активизирует свои действия на юге. Сравнительно быстро заполняются пробелы, еще существующие между отдельными укреплениями. Уже в 1646—1647 гг. в общем определяются географические контуры будущей черты. На новую укрепленную линию с 1646 г. выдвигаются полки дворянской конницы. Предпринимаются попытки управления боевыми силами на черте из одного пункта, такими центрами для юго-западной половины Белгородской черты являющиеся в это время поочередно Яблонев и Белгород. В связи с трудностью заселения новых городов на черте и необходимостью повышения ее военного значения русское правительство проводит милитаризацию существующего уже в отдельных местах у черты крестьянского населения (районы Доброго, Сокольска, Белоколовска), переводит здесь крепостных крестьян в положение приборных служилых людей — драгун. К концу второго периода строительства Белгородской черты выдвижение полков дворянской конницы далеко на юг, на новую черту, прекращается. В 1653 г. проводится в южных русских уез-

дах у черты первый набор в солдатскую службу, и на важнейшие участки черты выдвигаются солдатские полки. Татарские прорывы через черту в глубь страны практически прекращаются, русские войны на черте отражают татар. В этом периоде на Белгородской черте были построены города-крепости: Карпов, Болховец, Орлов, Новый Оскол, Коротояк, Верхососенск, Добрый, Сокольск, Урыв, Острогжск, перенесен на новое место Белгород, через Муравскую, Кальмиускую дороги и ответвления Ногайской насыпаны карповский, новооскольский, усманский земляные валы. В 1653 г. перед началом русско-польской войны за Украину укрепленная линия от р. Челновой до р. Ворсклы, не называвшаяся еще, однако, «Белгородской чертой», была в основном готова.

Третий, заключительный период сооружения Белгородской черты занимает 1654—1658 гг. Воссоединение Украины с Россией и начавшаяся в 1654 г. русско-польская война за Украину и Белоруссию отвлекли военные силы России на запад. В ходе этой войны Белгородская черта сыграла большую роль: русский тыл в отличие от войны 1632—1634 гг. был прикрыт с юга⁷. Масштабы строительных работ на Белгородской черте во время третьего периода ее сооружения резко сократились: построен был один город (Нежегольск), несколько острожков, небольшие земляные валы. Начавшееся с 1654 г. массовое переселение украинцев на свободные земли за Белгородской чертой способствовало уменьшению военного значения западных участков черты. Инспекционные поездки думного дьяка С. И. Заборовского в 1657 и 1658 гг. явились своего рода официальным принятием укрепленной линии русским правительством. Весной 1658 г. в связи с формированием Белгородского полка были окончательно определены края укрепленной линии, ее географические контуры. Белгород стал центром Белгородского полка и новой военно-административной единицы — Белгородского разряда, а укрепленная линия в пределах этой территории получила название Белгородской черты.

Наше деление истории сооружения Белгородской черты на три периода определяется главным образом событиями

⁷ К началу русско-польской войны в основном завершилось и строительство Симбирской черты (1648—1654) от Волги до г. Инсара, которая через нижнеомовские и тамбовские укрепления соединялась с Белгородской чертой.

внешнеполитического характера, с которыми были связаны и правительственные решения о Белгородской черте. В периодизации отразились в некоторой мере и социально-экономические условия юга России. Так, попытки русского правительства форсировать строительство укрепленной линии между Ворсклой и Доном в конце 30-х годов XVII в. на незаселенной еще территории не дали результата. Значительную роль играло и отношение населения южной окраины России — самих строителей укреплений — к Белгородской черте.

Татарские набеги 1644—1645 гг. вызвали ответную реакцию не только у русского правительства, но и у населения юга. Массовая вспышка народного гнева против иноземных захватчиков и патриотический подъем весной 1646 г. не в меньшей мере, чем правительственные решения, определили начало второго этапа в строительстве черты именно с 1646 г. Правительственные решения о строительстве укреплений выполнялись хорошо тогда, когда они соответствовали интересам значительной части населения южной окраины России — мелких служилых людей. Характерно, например, что решение о переносе укрепленной линии с р. Усмани на р. Воронеж (конец 1652 г. — начало 1653 г.), по которому тысячи людей могли потерять уже освоенные земли, не было выполнено.

В периодизации не отражены изменения в составе русского правительства, смена царей, деятельность отдельных лиц, ведавших строительством Белгородской черты. Все эти «события», очень интересовавшие дореволюционных историков, мы считаем для нашей темы второстепенными и не заслуживающими отражения в общей периодизации. В 1635—1645 гг., когда во главе русского правительства стояли И. Б. Черкасский, Ф. И. Шереметев, а затем пришедший к власти Б. И. Морозов, мы не видим большой разницы в отношении правительства к Белгородской черте. Принятое решение о строительстве черты выполняется, но недостаточно целеустремленно, распыляются силы и средства между новой укрепленной линией и старыми засеками у самого центра страны. Более энергично действует, начиная с 1646 г., Б. И. Морозов, но и он не выходит за пределы классовых и даже личных интересов, отправляя на черту, подальше от Москвы, своих возможных соперников-бояр (например, Н. И. Одоевского или Б. А. Репнина). Среди воевод, руководивших строительством городов и участков черты, мы редко встречаем энер-

гичных государственных деятелей. Многие из них преследуют корыстные или карьеристские цели, не проявляют изобретательности и настойчивости. Лишь некоторые воеводы, оставаясь на позициях господствующего класса, показали неплохие деловые качества, знания в военном деле, личное мужество. Главную же роль в строительстве Белгородской черты, как и в любом большом деле, сыграл народ — творец истории.

Выдвинутая нами дата завершения сооружения Белгородской черты — 1658 г. — может вызвать возражения. Действительно, основные строительные работы на черте завершились в 1653 г., и это нашло отражение даже в своеобразной военно-исторической справке о южной окраине России, составленной в Разрядном приказе в 1682 г.⁸ Однако в 1653 г. Белгородской черты как единого целого еще не существовало. Полковые воеводы из Яблониова или Белгорода управляли участком черты от Ворсклы до Дона; воевода г. Козлова ведал укреплениями в Козловском, Добровском и Сокольском уездах; воронежский и усманский участки оставались автономными. Организационное единство Белгородской черты проявилось лишь с 1658 г. Все же, когда имеются в виду лишь технические вопросы строительства деревянных и земляных укреплений, вполне можно говорить, что Белгородская черта была уже построена в 1653 г. Это не будет ошибкой. Когда же под Белгородской чертой понимается укрепленная линия с единым военным, административным и хозяйственным центром, с четкими географическими контурами, сохранявшимися в течение десятилетий, годом завершения создания Белгородской черты следует назвать 1658.

Считая нашу периодизацию удобной для правильного понимания хода строительства Белгородской черты, мы, конечно, не абсолютизируем ее. Любая периодизация является условной, лишь относительно точной, и это особенно чувствуется тогда, когда речь идет о выделении мелких периодов.

В данной главе мы рассмотрим историю сооружения Белгородской черты в хронологической последовательности, начиная со строительства г. Козлова и козловского вала.

⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1167, л. 217. Справка была составлена в связи с намечавшимся ремонтом укреплений.

Предварительно мы считаем необходимым сделать небольшое отступление в сторону истории русского военно-инженерного искусства и следующий параграф посвятить обзору различных конструкций деревянных и земляных укреплений, применявшихся на Белгородской черте.

ТИПЫ ДЕРЕВЯННЫХ И ЗЕМЛЯНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ

При сооружении Белгородской черты в качестве основных строительных материалов использовались дерево и земля. Выбор этих материалов понятен, он объяснялся как технико-экономической целесообразностью, так и особенностями противника — татарской конницы.

Довольно богатые лесные ресурсы района, хорошие строительные качества древесины, легкость обработки, наконец, длительная русская историческая традиция — все это определило широкое применение деревянных конструкций на Белгородской черте. Русские мастера-плотники превосходили зарубужных строителей и в конструктивном мастерстве, и в темпах производства работ.⁹ При возведении Белгородской черты Разрядный приказ изредка обращался за технической консультацией к иностранным инженерам, но эти консультации касались обычно земляных работ — в деле возведения деревянных крепостей русские мастера считались признанными авторитетами. Мастерски владея топором, русские плотники создавали мощные укрепления, образцы военного зодчества — деревянные города, башни, стены, надолбы на пути татарских отрядов. Деревянные конструкции использовались обычно в сочетании с земляными сооружениями.

Белгородская черта предназначалась для конкретной цели — отражения татар, недопущения внезапного появления татарской конницы у русских городов и сел. Строители Белгородской черты знали вооружение, тактику, особенности врага. Татары в XVII в. не вели длительной осады городов, поэтому не было необходимости строить на черте дорогие крепости из камня. У крымских татар не было речного флота, поэтому при пересечении рек Белгородской чертой ее строители и не думали перегораживать реки цепями, как это делали турки под Азовом. Белгородская черта была препятствием именно для быстрой, нестойкой, слабо вооруженной та-

тарской конницы. Попутно укрепления Белгородской черты помогли отразить во второй половине XVII в. и набеги калмыков.

Главным источником для воссоздания облика деревянных и земляных укреплений Белгородской черты являются их описания, сохранившиеся в большом количестве в ЦГАДА. К сожалению, рисунков и чертежей деревянных укреплений Белгородской черты почти не осталось. Сами укрепления давно разрушились, но описания их дают достаточно полное представление о многих замечательных для своего времени деревянных конструкциях Белгородской черты.

Несмотря на наличие ряда специальных работ⁹, деревянные оборонительные сооружения XVII в. на юге России по-настоящему еще не изучены и не описаны. Мы объясняем это тем, что историки инженерного искусства в России пользовались только опубликованными документами и литературой и не привлекали архивных источников. Так, в капитальном труде Ф. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России» при разборе русских деревянных оград совершенно упущен классический для Белгородской черты тип деревянной стены: стоячий*острог с обламами, подробного описания которого в опубликованных документах не сохранилось.

Деревянные стены имели на Белгородской черте широкое распространение, причем существовало четыре основных типа таких стен: 1) рубленые стены с обламами, 2) стоячий острог с обламами, 3) стоячий острог без облатов, 4) косой острог.

В первом случае при строительстве рубленой стены в основу клалась хорошо известная и сейчас конструктивная система прямоугольного сруба, образуемого горизонтальными, положенными друг на друга и соединенными в углах бревнами. Такая конструкция деревянной стены употреблялась, как правило, при строительстве городов, поэтому сделанная из срубов с горизонтальными бревнами стена считалась построенной «по-городовому». Толщина бревен (и при этом, и при других методах строительства стен) составляла в тонком кон-

⁹ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858; М. А. Фриде. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам. «Известия Российской академии истории материальной культуры», т. 3. Л., 1924.

це 5—6 вершков (22—26 см). Иногда срубы складывались и из бревен толщиной в 7—8 вершков, но использовать бревна тоньше 5 вершков (в тонком конце) запрещалось. Лес применялся дубовый. Соединенные между собой срубы-клетки составляли стену. В Воронеже ширина такой стены, построенной в 1671 г., равнялась сажени с четвертью¹⁰ или 2,6 м, высота стены зависела от ее назначения и, как правило, немного превышала 2 сажени.

Рубленые стены были довольно прочными, но для их сооружения требовалось значительно больше леса и времени, чем для стен, состоящих из вертикальных бревен. Прочность стен в условиях борьбы с татарской конницей не являлась самым важным качеством, поэтому на Белгородской черте данный метод строительства стен применялся мало. В 1669 г. из 25 городов Белгородской черты рубленые стены имели лишь 5: Карпов, Короча, Яблонов, Усерд, Коротояк. Во всех пяти перечисленных городах рубленая стена имела обламы. Облам — это выступ, навес над основной стеной, прикрытый снаружи еще одной защитной стенкой из нескольких рядов бревен или брусев. Для устройства облатов бревна, лежащие в срубе перпендикулярно к осевой линии стены, выпускались наружу на определенной высоте. На стенах обычно имелись бойницы или, как их называют источники XVII в., — «бои». В обламах, кроме бойниц, могли быть отверстия в полу.

Самой распространенной на Белгородской черте конструкцией деревянной стены был стоячий острог с обламами. Главную часть конструкции составлял плотный ряд вертикально стоящих бревен. Длина бревен равнялась обычно 3 саженим, причем бревно закапывалось в землю на 1 сажень. При использовании бревен толщиной в 5 вершков (22 см) на каждую сажень стены требовалось 10 вертикально стоящих бревен. Острожная стена скреплялась изнутри поперечным горизонтальным бревном, а также железными скобами или деревянными «иглами».

Для устройства над острожной стеной облатов на расстоянии около 1 сажени от стены (внутри, со стороны защитников крепости) вкапывались в землю вертикальные столбы из расчета: 1 столб против каждого десятого столба стены.

¹⁰ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 1079.

Эти столбы соединялись короткими, горизонтально расположенными бревнами с основной стеной в двух ярусах. Верхние короткие бревна назывались обламными связями, они выходили над острожной стеной и поддерживали навес — облам, состоявший обычно из трех рядов бревен. Нижние короткие бревна, представлявшие собой, как и обламные связи, перпендикуляры к плоскости стены, крепились в отверстиях — проушинах и назывались проушинами. На проушинах клались горизонтальные — обычно осиновые — пластины, таким образом вдоль стены устраивались мостки, называемые «кроватями». Для подъема на кровати использовались лестницы. Бойницы располагались обычно в два ряда. Из верхних бойниц вели огонь стрелки, находившиеся на кроватях, из нижних — стоявшие на земле.

По сравнению с рубленой стеной острожная стена с облами имела ряд преимуществ. Для ее сооружения требовалось почти в два раза меньше леса¹¹, чем при постройке рубленой стены. Защитники крепости легко подходили к бойницам. Недостатком такой стены была ее небольшая прочность. Стены с облами, построенные в пределах города, часто имели тесовые односкатные крыши. Методом стоячего острога с облами было построено большинство городских деревянных стен на Белгородской черте, таким же способом были построены стены почти всех стоялых острожков. Стоячий острог без обلامов и «косой» (наклонный) острог, также не имевший обلامов, употреблялись реже, обычно в качестве полевых укреплений; мы их видим у концов земляных валов, на берегах рек, лесных полянах.

Нам приходится довольно часто делать небольшие отступления в область терминологии. Сделаем такое отступление и сейчас. Вслед за документами XVII в. мы употребляем слово «острог» в двух значениях: это и стена, составленная из вертикальных бревен, и территория, укрепление, обнесенное такой стеной (острог, острожек). Термин «стоячий острог» говорит о конструкции стены (противоположность — косой);

¹¹ На участок такой стены длиной в 3 сажени (6,3 м) требовалось 37 дубовых трехсаженных бревен и 9 коротких бревен длиной по сажени. Число 37 складывалось из 30 столбов основной стены, одного поперечного бревна, укреплявшего участок стены изнутри, 3 столбов, поставленных позади, и 3 бревен, составлявших облам (см., например: ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 173, л. 575).

термин «стоялый острог» — о временном характере пребывания, жизни в нем (противоположность — жилой).

Еще более интересными и сложными сооружениями являлись деревянные башни. Башни устраивались в городах среди стен, в стоялых острожках, на земляных валах, у надолб. В плане башни Белгородской черты представляли собой либо квадрат, либо правильный шестиугольник¹². Стены башни всегда рубились «по-городовому», методом сруба, башни обычно выступали за линию стены. Наличие башен namного усиливало оборону крепости. В них размещалась артиллерия. Башни использовались и для наблюдения за врагом. Башни состояли из закрытых, отделенных друг от друга этажей, которых обычно было два или три. Иногда верхние этажи делались «теплыми», в этом случае между бревнами прокладывался мох и в башне устанавливалась печь. Пол каждого этажа назывался мостом. Так в трехэтажной башне было три моста: нижний, средний и верхний. Над мостами прорезались бойницы и амбразуры для пушек. Этажи соединялись лестницами. Высота большинства башен составляла 15—20 м, но были башни-великаны высотой более 40 м. Для строительства башен требовался более длинный дубовый лес.

Вот, например, расчет бревен для одной башни Усмани, составленный в 1645 г. Башня в плане представляла квадрат со стороной в 4 сажени. На 40 венцов срубашло 160 четырехсаженных бревен; облами имели 5 венцов — для них понадобилось 20 бревен длиной почти в 5 саженей. На два моста понадобилось 80 бревен. Всего, таким образом, на башню требовалось 260 больших дубовых бревен. Кроме того, над облами крепились «решетины», поддерживавшие тесовую крышу, на них был сделан «караульный чердак» — помещение для наблюдателя-караульщика¹³.

В некоторых местах при строительстве Белгородской черты не хватало дубовых деревьев, и мы встретимся при описании черты с сосновыми башнями, но это было редкостью. Башни бывали проезжие и глухие. Проезд через двойные ворота устраивался в нижнем этаже проезжей башни.

Иногда на земле устраивались срубные конструкции, называемые «тарасами». Тарасы составляли в плане либо пря-

¹² Ниже, в географическом описании Белгородской черты (гл. III), мы рассматриваем расположение и особенности отдельных башен.

¹³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 173, л. 577.

6. В. П. Загоревский.

моугольник, либо треугольник, либо параллелограмм. Они могли засыпаться землей. Тарасы предназначались для укрепления изнутри высоких стен, они, как мы увидим дальше, заменяли земляные насыпи на валах Белгородской черты в местах возможных размывов. Изредка тарасы, засыпанные землею, являлись и самостоятельными укреплениями.

Самым распространенным видом деревянных укреплений являлись надолбы (или «надолобы», как их называют обычно документы XVII в.). Ф. Ласковский ошибочно считал их простыми обрубками дерева, вкопанными в землю¹⁴. Само слово «надолба» — производное от глагола «надолбить» — говорит о том, что эта деревянная конструкция должна состоять минимум из двух частей, ведь делать долотом или топором выемку в столбе, не соединенном с другими деревянными деталями, нет смысла. Действительно, сохранившееся подробное описание надолб XVII в. говорит о том, что это были не одиночные столбы, а конструкции из нескольких бревен. Простейшая надолба иногда называется в документах «надолбой в две кобылины». Это — конструкция из двух бревен, вкопанных наклонно в землю, «наддолбленных» и соединенных крестом. Бревна для надолб использовались обычно такие же, как и для строительства острожной стены — дубовые, длиной по 3 сажени. В землю они вкапывались на 1 сажень¹⁵. «Надолба в три кобылины» представляла собой соединение трех вкопанных в землю бревен. Надолбы соединялись поперечными бревнами — «связями» или «наметами»¹⁶. Получался своеобразный забор, высотой метра в три, сделанный так, чтобы в промежутки между бревнами не могла пройти лошадь. Надолбы устанавливались часто в качестве передовых укреплений — за деревянной стеной, за земляным валом, за рвом. Они окружали также пригородные слободы.

Остальные применяемые на Белгородской черте деревянные укрепления не получили большого распространения. Изредка устанавливались одиночные «столбцы», которые всег-

да различаются в документах от надолб. Так, вокруг г. Усерда, за рвом, стояли столбцы в 3 ряда и надолбы в 1 ряд¹⁷. Во рву или около рва устанавливался частокол или «частик»; встречались плетни (плетеные стены), засыпанные землею.

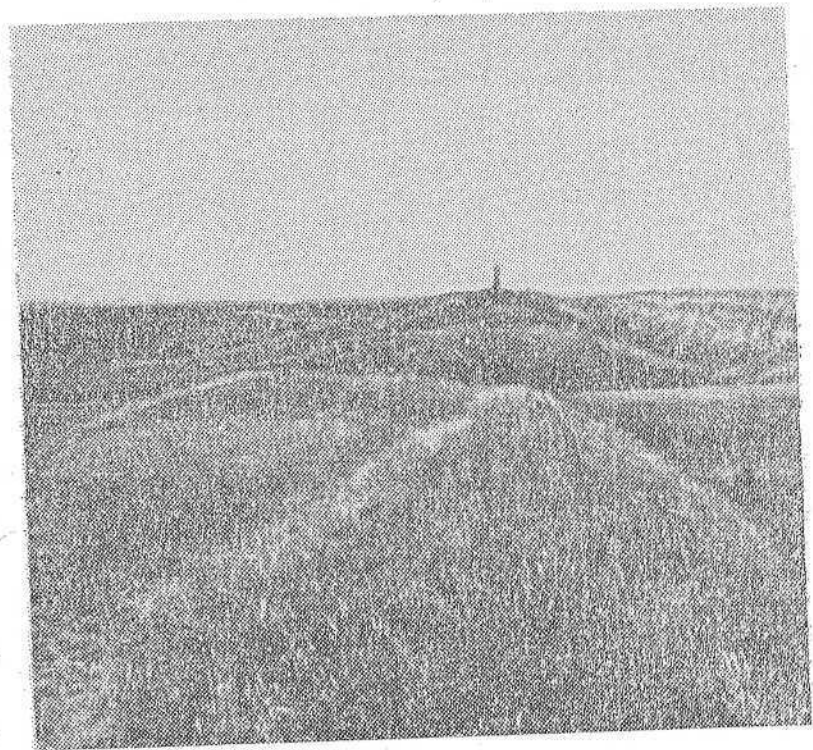

Рис. 4. Пересечение современной дорогой земляного вала Белгородской черты (Липецкая область)

В лесах на берегах рек Ворсклы, Тихой Сосны, Воронежа кое-где устроены были лесные завалы — засеки.

По сравнению с деревянными стенами земляные валы являлись значительно более прочными и долговременными соо-

¹⁴ См.: Ф. Ласковский. Указ. соч., стр. 106.

¹⁵ См., например: ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 85, л. 659.

¹⁶ Связи между надолбами располагались либо горизонтально, либо наклонно, косо. Так, в 1637 г. между г. Яблоновым и р. Корочей все надолбы «ставлены в две кобылины, а связи кладены накось» (ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 84, л. 115).

¹⁷ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 826.

ружениями. Для большой устойчивости земляные валы обкладывались дерном, облицовывались дубовыми бревнами, причем дубовый «ослон» по типу острожной стены мог иметь облаты; применялись и специальные дренажные устройства (например, деревянные трубы сквозь вал для стока воды). Земляные валы тянулись вдоль Белгородской черты более чем на 100 км. Ниже, в III главе, мы рассмотрим размеры и особенности конструкций отдельных валов.

Обнесенные со всех четырех сторон земляным валом территории, где могли находиться воины, назывались «земляными городками». Такие городки располагались через определенные расстояния у земляных валов. В них обычно устанавливались деревянные башни. Небольшие земляные городки иногда назывались «земляными башнями». В четырех городах Белгородской черты (Белгород, Яблонов, Болховец, Нежегольск) земляные валы являлись важной частью городских укреплений; по терминологии XVII в. в этих городах имелся «земляной город». Земляные валы использовались здесь в сочетании с деревянными стенами и конструкциями, которые могли устанавливаться либо на валу (например — туры в Белгороде¹⁸), либо рядом с валом (рубленая стена в Яблонове¹⁹). Очень распространены были рвы, которые встречаются буквально повсюду.

Почти во всех городах Белгородской черты существовали тайники, считавшиеся необходимым атрибутом средневековой крепости. Тайник представлял собой наклонный подземный ход из крепости. В простейшем случае это был ров, покрытый бревнами в один-два наката, на дне которого располагались ступени. Сохранился чертеж коротоякского тайника²⁰. Ширина его, как видно по масштабу, — полторы сажени, высота — сажень. Встречались и более широкие подземные ходы, так тайник из Хотмыжска к р. Ворскле имел ширину в две сажени²¹. Длина тайников колебалась в пределах 80—150 м.

¹⁸ «На том же валу для верхнего боя поставлены туры и насыпаны землею, и покрыто сперх туров, и по осыпи выложено дерном» (ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 60). В данном случае туры представляли собой своеобразный дзот на валу.

¹⁹ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 756 об. Рубленая стена была устроена «внутри земляного города для крепости» в 1668 г.

²⁰ ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, ед. хр. 3539.

²¹ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 568.

Деревянные и земляные укрепления Белгородской черты принципиально не отличались от аналогичных укреплений других «черт» — Симбирской, Закамской, создававшихся примерно в то же время. Различные типы укреплений выбирались в соответствии с особенностями местности, характером почвы, стратегическим положением района, тактическими и техническими возможностями противника. Нецелесообразные, неудачные конструкции отбрасывались самой жизнью, удобные — сохранялись и возобновлялись вплоть до XVIII в., до потери Белгородской чертой ее военного значения.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ (1635—1645 гг.)

В соответствии с предложенной выше периодизацией мы начинаем рассмотрение истории сооружения Белгородской черты с 1635 г., со строительства г. Козлова.

Участок Ногайской степной дороги восточнее верховьев р. Воронежа до строительства Белгородской черты был местом постоянных передвижений отрядов крымских и ногайских татар. Не удивительно поэтому, что когда после окончания Смоленской войны встал вопрос о строительстве городов на юге, конкретным районом, намеченным для строительства нового города, оказались верховья р. Воронежа.

Решение о строительстве нового города было принято без тщательной разведки местности; в Разрядном приказе ограничили опросом знатоков южной окраины, который был проведен 18 августа 1635 г. Помимо беседы с москвичами Г. Киреевским, М. Спешневым и воронежцем И. Носом, о которой мы уже упоминали, в Разрядном приказе опросили жителей г. Сапожка — казака С. Стрелкова и пушкаря С. Лукьянова, а также лебедянца сына боярского В. Кепанова, оказавшихся в данный момент в Москве²².

22 августа дьяки Разрядного приказа составили проект указа о строительстве нового города. Руководителями строительства назначались воеводы И. В. Биркин и М. И. Спешнев. Любопытно, что в проекте указа говорилось о строительстве города именно «на Урляцовой городище»²³, в са-

²² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 201, л. 8—9.

²³ Там же, л. 12.

мом же указе от 5 сентября появились еще три слова: «или где пригоже»²⁴. Такое изменение формулировки предоставляло больше прав руководителям строительства и ускоряло дело. Указ предписывал построить город «нынешней осенью вскоре».

На строительство нового города решено было направить 660 детей боярских, казаков и стрельцов из 10 городов: Переяславля-Рязанского, Михайлова, Пронска, Ряжска, Данкова, Сапожка, Шацка, Лебедяни, Ельца, Воронежа. Наибольшая норма — 170 человек дана была Воронежу. Воеводы этих городов должны были выделить «людей добрых, которые сами в службе, а детей в их место, и племянников, и захребетников, и наймитов не имать»²⁵. Каждому человеку полагалось иметь лошадь с телегой, пищаль, рогатину, топор, продовольствие на 6 недель. Служилые люди во время строительства Козлова специального денежного жалованья и даже «поденного корма» не получали; это «городовое дело» рассматривалось как их обычная служба. Через 6 недель намечена была смена строителей таким же количеством служилых людей из тех же городов. Постройка Козлова являлась, таким образом, длительной и тяжелой дополнительной повинностью для мелких служилых людей.

В 1635 г. ближайшими городами к Урляпову городищу были Ряжск и Лебедянь, отстоявшие от него примерно на 90 км. У верховьев р. Воронежа степь полосой в 30—40 км глубоко вклинивалась с юга на север. Здесь, у Ногайской дороги, не было еще русских поселений, но западнее и восточнее под защитой лесов уже существовали села и деревни. В 15—20 км к западу от Урляпова городища находилось большое поместье князя Д. М. Пожарского — с. Горетово, деревни Ярок, Казинка (на левой стороне р. Воронежа) и Тарбеево (на правой стороне). К поместью Д. М. Пожарского примыкали с севера земли дер. Рапиной, принадлежавшие детям боярским. Эти населенные пункты относились к Ряжскому уезду. За ними начинался Лебедянский уезд, ближайшие села которого — Кривец и Борисовка (вотчина Новоспасского монастыря) — отстояли от Урляпова городища на 30 км. Наконец, восточнее намеченного нового города по

среднему течению р. Цны находилась дворцовая Верхоцкая волость Шацкого уезда. Писцовая книга 1623 г. отмечает на берегах Цны русские и мордовские поселения, из которых некоторые располагались на широте нового города и даже южнее его (сельцо Тотаново, деревни Горелая, Тамбова)²⁶.

7 октября 1635 г. строители нового города пришли в низовья р. Лесного Воронежа. Выяснилось, что эти места являются откупным ухожьем, который арендуют крепостные крестьяне князя Д. М. Пожарского из с. Горетова: «Семейка Козлов с товарищи»²⁷. Выбирая место для города, И. Биркин отдал предпочтение не Урляпову городищу, а урочищу, на котором располагалось временное жилище крестьянина С. Козлова и его товарищей. «Козлово урочище» находилось на правом берегу р. Лесного Воронежа, выше Урляпова городища. Новый город на Козловом урочище был заложен 11 октября 1635 г.²⁸. Естественно, без какого-либо официального постановления город получил имя первого поселенца, русского крестьянина Семена Козлова. Документы о возникновении Козлова помогли нам попутно выяснить и происхождение названия города, которое сохранялось затем в течение 297 лет²⁹.

Для строительства Козлова, кроме ратных людей, было послано 10 специалистов-плотников и 3 кузнеца. Им выдавали поденный корм. Но такого количества плотников оказалось мало, и по просьбе И. Биркина в Козлов были посланы еще плотники из окрестных городов, среди которых документы называют воронежцев Лариона Курапова, Бориса Долгова и Афанасия Гробовникова³⁰. Стены города возводились в виде стоячего острога с обламами. До наступления холодов строительство стен было завершено, оставалось сде-

²⁶ См.: П. Н. Черменский. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961, стр. 21, 190.

²⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 201, л. 373. Ухожей состоял из бортовых угодьев и рыбных ловель; Семен Козлов имел «откупную грамоту» — официальный документ на право временного владения ухожьем.

²⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 201, л. 190.

²⁹ В 1932 г. город был переименован в Мичуринск в честь выдающегося советского ученого-биолога И. В. Мичурина. Годом основания Козлова надо, конечно, считать не 1636, указанный в ряде справочников, а 1635.

³⁰ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 201, л. 298.

²⁴ ИТУАК, вып. 41. Тамбов, 1897, стр. 151.

²⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 201, л. 105.

лать тайник и верхние части башен. 19 ноября из Воронежа в Козлов была послана «вторая перемена» строителей — 170 человек, отдельные строительные работы продолжались и зимой.

С декабря 1635 г., когда И. Биркин провел разведку местности восточнее Козлова, по начало марта 1636 г. между И. Биркиным и Разрядным приказом велась оживленная переписка о строительстве укреплений в степи между р. Полым Воронежем и р. Челновой. И. Биркин, сравнивая два возможных варианта укреплений — деревянную стену и земляной вал, отдавал предпочтение последнему³¹. Деревянная стена, построенная на таком большом расстоянии, могла, по его мнению, легко пострадать от пожара. За второй вариант высказывались и находившиеся в Козлове участники Смоленской войны, видевшие земляные валы под Смоленском и в Можайске.

Руководитель Разрядного приказа думный дьяк И. Гавренев и дьяк Г. Ларионов обратились за консультацией к «иноземцу Яну Корнилу» (голландскому инженеру Яну Корниелю), который также посоветовал строить земляной вал. Мнение специалистов оказалось единодушным, и вопрос о строительстве земляного вала был решен. Такой большой по протяженности земляной вал возводился в России впервые. Длина его оказалась равной 28 км.

Постановление о строительстве козловского земляного вала было принято Боярской думой 3 марта 1636 г. Строить вал решено было силами мелких служилых людей уже названных нами 10 городов, но число строителей по сравнению с осенью 1635 г. значительно увеличивалось. Правительство шло на большие расходы. В отличие от строительства Козлова, где служилые люди работали бесплатно, на этот раз «деловцам за работу» устанавливалось жалованье — по полтора рубля человеку в месяц. Воеводам И. Биркину и М. Спешневу рекомендовалось нанять для земляных работ также и «охочих людей»³².

В указе о строительстве земляного вала говорилось и о привлечении к работе крепостных крестьян, но только для установки надолб рядом с валом и на короткий срок. Исполь-

³¹ Судя по документам, воевода Иван Васильевич Биркин представляется нам опытным, знающим военное дело человеком.

³² ИТУАК, вып. 41. Тамбов, 1897, стр. 108—111.

зовагь крестьян на земляных работах категорически запрещалось. Не желая затрагивать интересы помещиков — владельцев крестьян, царское правительство перекладывало всю тяжесть работы на мелких служилых людей. Из переписки И. Биркина с воеводами соседних городов видно, что крестьяне участия в работе почти не принимали.

Техническим руководителем строительства козловского земляного вала стал русский мастер, «горододелец» Иван Андреев. Высота составляла косую сажень (около 2,5 м). На валу были сооружены четыре земляных городка и несколько десятков башен, рядом с валом «с татарской стороны» шел ров, за ним стояли надолбы. Как видно из отчета, составленного в Разрядном приказе³³, на постройке вала работало 950 человек. Работы на валу начались 20 апреля и закончились 16 октября 1636 г. Вал был насыпан менее чем за 6 месяцев. Труд служилых людей оплачивался дешево. Каждая верста козловского вала (тысячесаженная) обошлась казне в 500 рублей.

Одновременно с козловскими укреплениями были построены восточнее их новые города Тамбов, Нижний Ломов со своими укреплениями, которые перекрыли восточные ответвления Ногайской дороги.

Позже выяснилось, что высота козловского вала недостаточна; его надстраивали и реконструировали затем в 40-х годах и в 1652 г. Но и тот вал, что был сделан в 1636 г., оказался для татар серьезным препятствием. А. А. Новосельский выяснил, что в 1636 г. крымские татары собирались осуществить большое вторжение в Россию по Ногайской дороге, но, узнав о строительстве новых городов и сосредоточении около них многих русских ратных людей, изменили свой план. Все же строителям козловского вала пришлось выдержать несколько столкновений с татарами. Один такой бой произошел 3 августа, когда татарский отряд численностью в 200—

³³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 73, л. 67. Этот документ перепечатал в 1890 г. Д. И. Багаев, но со множеством ошибок и пропусков. Начальную дату строительства вала он передвинул на год, не разобрал слова «доделан» и напечатал вместо него «до облам», что сделало непонятной фразу об окончании строительства козловского вала; вместо 4 земляных городков на валу у него получилось 7 (см.: Д. И. Багаев. Материалы..., т. 2. Харьков, 1890, стр. 13).

400 человек пытался пробиться сквозь вал западнее р. Челновой. Ратные люди — строители вала отбили татар³⁴. В результате строительства укреплений поперек Ногайской дороги и быстрого заселения нового Козловского уезда постоянные прежде прорывы татар в сторону рязских и рязанских мест прекратились. Сооружение козловского вала было большим успехом Русского государства в борьбе с татарами.

Кроме земляного вала в Козловском уезде, в отдельных местах были построены укрепления у р. Польного Воронежа. На концах земляного вала в 1636 г. выросли два городка с деревянными стенами — Бельский и Челновой. В строительстве этих укреплений приняло участие и новое население Козловского уезда.

Одни укрепления, какими бы они ни были прочными, не могли задержать татар. Чтобы козловский вал стал настоящим и постоянным препятствием для татарской конницы, требовалось разместить на нем воинов, поселить поблизости служилых людей.

В указе от 5 сентября 1635 г. о строительстве Козлова И. Биркину и М. Спешневу поручалось набрать 300 конных казаков и 200 пеших стрельцов для службы в новом городе «изо всяких из вольных и из охочих людей» и наделить их землей по примеру данковских казаков и стрельцов (казацким пятидесятникам — по 40 четвертей, десятникам — по 30, рядовым казакам — по 20, стрелецким пятидесятникам — по 10, десятникам — по 9, рядовым стрельцам — по 8 четвертей земли в поле³⁵. Но решение о строительстве вала и стратегическая важность козловских укреплений побудили правительство значительно увеличить набор служилых людей. Воеводы И. Биркин и М. Спешнев получили полномочия верстать поместным окладом новых детей боярских.

Летом 1636 г. был объявлен в южных городах царский указ с призывом к «вольным, охочим людям» идти в Козлов и Тамбов, причем воеводы могли принимать на службу в новые города, кроме «вольных людей», тех крепостных крестьян, которые раньше были служилыми людьми: детьми боярскими, казаками, стрельцами и оставили службу после 1613 г. Этот указ открывал легальные возможности выхода из

³⁴ См.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, стр. 236.

³⁵ ИТУАК, вып. 41. Тамбов, 1897, стр. 152.

крестьянства большой группе бывших мелких служилых людей юга, разоренных польско-литовскими интервентами в 1613—1618 гг. или татарами и ушедших в крестьянство «из-за бедности». А. А. Новосельский справедливо отметил неопределенность формулировок указа, который был воспринят крестьянским населением чуть ли не как царское разрешение на выход из крепостной зависимости³⁶.

Население Козловского уезда росло быстро. На 11 января 1637 г. в Козлове числилось уже 1056 служилых людей³⁷. Среди записавшихся на службу было немало бывших крестьян. По количеству населения Козловский уезд быстро вышел на первое место среди уездов Белгородской черты. В 1651 г. в Козлове значилось в разных службах 3423 человека³⁸. Мелкими служилыми людьми Козловского уезда были заселены и освоены пустовавшие прежде плодородные земли — тот самый степной клин, который, как меч, врезался до 1636 г. с юга на север между воронежскими и тамбовскими лесами. На территории этого клина «меча» длиной в 100 км под защитой земляного вала в Турмасовском, Борецком и Челнавском станах Козловского уезда в 1651 г. разместилось уже 27 новых сел, 2 казачьи слободы и 2 деревни³⁹.

Когда осенью 1636 г. стало ясно, что козловский опыт удался, в Разрядном приказе стали готовиться к строительству укреплений поперек трех западных татарских дорог: Муравской, Изюмской и Кальмиусской. Из Москвы в районы Белгорода и Оскола были посланы дворянин Ф. Сухотин и подьячий Е. Юрьев, которым поручалось вместе с белгородскими и оскольскими служилыми людьми провести тщательную разведку. В наказе Ф. Сухотину и Е. Юрьеву от 7 октября 1636 г. говорилось о постоянных набегах крымских, ногайских, азовских татар и предлагалось выбрать наиболее удобные места для строительства укреплений на трех татарских дорогах, а для этого «мыслить, и с ратными людьми говорить, и смотреть»⁴⁰.

Ф. Сухотину и Е. Юрьеву даны были имевшиеся в Мо-

³⁶ См.: А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 300.

³⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 76, л. 84.

³⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 327, л. 48—49.

³⁹ ЦГАДА, писцовые книги, № 1016, л. 20—65 (Козловская межелевая книга 1651 г.).

⁴⁰ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 73, л. 1—8.

ске географические карты и даже примерный вариант строительства укреплений, составленный в Разряде в результате опроса жителей Белгорода, Оскола, Курска и Ельца. Требовалось проверить возможность осуществления этого варианта, включавшего «крепости» в четырех местах: 1) при устье р. Усерда, 2) у Яблонового леса, 3) между Ворсклой и Северским Донцом, 4) у верховьев рек Оскола и Тима.

Дьяки Разрядного приказа, несомненно, понимали, что предложенный ими вариант не очень удачен. Он, в частно-

Рис. 5. План строительства укреплений, предложенный Ф. Сухотиным и Е. Юрьевым в 1636 г. Стрелками показаны татарские дороги, штриховкой — места планируемых укреплений.

сти, не включал перекрытие западных ответвлений Кальмиусской дороги между верховьями Тихой Сосны и р. Осколом. Ф. Сухотин и Е. Юрьев должны были также высказать соображения по этому поводу и ответить на конкретный вопрос: «От Верхососенья к Осколу-реке и Белому Колодезю мочно ли какие крепости учинить?»⁴¹

Экспедиции Ф. Сухотина и Е. Юрьева была придана внушительная охрана. Ее сопровождали 200 служилых людей.

⁴¹ Там же, л. 8.

Она работала 2 месяца и вернулась в Москву 26 декабря 1636 г. с чертежами, подробным описанием местности и планом строительства новых укреплений⁴². В документах отмечается, что в составлении плана принимали участие жители Белгорода и Оскола: дети боярские, станичники, казаки.

План, представленный Ф. Сухотиным и Е. Юрьевым, предусматривал перекрытие основных татарских дорог отдельными, не связанными между собой укрепленными линиями. План не намечал еще возведения единой укрепленной линии — черты, но создавал предпосылки для этого.

Ф. Сухотин и Е. Юрьев сочли нецелесообразным возводить укрепления в верховьях р. Тима. Действительно, значительно важнее было перекрыть Муравскую и Изюмскую дороги южнее их соединения и лишить татар маневра в районе верховьев рек Псла, Северского Донца, Корочи и Сейма. Ф. Сухотин и Е. Юрьев отрицательно ответили и на вопрос о возможности строительства укреплений от верховьев Тихой Сосны к р. Осколу, так как там «лесов нет и река Белый Колодезь не крепка», а расстояние велико. Взамен они предложили насыпать земляной вал от Усерда в юго-западном направлении к Валуйскому лесу. Но в таком случае усердские укрепления оказывались значительно южнее яблоневских, и у татар появлялась возможность через перелазы на р. Осколе выйти с Изюмской дороги в тыл русским укреплениям у р. Тихой Сосны. Поэтому Ф. Сухотин и Е. Юрьев наметили построить острожек у Жестовых гор и укрепления вдоль р. Оскола.

Мы назвали некоторые предложения Ф. Сухотина и Е. Юрьева, не совпадавшие с данным им в Разряде вариантом строительства укреплений. В остальном рекомендации экспедиции соответствовали предварительным наметкам Разряда.

План Ф. Сухотина и Е. Юрьева предусматривал, таким образом, создание трех хорошо укрепленных участков, включавших новые города, земляные валы: 1) р. Ворскла — р. Северский Донец в районе Белгорода; 2) р. Короча — Яблонь-лес — Холанский лес; 3) Валуйский лес — устье р. Усерда — левый берег р. Тихой Сосны. Планировались также вспомогательные укрепления у р. Оскола (см. карту).

⁴² Там же, л. 17.

4 января 1637 г. план Ф. Сухотина и Е. Юрьева с приложенным к нему чертежом был представлен царю, который «сей росписи слушал и чертежу смотрел и указал о том сидеть бояром». 7 января Боярская дума утвердила план, однако точные сроки его выполнения установлены не были⁴³. В Разрядном приказе составили примерную смету. Стоимость всех работ оценивалась в 111 574 рубля 15 алтын. Кроме этой суммы, требовалось 24 тысячи четвертей хлеба для выдачи ратным людям новых городов.

Расходы «на городовое дело и на жалованье ратным людям» должны были частично компенсировать жители посадов, чернососиные, дворцовые и монастырские крестьяне всех областей России. Об этом чрезвычайном налоге мы узнаем по сохранившейся царской грамоте в Чердынь от 8 февраля 1637 г. Вступительная часть грамоты подчеркивала общегосударственное значение строительства новых укреплений, в ней говорилось: «Слыша мы от басурман на православных крестьян разоренье и всякое зло полонское расхищенье, указали, на Калмиуской и на Изюмской сакме и на Муравском шляху, от татарские войны, поставить города и острожки жилые и стоялые и всякие крепости учинить, и жилецких людей в тех новых городех устроить, чтоб тем у татар в Русь приход отнять, а православных бы крестьян от войны и от разоренья и от полону заступить»⁴⁴.

План Ф. Сухотина и Е. Юрьева являлся хорошо разработанной программой строительства укреплений на юге России. К сожалению, уже вскоре этот план подвергся корректировке, причем, как мы увидим, не очень удачной. Помешать осуществлению плана пытались и крымские татары. В феврале 1638 г. крымский хан Бегадыр-Гирей нагло, с угрозами требовал от России разрушения новых городов. Русское правительство отвергло притязания хана. Большую помощь строителям Белгородской черты оказало занятие летом 1637 г. Азова донскими казаками, оборвавшее на несколько лет татарские вторжения в Россию.

План Ф. Сухотина и Е. Юрьева стал осуществляться сразу же после принятия его Боярской думой, с весны 1637 г. В Разрядном приказе решили в первую очередь построить

укрепления поперек Изюмской и Кальмиусской дорог. Перекрытие Муравской дороги несколько откладывалось. Как и при строительстве козловских укреплений, новые города и земляные валы решено было строить силами мелких служилых людей. Новым было лишь привлечение к работе московских стрельцов.

Уже в январе 1637 г. состоялось назначение руководителей работ. На Изюмскую сакму послан был стольник А. В. Бутурлин, на Кальмиусскую — И. И. Бутурлин, также имевший чин стольника. Оба они в отличие от И. В. Биркина оказались неумелыми руководителями, допускали технические просчеты. И. И. Бутурлин к тому же своей жестокостью, корыстолюбием вызвал справедливую ненависть строителей г. Усерда.

Первоочередной задачей являлось перекрытие Изюмской дороги, по которой татары совершили в 30-х годах XVII в. наиболее крупные набеги. В 1637 г. на строительство укреплений у Яблонового леса русское правительство послало значительно больше людей, чем за год до этого на козловский вал. С А. В. Бутурлиным выступили две тысячи московских стрельцов, которые должны были построить деревянный острог и вал; установка надолб возлагалась на белгородских и оскольских служилых людей. 25 марта А. В. Бутурлин со стрельцами прибыл на место. Снег уже сошел, но начать работу стрельцы не могли из-за отсутствия топоров, кирок и лопат. Только 15 апреля был доставлен из Москвы инструмент («вся снасть»), и на следующий день — 16 апреля 1637 г. стрельцы заложили стены и башни Яблонова.

Среди московских стрельцов оказалось много умелых плотников. Две тысячи строителей быстро, всего за 14 дней, возвели острожные стены на 202 саженьях и 6 рубленых башен. Уже 30 апреля новый русский острог встал прямо «на ходу крымского царя и больших крымских людей»⁴⁵. В мае московские стрельцы вместе с белгородскими и оскольскими служилыми людьми закончили установку надолб от Холанского леса к Яблонову острогу и от него к р. Короче.

А. В. Бутурлин предложил сразу же построить новый город на р. Короче и, получив разрешение Разряда, заложил его 9 июня 1637 г. на высокой меловой горе, на правом бе-

⁴³ Там же, л. 59.

⁴⁴ АИ, т. 3. СПб., 1841, стр. 349.

⁴⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 84, л. 50—51.

регу реки⁴⁶. На строительство города он послал часть московских стрельцов. Но место для города оказалось неудачным. Колодцев на меловой горе не было, снабжение нового города водой представило бы большие трудности. Не достроив города, в начале июля А. В. Бутурлин перевел всех стрельцов на строительство земляного вала.

Вал строился медленно. А. В. Бутурлин объяснял это тем, что «стали жары большие, дождей нет, земля сухая», а также тем, что стрельцы вал «делают неспешно»⁴⁷. Московские стрельцы получали за работу поденный корм: по 8 денег в день на человека и небольшое количество хлеба. Длительная и тяжелая служба вдали от дома была для них очень обременительной. Они не были заинтересованы в ускорении работ.

В роли технического руководителя строительства вала мы вновь видим «горододельца» Ивана Андреева⁴⁸. И. Андреев требовал соблюдать установленные им размеры вала, что часто вызывало недовольство московских стрельцов. Для прочности в вал закладывали хворост, сверху его покрывали дерном. Яблоновский вал делался выше козловского, его высота составляла полторы косых сажени. Вал насыпался в 20 саженьях от уже установленных надолб. К осени была готова лишь небольшая часть вала.

Дважды строителям яблоновских укреплений пришлось отбивать натиск татар. В июне татарский отряд был отражен легко, но 16 сентября к Яблонову подошли многие тысячи татар⁴⁹. А. В. Бутурлин не ожидал набега и за несколько дней перед этим отправил 200 стрельцов (по одному от каждого десятка) за хлебом в Оскол. Этот хлебный обоз, воз-

⁴⁶ Там же, л. 214.

⁴⁷ Там же, л. 252—253.

⁴⁸ Биографических данных об Иване Андрееве — одном из первых русских военных инженеров — документы не сообщают. Кое-где он именуется солдатом. Солдатские полки были сформированы перед Смоленской войной и участвовали в ней. Видимо, уже во время Смоленской войны И. Андреев проявил свои инженерные способности. Во время работы на строительстве яблоновских укреплений И. Андреев получал небольшое жалованье, 2 рубля в месяц, ему дана была также лошадь с телегой для поездок по черте (ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 105, л. 308).

⁴⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 105, л. 29—30.

вращавшийся в Яблонов, был окружен татарами, все 200 стрельцов — пленены или убиты⁵⁰.

Несмотря на огромное численное превосходство, татары лишь с большим трудом, в пешем строю, сойдя с лошадей, сумели прорваться сквозь надолбы. После прорыва татар русские ратные люди отошли под защиту деревянных стен Яблонова и выдержали осаду.

Набег в сентябре 1637 г. был совершен крымскими татарами по прямому приказу турецкого султана, который надеялся таким образом воздействовать на донских казаков, занявших Азов. Крымский хан угрожал новыми вторжениями. Но следующие несколько лет характерны, наоборот, значительным ослаблением татарских набегов. Пока донские казаки владели Азовом, крымские татары не решались выступать крупными силами против южных русских городов.

По плану Ф. Сухотина и Е. Юрьева в Яблоновом лесу нужно было построить не жилой город, а стоялый острог с временным летним гарнизоном. Однако стратегическое положение Яблонова оказалось настолько важным, что в том же 1637 г. решили превратить Яблонов в город с постоянным населением. Воевода А. В. Бутурлин успел до зимы набрать лишь несколько десятков людей на службу в Яблонов и Корочу. В ноябре 1637 г. А. В. Бутурлин отозвал в Москву, он «на время», до прибытия нового воеводы, передал руководство новым городом еще одному представителю той же фамилии Бутурлиных — Петру Владимировичу. На зиму в Яблонов были посланы белгородские и оскольские служилые люди⁵¹.

Весной 1638 г. строительство яблоновских укреплений возобновилось. Новым воеводой стал князь Д. П. Львов, с ним прибыли 500 московских и 500 новгородских стрельцов. На земляные работы были направлены мелкие служилые люди из юго-западных русских городов (Рыльска, Путивля, Севска, Брянска, Козельска и других). Станичную и стороже-

⁵⁰ Один из плененных под Яблоновом московских стрельцов — Иван Лукьянов оказался позже в числе участников удивительного восстания русских рабов-гребцов, которые захватили турецкий корабль под Константинополем, провели его по Средиземному морю в Италию и через Рим, Венецию, Венгрию, Польшу вернулись в Россию в 1643 г. (См.: Сказание о невольниках, освободившихся из турецкой каторги. В кн.: «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси». Вып. 2. Киев, 1896, стр. 403—404).

⁵¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 105, л. 69, 85.

вую службу у новых яблоновских укреплений организовали белгородские и валуйские станичники, а также оскольские казаки.

Русское правительство ожидало крупного татарского набега в 1638 г., но эти ожидания не оправдались. Строительство укреплений поперек Изюмской дороги проходило без помех. В 1638 г. продолжалось возведение земляного вала от Яблонова к р. Короче и было сделано в дополнение к прежним 2027 сажениям еще 2747 сажений.

Для решения вопроса о месте расположения г. Корочи воевода Д. П. Львов устроил военный совет («мыслил с дворянами и начальными людьми»). Место на меловой горе, выбранное А. В. Бутурлиным, где уже стояли стены недостроенного города, на совете признали неудачным («а что было зачел Андрей Бутурлин город делать на высокой горе, от воды с полверсты и больше, не к делу») ⁵².

Город на этот раз был построен внизу у реки, прямо напротив сооружавшегося одновременно земляного вала. Строители возвели дубовую острожную стену высотой в 2 сажени с обламами, 5 рубленых башен, устроили тайник, сделали 790 бойниц, выкопали ров. «Верхние бои» башен устроены были на уровне высокой меловой горы, находившейся теперь севернее города. Если бы враг поднялся на эту гору, господствовавшую над городом, он оказался бы под огнем крепостной артиллерии. Вместе со служилыми людьми работали плотники-крестьяне из посопной волости Белгородского уезда. Строительство города на новом месте закончилось 24 июня 1638 г. Первое время он назывался «Красным городом на Короче».

Подробное описание новой крепости, присланное в 1638 г. Д. П. Львовым в Москву ⁵³, полностью соответствует сохранившемуся в Центральном государственном военно-историческом архиве плану Корочи начала XVIII в. ⁵⁴. Стены в XVIII в. стояли на тех же местах. Из пяти башен немного перенесена была лишь одна, но на плане заметно ее старое место и мост через ров против нее.

⁵² Там же, л. 366.

⁵³ Там же, л. 462—470.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, ед. хр. 3539. Деревянная крепость находилась в пределах центра современного г. Корочи.

В 1638 г. продолжался набор «вольных охочих» людей на службу в Яблонов и Корочу. Но по сравнению с Козловым здесь было значительно меньше желающих стать казаками и стрельцами, хотя принятые на службу получали деньги «на дворовое строенье» и хлеб «для пашенного заводу». Яблонов и Короча заселялись в конце 30-х и начале 40-х годов XVII в. медленно и с трудом. Наряду с географическими причинами (расположение Яблонова и Корочи на опасных местах у Изюмской дороги), мы видим и социальные причины этого явления.

Запись крестьян на службу в Козлове вызвала недовольство широких слоев помещиков: дворян и детей боярских. Идя навстречу этой большой группе феодалов-землевладельцев, правительство при заселении Яблонова и Корочи требовало строго следить за тем, чтобы беглые крестьяне и холопы не попадали в число служилых людей новых городов. Рекомендовалось принимать на службу родственников служилых людей (детей, братьев, племянников) из соседних уездов. Отдельные беглые крестьяне все же записывались в казачью или стрелецкую службу, но это не было здесь массовым явлением, причем таких крестьян помещики передко находили и возвращали. Так, в 1642 г. помещик Почепского уезда Г. Веревкин обнаружил в Яблонове в стрелецкой службе своего беглого крестьянина Д. Фомина. Стрельца вернули в крестьянство.

Заселить города на черте без крестьян оказалось очень трудно.

Надо учесть также, что в 1638—1641 гг. донские казаки были заняты обороной Азова, в связи с этим с Дона никто не приходил на службу в Яблонов. Не работал, следовательно, еще один канал притока добровольцев в новые города, неплохо действовавший в 1636 г. при заселении Козловского уезда.

Правительство предлагало московским стрельцам, работавшим на строительстве вала, переходить в казачью службу в г. Яблонов; действительно, некоторые московские стрельцы стали яблоновскими казаками. Корочу удалось заселить служилыми людьми благодаря переходу в Россию из-за границы больших групп «черкас» — украинских переселенцев. Так, в июле 1638 г. воевода Д. П. Львов принял в казачью

вую службу у новых яблоновских укреплений организовали белгородские и валуйские станичники, а также оскольские казаки.

Русское правительство ожидало крупного татарского набега в 1638 г., но эти ожидания не оправдались. Строительство укреплений поперек Изюмской дороги проходило без помех. В 1638 г. продолжалось возведение земляного вала от Яблонова к р. Короче и было сделано в дополнение к прежним 2027 саженьям еще 2747 саженьей.

Для решения вопроса о месте расположения г. Корочи воевода Д. П. Львов устроил военный совет («мыслил с дворянами и начальными людьми»). Место на меловой горе, выбранное А. В. Бутурлиным, где уже стояли стены недостроенного города, на совете признали неудачным («а что было зачел Андрей Бутурлин город делать на высокой горе, от воды с полверсты и больше, не к делу») ⁵².

Город на этот раз был построен внизу у реки, прямо напротив соорудившегося одновременно земляного вала. Строители возвели дубовую острожную стену высотой в 2 сажени с обламами, 5 рубленых башен, устроили тайник, сделали 790 бойниц, выкопали ров. «Верхние бои» башен устроены были на уровне высокой меловой горы, находившейся теперь севернее города. Если бы враг поднялся на эту гору, господствовавшую над городом, он оказался бы под огнем крепостной артиллерии. Вместе со служилыми людьми работали плотники-крестьяне из посопной волости Белгородского уезда. Строительство города на новом месте закончилось 24 июня 1638 г. Первое время он назывался «Красным городом на Короче».

Подробное описание новой крепости, присланное в 1638 г. Д. П. Львовым в Москву ⁵³, полностью соответствует сохранившемуся в Центральном государственном военно-историческом архиве плану Корочи начала XVIII в. ⁵⁴. Стены в XVIII в. стояли на тех же местах. Из пяти башен немного перенесена была лишь одна, но на плане заметно ее старое место и мост через ров против нее.

⁵² Там же, л. 366.

⁵³ Там же, л. 462—470.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, ед. хр. 3539. Деревянная крепость находилась в пределах центра современного г. Корочи.

В 1638 г. продолжался набор «вольных охочих» людей на службу в Яблонов и Корочу. Но по сравнению с Козловым здесь было значительно меньше желающих стать казаками и стрельцами, хотя принятые на службу получали деньги «на дворовое строенье» и хлеб «для пашенного заводу». Яблонов и Короча заселялись в конце 30-х и начале 40-х годов XVII в. медленно и с трудом. Наряду с географическими причинами (расположение Яблонова и Корочи на опасных местах у Изюмской дороги), мы видим и социальные причины этого явления.

Запись крестьян на службу в Козлове вызвала недовольство широких слоев помещиков: дворян и детей боярских. Идя навстречу этой большой группе феодалов-землевладельцев, правительство при заселении Яблонова и Корочи требовало строго следить за тем, чтобы беглые крестьяне и холопы не попадали в число служилых людей новых городов. Рекомендовалось принимать на службу родственников служилых людей (детей, братьев, племянников) из соседних уездов. Отдельные беглые крестьяне все же записывались в казачью или стрелецкую службу, но это не было здесь массовым явлением, причем таких крестьян помещики нередко находили и возвращали. Так, в 1642 г. помещик Почепского уезда Г. Веревкин обнаружил в Яблонове в стрелецкой службе своего беглого крестьянина Д. Фомина. Стрельца вернули в крестьянство.

Заселить города на черте без крестьян оказалось очень трудно.

Надо учесть также, что в 1638—1641 гг. донские казаки были заняты обороной Азова, в связи с этим с Дона никто не приходил на службу в Яблонов. Не работал, следовательно, еще один канал притока добровольцев в новые города, неплохо действовавший в 1636 г. при заселении Козловского уезда.

Правительство предлагало московским стрельцам, работавшим на строительстве вала, переходить в казачью службу в г. Яблонов; действительно, некоторые московские стрельцы стали яблоновскими казаками. Корочу удалось заселить служилыми людьми благодаря переходу в Россию из-за границы больших групп «черкас» — украинских переселенцев. Так, в июле 1638 г. воевода Д. П. Львов принял в казачью

службу в Короче 46 черкас⁵⁵. В 1642 г. в Короче жило уже 446 черкас, составлявших 61% служилых людей этого города.

Работы на земляном валу, возводившемся поперек Изюмской дороги, продолжались несколько лет. Сначала был закончен западный участок вала между Яблоновым и р. Корочей, затем восточный — от Яблонова к Холанскому лесу. В Яблонове был сооружен «земляной город», составивший наружный пояс укреплений города. Деревянный острог, построенный в 1637 г., оказался внутри него. В земляном городе были устроены 4 проезда и 9 глухих башен. В 1640 г. поверх земляного города в Яблонове были повсюду сделаны деревянные обламы с бойницами. В 1640 г. строительство укреплений поперек Изюмской дороги в основном закончилось. В последующие годы (1641—1642) сооружались небольшие укрепления в восточной части яблоновской военной зоны — между Холанским лесом и р. Осколом.

Техническими руководителями строительства яблоновской укрепленной линии являлись русские специалисты; иностранных инженеров документы здесь не упоминают. Кроме «горододельца» Ивана Андреева, называются также «подмастерья» валового дела Марк Губа и Афанасий Бритва.

На строительство укреплений ежегодно посылались московские стрельцы и служилые люди из других городов: яблоновских служилых людей не хватало. Так, в 1642 г. в Яблонове была тысяча московских стрельцов, а также дети боярские из Мценска, Черни и Орла (всего 100 чел.), казаки из Михайлова, Белева, Сапожка, Печерников, Гремячего (всего 150 чел.). Своих служилых людей в Яблонове было в это время 624 человека⁵⁶.

При сравнении козловских и яблоновских укреплений заметна разница в темпах и методах их строительства. Козловская линия создана была быстро, сравнительно дешево; яблоновская, хотя была короче по протяженности и создавалась при более благоприятной международной обстановке, обошлась значительно дороже, строилась дольше. Эта разница, по нашему мнению, обусловлена в определенной мере внутренней политикой русского правительства, отношением к кре-

стьянству. Приоткрыв немного дверь для доступа крепостных крестьян в число служилых людей в Козлове, сделав даже не поворот, а небольшой зигзаг в сторону от основной крепостнической линии, правительство добилось больших технических и военных выгод. Но с объективной неизбежностью оно затем снова полностью встало в крестьянском вопросе на позиции крепостников-феодалов, господствующего класса. К тому же татарские набеги почти прекратились, от них не страдали помещичьи хозяйства, и казалось, что нет необходимости в ускорении строительства черты. Временная передышка в татарской войне не была по-настоящему использована русским правительством. Татарские вторжения середины 40-х годов вновь нанесли тяжелый урон тысячам помещичьих хозяйств, и тогда военная необходимость вынудила русское правительство сделать еще несколько зигзагов в крестьянском вопросе.

С весны 1637 г. одновременно со строительством яблоновских укреплений на Изюмской дороге развернулись работы по перекрытию Кальмиусской дороги у р. Тихой Сосны. Здесь планировались, как мы знаем, укрепления от Валуйского леса к устью р. Усерда и далее на восток — вдоль р. Тихой Сосны. Центром участка намечался новый город у устья р. Усерда.

На строительство усердских укреплений были направлены казаки и стрельцы из многих южных городов. 9 апреля 1637 г. началась вывозка бревен к месту строительства нового города — на нижнее Усердское городище; к 1 мая казаки и стрельцы вывезли 10 520 дубовых бревен длиной по 3, 3 1/2 и 4 сажени и толщиной от 5 до 8 вершков⁵⁷.

Руководители строительства — воеводы И. Бутурлин и С. Нарбеков получили в Москве копию отчета Ф. Сухотина и Е. Юрьева. Укрепления на Кальмиусской дороге им нужно было строить в соответствии с планом, утвержденным Боярской думой. В донесениях И. Бутурлина, направленных в Разряд, заметно стремление воеводы всячески очернить Ф. Сухотина, дискредитировать его план. Уже в апреле 1637 г. И. Бутурлин написал в Москву, что через Тихую Сосну имеется не 5 татарских перелазов, как считал Ф. Сухотин, — Каменный, Черемховый, Чесночный, Вязовый и Оси-

⁵⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 105, л. 374—375.

⁵⁶ См.: И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 141—143.

⁵⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 85, л. 658.

повый, а очень много; перелазы существуют везде, а «Федор Сухотин писал ложно»⁵⁸. И. Бутурлин или не хотел, или не сумел разобраться в отчете Ф. Сухотина, который упоминал не 5, а 8 основных татарских перелазов через Тихую Сосну, причем перечислял не просто места, где можно переправиться через реку, а только броды. В августе 1637 г. И. Бутурлин полностью отверг возможность строительства вала по плану Ф. Сухотина и Е. Юрьева от Валуевского леса к Усерду, мотивируя это отсутствием воды⁵⁹. Резкие противоречия между сообщениями Ф. Сухотина в 1636 г. и И. Бутурлина в 1637 г., видимо, сбили с толку дьяков Разрядного приказа. Русское правительство только в 70-х годах XVII в. вернулось к плану строительства земляного вала Усерд — Валуевский лес.

В 1637 г. мелкие служилые люди южных городов построили на Кальмиусской дороге один жилой город (Усерд) и два стоялых острога: Раздорский и Осиновый. Стены Усерда были срублены по-городовому, город имел 9 башен. Стоялые остроги находились западнее города, ближайший к Усерду стоял в «Сосенских раздорах», у места слияния Тихой Сосны и речки Сосенки, другой — «в осиновом лесу», между первым острогом и р. Осколом. Эти укрепления не могли заменить земляного вала, и Кальмиусская дорога фактически не была перекрыта.

Во время строительства Усерда воевода И. Бутурлин обращался с приборными служилыми людьми как со своими крепостными. Он заставлял строителей Усерда делать для него плотницкий инструмент, который затем продавал; брал у стрельцов и казаков поборы деньгами, «а которым нечего дать, и он имел запасом» — сухарями, толокном, пшенной крупой и мясом, стрельцов и казаков «бил своими руками и обухом». И. Бутурлин запретил казакам и стрельцам построить баню; вместо этого он «велел баню держать» брянскому жителю П. Комарову и взял у него за это 10 рублей. 7 июля 1637 г. все казаки и стрельцы «розных городов», участвовавшие в строительстве, послали в Москву жалобу на И. Бутурлина с казаком Я. Ефимовым⁶⁰. Разрядный приказ принял «мудрое» решение: воеводу И. Бутурлина отозвали

в Москву, но щедро наградили. Строительство Усерда заканчивалось под руководством второго воеводы — С. П. Нарбекова.

В Усерде сначала предусмотрено было поселить 500 конных казаков, 500 пеших стрельцов и 25 пушкарей. К осени 1637 г. «прибрано» было 229 казаков, 27 стрельцов и 24 пушкаря, что составляло лишь 27 процентов намеченного количества людей. Новоприборные служилые люди получили землю: казацкие пятидесятники — по 40 четвертей, десятичники — по 30, рядовые казаки — по 20, стрелецкий пятидесятник — 10, десятичники — по 9, рядовые стрельцы — по 8, пушкарки по 20 четвертей земли⁶¹. С постройкой Усерда организация станичной службы из Оскола теряла смысл. В январе 1638 г. в Усерд были переселены 50 оскольских станичников; с весны начались разъезды усердских станиц на запад — до р. Оскола и на восток — к Дону.

Поскольку набрать намеченное прежде число служилых людей в Усерде не удалось, Разрядный приказ в 1638 г. значительно снизил норму. Воеводе Д. Толочанову, сменившему в Усерде С. Нарбекова, ставилась более скромная задача — довести число казаков в Усерде до 300, стрельцов до 200⁶². Но и эту норму выполнить было непросто. Расположенный прямо напротив Кальмиусской дороги г. Усерд не привлекал переселенцев, хорошо представлявших опасность татарских вторжений.

В 1638—1642 гг. строительство укреплений в районе Усерда велось медленно, в основном укреплялись берега р. Тихой Сосны. Земляной вала поперек западных ответвлений Кальмиусской дороги ни на месте, намеченном Ф. Сухотиным, ни в других местах построено не было.

В строительстве укреплений участвовали не только усердские казаки и стрельцы. На лето в Усерд присылались дети боярские, стрельцы и казаки из других городов. Так, в 1642 г. туда было прислано 340 служилых людей: 200 московских стрельцов, 25 детей боярских из Ельца и столько же из Ливен, 50 конных казаков из Воронежа, 25 казаков из Рязанской и 15 — из Пронска.

⁶¹ Д. И. Бага лей. Материалы., т. 2. Харьков, 1890, стр. 23 (Строительная книга Усерда).

⁶² ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 8, л. 4—5.

⁵⁸ Там же, л. 7.

⁵⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 84, л. 323—325.

⁶⁰ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 85, л. 216—218, 657.

Как же обстояло дело с укреплениями на третьей степной дороге — Муравской?

Выпады, сделанные в 1637 г. И. Бутурлиным против плана Ф. Сухотина на Кальмиусской дороге, имели далеко идущие последствия. В Разрядном приказе, видимо, вообще потеряли доверие к отчету экспедиции Ф. Сухотина и Е. Юрьева. Белгородский воевода А. Тургенев получил задание еще раз проверить на местности расчеты Ф. Сухотина и высказать мнение о целесообразности сооружения вала между р. Ворсклой и Белгородом. А. Тургенев подтвердил выводы экспедиции 1636 г. и рекомендовал в первую очередь построить город у Карпова сторожевья. Но время было упущено, наступила зима. В 1638 г. для сооружения укреплений поперек Муравской дороги не нашлось достаточно сил и средств. Русское правительство опасалось крупного вторжения татар и решило укрепить старую засечную черту у Оки⁶³. Много людей требовали и продолжавшиеся работы у Яблонова, Усерда.

Летом 1639 г. уже известные нам дьяки Разрядного приказа И. Гавренев и Г. Ларионов прибегли к традиционному опросу знатоков местности, находившихся по каким-либо причинам в Москве. Жители Путивля и Рыльска — «одинадцать человек порознь» посоветовали строить город не у Карпова сторожевья, а на Хотмыжском городище, где татары переходят через р. Ворсклу, пробираясь с Муравского на Бакаев шлях⁶⁴. Для дополнительной проверки этого предложения 29 июля 1639 г. из Разряда были посланы письма одинакового содержания воеводам Белгорода, Путивля, Рыльска и Курска. В них дьяки Разрядного приказа задавали воеводам от имени царя вопрос о том, где лучше построить новый город — на Хотмыжском городище или на Карповом сторожевье. Первым откликнулся путивльский воевода Г. Пушкин, который предложил на Хотмыжском городище построить жилой город, на Вольном кургане — стоялый острог, на Карповом сторожевье — не строить ничего⁶⁵. Григория Пушкина легко понять. Для Путивля и Путивльского уезда, конечно,

⁶³ Ход работ на старой черте в 1638 г. подробно рассмотрен А. И. Яковлевым в книге «Засечная черта Московского государства в XVII веке» (М., 1916, стр. 47—280).

⁶⁴ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 113, л. 35.

⁶⁵ Там же, л. 42.

лучшим заслоном могли стать укрепления на р. Ворскле, а не в степи между Ворсклой и Белгородом.

Как раз в это время в Москву пришли известия о переправе небольших татарских отрядов через р. Ворсклу; один отряд переправился у Вольного кургана, другой — поблизости от Хотмыжского городища. Это решило дело. В сентябре 1639 г. был составлен проект указа о строительстве крепостей на Хотмыжском городище и Вольном кургане. В преамбуле его сообщалось, что через эти места татары в 1639 г. проходили к Рыльску⁶⁶.

Так вопреки плану Ф. Сухотина было допущено изменение последовательности в строительстве городов, что являлось, на наш взгляд, довольно серьезной ошибкой, впоследствии стоившей жизни тысячам русских людей. Руководители Разрядного приказа, дезориентированные князьями И. Бутурлина, местными интересами путивльских жителей и передвижением небольших татарских отрядов, послали строителей укреплений у Муравской дороги не на главное, а на второстепенное направление. В результате новые города встали в стороне от Муравской дороги, на ее боковых ответвлениях, а важный в стратегическом отношении степной промежуток между р. Ворсклой и г. Белгородом остался открытым для татар.

Весной 1640 г. для строительства двух новых городов на р. Ворскле собрано было 1070 человек. Это были дети боярские, казаки и стрельцы из Путивля, Рыльска, Севска, Курска и Белгорода, а также несколько сотен московских стрельцов. Руководили строительством новых городов воеводы В. Толстой и Г. Бокин.

На Хотмыжское городище ратные люди пришли 11 мая 1640 г. Строительство города началось 17 мая и завершилось 28 июня⁶⁷, город был построен быстро — за 43 дня. По форме стен крепость являлась стоячим острогом с обламами, высота дубовых стен составляла 2 сажени с четвертью. Строительство г. Вольного проходило с 24 мая по 12 июля 1640 г.⁶⁸. И здесь крепость представляла собой стоячий острог. В обоих городах сооружены были тайники.

Отряды татар несколько раз подходили к р. Ворскле и

⁶⁶ Там же, л. 45.

⁶⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 117, л. 264.

⁶⁸ Там же, л. 342—343.

строящимся городам. Увидев их, татары обошли р. Ворсклу с востока. Новые города не могли закрыть путь татарам по Муравской дороге.

На правом берегу р. Ворсклы тем же летом выстроены были, кроме двух городов, стоялые остроги: на Пробойной горе, Углицкий и на Раковых горах. Острожки контролировали перелазы через р. Ворсклу, с них открывался вид далеко на юг, в степь. В следующем году у самой русско-польской границы построен был на Ворскле еще один стоялый острог — Лосицкий, существовавший, однако, всего лишь несколько лет⁶⁹.

Заселение новых городов на Ворскле прошло сравнительно быстро и легко; население отлично понимало, что Хотмыжск и Вольный стоят в стороне от основных татарских путей, а плодородных земель и различных угодий там много. В Хотмыжск устремились многие «неверстанные дети боярские» — сыновья и родственники детей боярских из соседних городов: Путивля, Рыльска, Белгорода, Курска. Воевода В. И. Толстой «прибрал» их на службу и верстал поместным и денежным окладом. К марту 1641 г. в Хотмыжске было набрано детей боярских — 254, казаков — 350, стрельцов — 125, пушкарей — 23, кузнец — 1; всего 753 человека⁷⁰.

Мы уже упоминали об относительном затишье в татарских нападениях на Россию в конце 30-х и начале 40-х годов XVII в., которое, несомненно, было связано с владением донскими казаками Азовом. Русское правительство, не желая начинать большую войну с Турцией, не приняло от казаков Азова, и после длительного «азовского сиденья» казаки в 1642 г. оставили город. Строители Белгородской черты, жители южных русских уездов сразу же по усилившимся татарским вторжениям почувствовали изменение обстановки в низовьях Дона.

В 1642 г. нападения татар совершаются еще небольшими силами, враг почти не пытается проникнуть глубоко в Россию. Но, выяснив расположение новых русских укреплений и не беспокоясь за свой тыл, в следующем году татары наносят серьезные удары по наиболее уязвимым местам.

⁶⁹ В 1647 г. функции пограничной крепости перешли от Лосицкого к Ахтырскому стоялому острогу, находившемуся в 1647—1650 гг. на возвращенном России старом Ахтырском городище (ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 174, л. 27—30). См. об этом также в гл. III.

⁷⁰ Д. И. Багалей. Материалы..., т. 2. Харьков, 1890, стр. 30.

С 1643 г. возобновляются крупные татарские вторжения в Россию, достигающие наибольшего размаха в 1644—1645 гг. Засуха и голод в Крыму, продолжавшиеся в течение нескольких лет, помогают татарским мурзам собирать под свои знамена тысячи рядовых татар и направлять их на грабеж русских сел и деревень.

Для ударов татары выбирают неукрепленные места у Ногайской, Кальмиусской и Муравской дорог. Наступающие по Ногайской дороге татарские отряды, не доходя до Козловского вала, поворачивают на запад. Погрому подверглись села, расположенные на берегах р. Воронежа — на юго-западе Козловского, на востоке Лебедянского, на севере Воронежского уездов. Здесь в 1643 г. в набегах вместе с татарами участвовали запорожцы. Татары переправлялись и на западный берег р. Воронежа, проникали в Елецкий уезд. Открытой оставалась Кальмиусская дорога. Весной 1643 г. на левом берегу р. Оскола был построен Жестовой стоялый острожек, по служилые люди только наблюдали с его башен за движением татар. Не могли задержать татар между верховьями Тихой Сосны и р. Осколом и небольшие острожки — Осиновый и Раздорский. 17 мая 1643 г. из Раздорского острожка русские воины стреляли по татарам из пушек, но это не остановило отряд врага в 2500 человек⁷¹. Свободным был проход и по Муравской дороге; новые крепости Вольный и Хотмыжск, как мы знаем, стояли в стороне. В 1643 г. татары, начав вторжение по Кальмиусской дороге, несколько раз возвращались с добычей по Муравскому шляху. Белгородские служилые люди вели здесь с татарами бои, но не могли их остановить. В 1643 г., донося об одном из таких сражений, белгородский воевода Н. М. Боборыкин вновь поставил вопрос о строительстве укреплений у Карпова сторожевья. Он справедливо считал, что при наличии там русского города и укреплений татары бы не ушли безнаказанно⁷².

В начале 1644 г. Разрядный приказ снова принял решение о строительстве крепости на Карповом сторожевье, на правом берегу р. Ворсклы. Намечалось пока построить здесь стоялый острог. Закладка крепости состоялась 13 апреля, острог строили белгородцы, руководил строительством стапичный

⁷¹ См.: А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 319.

⁷² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 184, л. 101—102.

голова Иван Рышков. 15 мая острог был готов. Летом в нем располагались 60 рыльских и севских стрельцов. Осенью 1644 г. Разряд предпринял попытку превратить Карповский стоялый острог в жилой город, но набрать «вольных охочих людей» на службу не удалось⁷³. Карпов стал жилым городом только в 1646 г., когда был построен и земляной вал. До этого, в 1644—1645 гг. один стоялый острог не представлял для татар большого препятствия.

Очень тяжелый удар нанесли татары по южным русским уездам в 1644 г. Основное татарское войско в количестве 30—40 тысяч человек сосредоточилось у северных границ Крымского ханства, на реках Орел и Самаре к началу августа. Используя оставшуюся непокрытой Муравскую дорогу, татары прошли мимо Карповского острожка, обогнули р. Ворсклу с востока и по Бакаеву шляху вторглись в Путивльский уезд. В конце августа и начале сентября они захватили большой полон в пределах Путивльского, Рыльского, Севского уездов, Комарицкой волости, а также в примыкавших к России районах Польши. Полон оценивался «в треть татарского войска» и превышал, видимо, 10 тысяч человек⁷⁴. Полки дворянской конницы располагались по-прежнему на Оке и не оказали никакой помощи населению юго-западных уездов. Население защищалось от татар в городах и острожках, в лесах и оврагах. Служилые люди Белгорода, Яблонова, Корочи выходили для схватки с татарами в открытое поле, но не смогли отразить во много раз превосходящие силы врага.

Открытая по сути дела для татар Муравская дорога дала возможность массе татар вторгнуться в Россию и в 1645 г. На этот раз по приказу крымского хана татары осуществили зимний набег. Вновь страшному разгрому подверглись юго-западные русские уезды, включая и Курский. В декабре 1645 г. стояли особенно сильные морозы, от холода и голода погибли многие русские пленники, почти все они были обморожены. По подсчету А. А. Новосельского, число полоняников, взятых татарами в 1645 г., превышало 6 тысяч. Большие потери понесли во время зимнего набега и татары⁷⁵.

Успеху татар способствовало отсутствие единого русско-

⁷³ Там же, л. 124—126, 140—142, 163.

⁷⁴ См.: А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 341.

⁷⁵ Там же, стр. 353.

го командования в районе создававшейся черты. Правда, русское правительство попыталось было в декабре 1645 г. передать под временное командование белгородскому воеводе князю Ф. А. Хилкову служилых людей Яблонова, Корочи, Усерда, Вольного и Хотмыжска, но пока из Москвы дошли соответствующие распоряжения, татарский набег закончился.

Сравнивая татарские набеги 30-х годов с набегами 40-х годов XVII в., легко можно заметить, что новые укрепления на создаваемой черте значительно сузили район России, доступный татарам. В частности, козловский вал прикрыл Рязанский, Ряжский уезды; для татар была закрыта яблоновским валом прямая дорога к Ливнам и далее к Туле. В 1643—1645 гг. татары не доходили до Оки, и в этих условиях явной нелепостью было традиционное расположение на Оке русских войск.

В 1642—1645 гг., до начала второго этапа в сооружении Белгородской черты, на будущей черте были построены еще три города: Костенск, Ольшанск и Усмань.

К 1642 г. относится строительство городка Костенска в Воронежском уезде. Возникновение его связано со следующими обстоятельствами. В начале 1640 г. 150 черкас — украинских и белорусских переселенцев поселены были в с. Костенках на юге Воронежского уезда, на правом берегу Дона⁷⁶. Черкасы стали выполнять обычную «городовую службу», по прожили в Костенках всего полтора года. Переселенцы, рассчитывавшие, видимо, на льготы и вольную жизнь, столкнулись с характерным для феодальной России произволом городских воевод. В 1640 г. они пытались жаловаться царю на воронежского воеводу М. Вельяминова, а 28 августа 1641 г. неожиданно пошли из Костенок «в Литву».

Дыгались они со всем имуществом, гнали с собой скот. Беглецы намеревались обогнуть с юга Усерд и Валуйки, прошли за три дня около 120 км, но все же были настигнуты в степи между реками Тихой Сосной и Черной Калитвой отрядом воронежских служилых людей. Два дня беглецы держали оборону, но когда подошли и усердские служилые люди, черкасам пришлось сдаться. Пленных оказалось 119 человек, не считая женщин и детей; они были возвращены и по-

⁷⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 140, л. 626. Особо оговаривается в документе наличие среди черкас «белорусцев».

сажены в тюрьму в Переяславле-Рязанском, их имущество конфисковано⁷⁷.

Действия воевод Воронежа и Усерда в этом вопросе понятны. Когда черкасы официально переходили в пределы России и принимались на службу, правительство всякую попытку возвращения их в родные места квалифицировало как «измену». В то же время «костенский инцидент» так же, как и уход за границу в том же году чугуевских черкас, ясно говорил русскому правительству о необходимости проведения более гибкой политики по отношению к украинским переселенцам. Необходимость укрепления южных границ России побуждала правительство и позже разрешать переход черкасам через границу, принимать их на службу. Черкасы получали, особенно на первых порах, большие льготы. С другой стороны, судьба костенских черкас, несомненно, стала известна украинскому населению. Быстрая и суровая расправа над большой группой черкас, намеревавшихся уйти за границу, говорила о силе централизованного государства. Прежнее право отъезда служилых людей к другому феодалу или в другую страну давно уже стало в России XVII в. достоянием истории.

На «изменничьих черкасских местах» решено было поселить драгун. Первыми костенскими драгунами были дети боярские, записавшиеся на службу в Москве. Каждому драгуну давалось по 5 рублей жалованья и по драгунской лошади. Весной 1642 г. воронежский воевода В. Ромодановский наделил 144 детей боярских драгунской службы в Костенках землей, принадлежавшей прежде черкасам. Драгуны получили и оружие — «пищали долги и карабины добрые». С длинной пищалью удобно было действовать в пешем строю, с карабином — в конном; драгуны предназначались и для конной и для пешей службы. Среди 144 драгун были воронежцы и жители «иных украинских городов»⁷⁸.

Воевода В. Ромодановский назначил головой костенских драгун воронежца сына боярского Б. Конинского, под руководством которого в ноябре 1642 г. драгуны построили на бе-

регу Дона деревянную крепость с одной башней — городок Костёнский⁷⁹.

Необходимость крепости (стоялого острога) на Ольшанском городище, находившемся у впадения в Тихую Сосну реки Ольшанки, обосновывалась еще в плане Ф. Сухотина. Как мы уже отмечали, в 1643 г. татарские отряды для вторжения в Россию широко использовали Кальмиусскую дорогу, поэтому Разрядный приказ не стал больше откладывать строительство нового города Ольшанска. Строительство его проходило в 1644 г. под руководством воеводы Ф. Ю. Арсеньева. Стены были построены в виде стоячего острога, город имел 7 башен. В Ольшанск были переведены на «вечное житье» 100 стрельцов из ряда городов, они же принимали участие в строительстве города. Любопытны названия улиц в стрелецкой слободе, говорящие о месте жительства стрельцов до их перевода в Ольшанск: «улица Калужских сведенцев», «улица Белёвских сведенцев», «улица Мценских сведенцев» и «улица Карачевских сведенцев»⁸⁰. К концу 1644 г. крепость не была полностью готова, оставалось сделать еще обламы и кровати у острожной стены, выкопать тайник. В это время в городе насчитывалось 190 служилых людей. Кроме переведенных в Ольшанск 100 стрельцов, было набрано из вольных людей 60 конных казаков, 13 детей боярских верстаню помещным и денежным окладом, принято на службу 17 черкас.

Новый город закрыл дорогу татарам в первую очередь через Вязов и Осиновый броды на Тихой Сосне; в военную зону Ольшанска были включены также Чесночный брод, расположенный выше по Тихой Сосне между Ольшанском и Усердом, низовья Тихой Сосны и берега Дона выше впадения этой реки.

Более важное значение в сооружении черты имело строительство г. Усмани. Инициаторами строительства выступили сами жители окрестных сел — мелкие служилые люди. Северо-восточная часть Воронежского уезда в 1643—1644 гг. очень сильно пострадала от татарских набегов. Некоторые села и деревни (Студенки, Боровое, Демшина, Куликова)

⁷⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 192, л. 133—134. Современное с. Костенки расположено на склонах двух холмов; острог XVII в. находился на южном.

⁸⁰ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. 15. Воронеж, 1889, стр. 1609 (Строельная книга г. Ольшанска).

⁷⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 154, л. 113—137.

⁷⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 192, л. 131—132; № 222, л. 21—30.

были разорены совершенно; довольно крупные села Ступино, Излегощи, Песковатое потеряли часть населения. В 1643 г. воронежцы установили надолбы к северу от Усманского бора, между р. Усманью и небольшим лесом у дер. Демшиной, но эти надолбы не стали для татар серьезным препятствием. Тогда в конце 1644 г. служилые люди из северо-восточных воронежских сел обратились в Разрядный приказ с предложением о строительстве города и земляного вала между р. Усманью и р. Воронежем. В Москву приехала группа детей боярских из трех сел: Ступина, Излегощи и Песковатого. 15 января 1645 г. в Разрядном приказе расспрашивали детей боярских Б. Сукочева, Ф. Лопатина, Я. Терibunского, Д. Невзорова о наиболее удобных местах для строительства укреплений, и вскоре было принято решение о строительстве города и земляного вала. Новые укрепления должны были «отнять ход» татарам через верховья р. Усмани в Воронежский, Лебедянский и Елецкий уезды⁸¹.

Строить новые укрепления должны были дети боярские и казаки из Воронежа, Переяславля-Рязанского, Рязска, Лебедяни, Данкова, Ельца, Епифани, Одоева, Чернавска, а также крестьяне Рязского, Лебедянского и Елецкого уездов. Служилых людей на строительство города полагалось прислать 500 человек. Крестьян на работу прибыло значительно меньше, чем служилых людей, — немногим более 100 человек; в Рязском уезде выделялся один крестьянин от 15 дворов, в Лебедянском и Елецком уездах — от 10 дворов⁸². С лета 1645 г. активное участие в строительстве нового города и укреплений приняли набранные для службы в новом городе казаки. Каждый строитель являлся с лошадью, телегой, пищалью, рогатиной и топором, на 5 человек нужно было иметь железную лопату.

Руководителем строительства Разрядный приказ назначил воеводу С. Вельяминова. Сбор строителей Усмани проходил в с. Белом Колодезе на р. Воронеже. 17 апреля 1645 г. служилые люди, выделенные для строительства нового города, пришли к р. Усмани и остановились в с. Песковатом. Точное место города указом не определялось, С. Вельяминов имел право выбрать место и сразу же приступить к делу. В ана-

логичной ситуации в 1635 г. воевода И. Биркин выбрал Козлово урочище за 4 дня; С. Вельяминов «выбирал» подходящее для города место в течение 45 дней. Сначала он хотел строить город на территории с. Песковатого, но дети боярские этого села сумели каким-то образом переубедить воеводу. Тогда С. Вельяминов послал на утверждение дьяков Разрядного приказа три варианта размещения нового города (в с. Песковатом, выше р. Усмани у крутого оврага, еще выше — у Бобрового плеса). 10 мая дьяки выбрали второй вариант — у крутого оврага («у крутца»), но С. Вельяминов вдруг сообщил в Москву, что это место при ближайшем рассмотрении оказалось неудачным. Наконец, С. Вельяминов с помощью местных жителей выбрал площадку для нового города при впадении в р. Усмань Студеного Колодезя. Город был заложен 1 июня 1645 г. Строительство его велось до конца года, одновременно в Усмани шел набор на службу казаков, стрельцов, пушкарей. Как и при возникновении Козлова, среди принятых на службу в Усмани людей оказались вольные казаки — донские, волжские и яицкие. 4 августа 1645 г. строители города выдержали бой с крымскими и ногайскими татарами⁸³.

Стены нового города на правом берегу р. Усмани возведены были в виде стоячего острога с обламами. До строительства земляного вала дело в 1645 г. не дошло, он был лишь намечен по линии прежних надолб, строительство вала приходится уже на следующие годы.

1645 г. мы заканчиваем первый период в истории строительства Белгородской черты. Несмотря на отдельные просчеты, допущенные русским правительством в последовательности строительства укреплений, несмотря на замедленные темпы работ к концу первого этапа и страшные татарские удары 1643—1645 гг., в 1635—1645 гг. была заложена основа Белгородской черты. На будущей черте русский народ своим трудом возвел девять новых городов, насыпал многокилометровые земляные валы у Козлова и Яблонова.

⁸³ Там же, л. 455. В бою был убит «яицкий казак» Прохоров, который, как выяснилось потом, был родом из Тулы.

⁸¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 196, л. 70—72; № 173, л. 217—218.

⁸² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 173, л. 241—243, 441—442.

**ВТОРОЙ ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА
БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ (1646—1653 гг.)**

Татарские вторжения 1643—1645 гг. неизбежно ставили перед русским правительством вопрос об активизации политики на юге. С 1646 г. начинается осуществление целый комплекс мероприятий на южной окраине России, включавший ответный военный удар по Крымскому ханству, передвижение полков дворянской конницы, ускорение строительства Белгородской черты. Эти действия проводятся, правительством боярина Б. И. Морозова, пришедшим к власти в 1645 г. после вступления на престол 16-летнего царя Алексея Михайловича. В области внутренней политики новое правительство начинает свою деятельность с обещания полностью закрепить крестьян, отменить «урочные годы». Отражая интересы господствующего класса, оно, как и его предшественники, стремится возложить основную тяжесть борьбы с татарами на плечи населения южной окраины, главным образом — на приборных служилых людей.

В 1643—1645 гг. во вторжениях в Россию участвовало 50—60 тысяч крымских татар, чуть ли не «весь Крым», как говорили документы того времени. Такие массовые выступления возможны были только тогда, когда татары не опасались ответного удара непосредственно по Крымскому полуострову, где почти не оставалось воинов. Случалось, что татар в Крыму задерживали морские экспедиции донских казаков в Черное море. Тем более должна была удерживать татар от набега угроза сухопутного или морского похода русских воинов в Крым, при этом сам удар можно было совершить и небольшими силами.

Намеченный в начале 1646 г. план военной кампании против Крымского ханства предусматривал выдвижение русских войск в низовья Дона. Посылка туда войск обосновывалась и официальной просьбой донского казачества. В 1644—1645 гг. донские казаки с трудом отражали натиск татар и турок. Осенью 1645 г. атаман П. Чесночихин привез в Москву письмо, в котором донская старшина просила русское правительство о помощи не только деньгами, хлебом и порохом, но и людьми.

В предстоящем столкновении с крымскими татарами русское правительство отводило немалую роль донским казакам. В низовья Дона должен был прийти из Астрахани князь

С. Р. Пожарский с ратными людьми, а из Воронежа — дворянин Ж. В. Кондырев с тремя тысячами «вольных охочих людей». Далее намечался поход С. Р. Пожарского с участием донских казаков к Перекопу, а Ж. В. Кондырева с вольными охочими людьми и другой частью казаков — морем на судах к берегам Крыма. В то время, когда передовой русский отряд будет вести военные действия в низовьях Дона и в пределах Крымского ханства, служилые люди, не опасаясь вторжения татар, построят новые города и земляные валы. В 1646 г. дворянская конница должна была, наконец, передвинуться с Оки в район создающейся новой укрепленной линии. Отправкой русских войск в низовья Дона правительство Б. И. Морозова, видимо, хотело воспользоваться и для решения другой задачи — полного включения Дона в состав Русского государства, ликвидации автономии донского казачества.

Особенностью похода русских войск в низовья Дона было участие в нем вольных охочих людей⁸⁴. Ж. В. Кондырев должен был набрать в южных городах 3000 добровольцев и привести их на Дон. Набирать в это число крестьян, холопов, а также служилых людей запрещалось; наказ, полученный Ж. В. Кондыревым, гласил: «А пили б воинские люди на Дон от отцов дети, от братья братья, от дядей племянники, а чтоб службы и тяглых всяких участков не запустошили»⁸⁵. Добровольцы должны были сами построить в Воронеже речные суда, пригодные и для плавания в Азовском море. Предусматривалась выдача добровольцам единовременного жалования: тем, «у которых пищаль своя есть» — по 5½ руб., остальным — по 4½ и по пищали; всем — «по фунту зелья да по два фунта свинцу». Добровольцы должны были в дальнейшем остаться на Дону в распоряжении Войска Донского, то есть стать донскими казаками. Правительство, таким образом, в 1646 г. рассматривало уже донское казачество как свою боевую единицу, которую собиралось укрепить.

В Москве считали, что Ж. В. Кондыреву не скоро удастся набрать 3 тысячи добровольцев для похода в низовья Дона. В помощь ему был выделен сын боярский П. Красников,

⁸⁴ Кстати, такой план выдвигался уже на земском соборе в 1642 г., когда рассматривался вопрос о передаче Азова России.

⁸⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 36, л. 100. См. также: РИБ, т. 24. СПб., 1906, стр. 750.

который должен был «для поспешенья» в-счет трех тысяч набрать 1000 вольных охочих людей в Рязске, Пронске, Лебедяни, Епифани, Данкове, Ефремове, Сапожке, Михайлове, Козлове⁸⁶. Одновременно в Тамбове и Шацке поручено было набирать добровольцев В. Угримову и О. Карпову. Во все южные города были посланы царские грамоты о наборе добровольцев, их надлежало оглашать «по торгам и по малым торжкам по многие дни»⁸⁷.

5 апреля 1646 г. Ж. Кондырев с первой группой вольных охочих людей, набранных еще в пути, прибыл в Воронеж. Вопреки предположениям правительства приток добровольцев к Ж. Кондыреву превысил норму и далеко вышел за пределы установленных правил. В Воронеж устремились не только «вольные» люди, но и крепостные крестьяне, холопы, мелкие служилые люди. Так, крестьяне вотчины О. Сукина из Новосильского уезда, все до одного человека «покиня свои жеребья.., записались в вольные люди»⁸⁸. Как сообщал воронежский воевода, «воронежцы дети боярские, и стрельцы, и казаки, и уездные люди многие, покиня государево судебное дело, пошли в вольные люди»⁸⁹.

Массовый набор крестьян в число «вольных охочих людей» сильно затрагивал интересы дворянства; жалобы помещиков и вотчинников, коллективные и индивидуальные, посыпались в Москву⁹⁰. Правительство вновь повторяет, что «из служб, и с тягла, и кабальных холопей, и с пашен крестьян отпускать на Дон не велено», но в то же время не хочет снизить боевую силу отряда, отправлявшегося на Дон. В мае 1646 г. оно даже разрешает донскому атаману Ивану Каторжиному, прибывшему в Москву, набрать новую группу добровольцев.

Широкие слои населения юга России рассматривали поход 1646 г. как чуть ли не общенародное выступление против татар, предпринятое по указу нового царя. Созданию такого мнения, даже не желая этого, способствовало само правительство, приказавшее объявлять о сборе добровольцев и о предстоящем походе на торговых площадях южных городов.

⁸⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 36, л. 134—135.

⁸⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 908, л. 273.

⁸⁸ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 162, л. 330.

⁸⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 908, л. 276.

⁹⁰ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 162, л. 330—337.

Одни добровольцы искали личной свободы и вольной жизни на Дону, другие шли, чтобы отомстить татарам за убитых и уведенных в неволю родных, третьи рассчитывали на добычу и жалованье; часто эти цели переплетались. Считая, что добровольцев будет мало, правительство не учло патриотического подъема населения южной окраины России, размеров народного гнева против татар-грабителей.

К 20 апреля число «вольных охочих людей» у Ж. Кондырева превысило 3 тысячи, но приток добровольцев в Воронеж продолжался. 27 апреля пришло сразу более тысячи человек во главе с выборным атаманом А. Покушаловым из Путивльского, Рыльского, Курского уездов и Комарицкой волости — районов, подвергшихся особенно сильным татарским нападением в 1644—1645 гг. Ж. Кондырев отказался их принять. Добровольцы послали тогда в Москву челобитчика Ивана Телегина, который заявил: они идут против татар потому, что «у них крымские люди поимали в полон отцов, и матерей, и жен, и детей, и братью, и племянников»⁹¹. Разрядный приказ распорядился выдать добровольцам из отряда А. Покушалова жалованье и отпустить их на Дон.

Вольные охочие люди в Воронеже, ссылаясь на неумение, отказывались строить суда, годные и для речного, и для морского плавания. Вскоре начались волнения добровольцев (см. об этом подробнее в гл. IV), и 3 мая 1646 г. Ж. Кондырев поспешил отплыть в низовья Дона на собранных отовсюду речных судах. В Черкасск — главный городок донского казачества — с ним прибыло на 70 судах 3037 человек. Позже опытные мореходы — донские казаки сообщили в Москву, что эти суда непригодны для морского похода, если же «из тех де будар струги делать, а будет стругов с двадцать, которые к морскому ходу пригодятся»⁹².

Кроме основного отряда Ж. Кондырева, в низовья Дона весной и летом 1646 г. отправилось официально и неофициально еще много других отрядов, новые тысячи добровольцев. Мы уже говорили об отряде А. Покушалова. Более тысячи человек привел на Дон П. Красников. Добровольцы из Белгорода, Чугуева, Оскола и Валук — около тысячи человек — прибыли в низовья Дона на небольших судах, спустив-

⁹¹ РИБ, т. 24. СПб., 1906, стр. 828.

⁹² РИБ, т. 26. СПб., 1909, стр. 60.

пнсь по Северскому Донцу. Через Белгород прошло несколько отрядов украинцев («черкас»). Вниз по Хопру отправились добровольцы, набранные в Тамбове и Шахте. Летом 1646 г. Ж. Кондырев сообщил в Москву, что общее число вольных охочих людей на Дону превышает 10 тысяч человек. Больше половины из них так и не получили полного жалованья⁹³.

1700 русских ратных людей и больше двух тысяч ногайских и других татар, выступавших на стороне России, прибыло в низовья Дона из Астрахани с князем С. Р. Пожарским. Туда же пришел князь Муцал Черкасский с отрядом горских черкас. Всего в низовьях Дона сосредоточилось более 20 тысяч вооруженных людей, включая донских казаков и добровольческие отряды.

Русское правительство не сумело лучшим образом использовать собранные в низовьях Дона войска. Военные действия в Приазовье в 1646 г. выявили расхождение в планах русского правительства и казачьей старшины, которая отнюдь не собиралась подчиняться московским воеводам. Ведение борьбы с татарами затруднялось отсутствием единого командования, к тому же русским воеводам запрещалось нападать на турецкий Азов. По инициативе казаков поход под Азов все же был совершен. Однако овладеть Азовом казаки и вольные охочие люди не смогли. Отряд воеводы С. Пожарского в штурме Азова не участвовал. Намечавшийся поход русских войск к Перекопу не состоялся.

Несмотря на недостаток морских судов, воевода Ж. Кондырев организовал все же вместе с донскими казаками морской поход к берегам Крыма. В Азовское море вышло 37 парусно-гребных судов («морских стругов»), на каждом из них находилось по 50—60 донских казаков и добровольцев. Погода не благоприятствовала мореходам. Дважды поднималась буря, 5 стругов было разбито о скалы у берегов Крыма. Казакам не удалось высадиться в Крыму, и они вернулись в Черкасск без добычи⁹⁴.

Осенью 1646 г. в низовья Дона был послан караван из речных и мореходных судов, спешно построенных на берегах р. Мечи под г. Ефремовом и нагруженных продовольствием

⁹³ РИБ, т. 24. СПб., 1906, стр. 810—811, 860, 901—919; ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 180, л. 226—229; № 217, л. 31; № 908, л. 321.

⁹⁴ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 228, л. 146—154. См. также: А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 383—384.

и боеприпасами. Суда дошли только до устья р. Воронежа. Из-за ранних заморозков и бегства гребцов руководитель похода Т. Михнев не решился плыть дальше⁹⁵.

Неудачный в общем результат морского похода под руководством Ж. Кондырева и задержка продовольствия и боеприпасов, посланных с Т. Михневым, во многом предопределили неблагоприятный для России финал кампании 1646 г. Осенью в низовьях Дона среди вольных охочих людей начался голод, приведший к гибели многих добровольцев и массовому бегству остальной их части назад в Россию. Среди возвращавшихся с Дона бывших «вольных охочих людей» большинство составляли крестьяне. Например, 5 октября 1646 г. в Курск пришло с Дона 52 человека. Все они были «биты по торгам» и посажены в тюрьму. Как видно из «росписи беглецов», среди них оказалось детей боярских верстанных — 4, детей боярских неверстанных — 9, крестьян частновладельческих — 24, крестьян церковных — 5, холопов — 3, гулящий человек — 1, родственников служилых людей — 3, площадный дячок — 1, служба монастырский — 1, курский рассыльщик — 1⁹⁶. Во время допроса, который вел курский воевода А. Лазарев, все беглецы отвечали одинаково: «пошел назад от голоду», «пошел назад, потому что запаса нет».

Современник событий, видный впоследствии русский государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин видел большие стратегические преимущества расположения русских войск в Приазовье. Слабые стороны похода 1646 г. он объяснял участием в нем вольных людей. В 1659 г., предлагая в письме к царю вновь послать русские войска в низовья Дона для угрозы Крымскому ханству и отвлечения татар из России, А. Л. Ордин-Нащокин сравнивает предстоящий поход с походом 1646 г. и считает, что нужно посылать только «письменных» людей, находящихся на полном государственном обеспечении⁹⁷.

⁹⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 214, л. 359—378.

⁹⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 217, л. 128—136.

⁹⁷ ЦГАДА, польские дела, 1659 г., ед. хр. 2, л. 88—89. Предлагая вновь послать войска на Дон, А. Л. Ордин-Нащокин пишет: «И то к великой будет прибыли, только б не так, как был на Дону думной дворянин Ждан Васильевич Кондырев. Кроме письменных людей, было множество вольных на Дону, а прибыли тебе, великому государю, ничего».

В начале 1647 г. из 10 тысяч вольных охочих людей на Дону осталось не более 2 тысяч. К этому времени ушли с Дона войска под командованием С. Пожарского. Но русское правительство не собиралось возвращать добровольцев. В 1647 г. дважды на Дон было послано жалованье «старым и новым людям»: продовольствие, деньги, боеприпасы. С переменным успехом продолжались военные действия в низовьях Дона. Летом 1647 г. крупные силы турок и татар осадили Черкасск, но безрезультатно.

В 1648 г. правительство послало на Дон для военной помощи казакам тысячу солдат — только что сформированный полк во главе с воеводой А. Лазаревым. Солдаты были вооружены мушкетами и холодным оружием. Подразделениями командовали приглашенные на русскую службу иностранцы. Полк разместился вблизи Черкасска, где солдаты построили укрепленный городок, и оставался в низовьях Дона около года. Турки, находившиеся в Азове, и татары боялись столкновения с русскими солдатами. Как доносил А. Лазарев, татары обычно бежали, «увидев строю солдатские и услыша грома барабанные»⁹⁸.

Результаты военных действий русских сухопутных войск в Приазовье и морского похода к берегам Крыма следует оценивать не отвлекаясь, а по тому влиянию, которое они оказали на весь ход борьбы России с татарами. Хотя России и не удалось нанести в 1646 г. серьезный удар по Крымскому ханству, военные действия в низовьях Дона в 1646—1648 гг. сковали силы татар. Не состоялся намечавшийся в 1646 г. крупный татарский набег⁹⁹, не было татарских вторжений в Россию и в 1647—1648 гг. Это дало возможность в сравнительно спокойной обстановке провести в конце 40-х годов XVII в. большие строительные работы на Белгородской черте.

С 1646 г. полки дворянской конницы, до этого выстраивающиеся ежегодно у берегов Оки, начинают выдвигаться в район новой укрепленной линии. В 1646 г. правительство наметило расположить большой полк в Белгороде, передовой — в Карпове, сторожевой — в Яблонове. Воеводой большого полка назначен был Н. И. Одоевский, передового — В. П.

не učinили, от голоду не только вольные, но и письменные люди все померли».

⁹⁸ РИБ, т. 29. СПб., 1913, стр. 224, 251, 397—398.

⁹⁹ См.: А. А. Новосельский. Указ соч., стр. 385.

Шереметев, сторожевого — В. Б. Шереметев¹⁰⁰. Однако такая расстановка полков сразу не осуществилась, служилые люди по отечеству не дошли до строящейся черты, а разместились в Ливнах, Курске и Ельце¹⁰¹. Летом 1646 г. правительство все же выдвигает дворянские полки на черту и одновременно решает использовать их для строительства укреплений.

В организации войск, располагавшихся в районе создающейся черты, мы видим еще одно, довольно важное, нововведение. В случае вторжения татар воеводы южных городов должны двигаться со служилыми людьми к Белгороду и вступать под команду Н. И. Одоевского. Налицо были предпосылки для создания единого военного командования на юге России, которые продолжали развиваться в последующие годы и завершились образованием в 1658 г. Белгородского полка.

15 июня 1646 г. был принят указ о строительстве земляного вала, рва и других укреплений «меж Белгорода и Карпова сторожевые». Руководство работами возлагалось на главного воеводу Н. И. Одоевского. «Земляное дело» предлагалось ему «расписать на всех служилых людей», находившихся в полках дворянской конницы¹⁰².

Среди непосредственных строителей вала были крепостные крестьяне и холопы, выполнявшие работу за своих господ-помещиков¹⁰³, работали также бывшие крестьяне дворовой Комарицкой волости, переведенные перед этим в драгуны. В строительстве укреплений участвовали и служилые люди «полевых» городов. Так, 336 белгородцев — детей боярских полковой службы сделали 267 сажень вала, одну башню и приказную избу в Болховце¹⁰⁴, курские служилые люди — 1306 человек строили г. Карпов и карповские укрепления.

Строительство земляного вала считалось «государевой

¹⁰⁰ Деление дворянского войска на несколько «полков» было традиционным так же, как и названия полков: большой, передовой, сторожевой (см.: А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 33—34).

¹⁰¹ Дворцовые разряды, т. 3. СПб., 1854, стр. 27—37.

¹⁰² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 184, л. 109.

¹⁰³ Дворяне должны были являться в полк по традиции «конны, оружны и людны», хотя это правило соблюдалось далеко не всегда.

¹⁰⁴ АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 239.

службой» ратных людей, находившихся в полках дворянской конницы. Уже осенью 1646 г. основные работы были завершены — насыпан земляной вал длиной в 14 верст 579 сажений (версты имелись в виду тысячасаженные), на валу устроены «земляные городки», при впадении колодезя Болховца в речку Везеницу сооружен «земляной город» Болховой (Болховец). За валом был вырыт ров. На востоке земляной вал подходил к Северскому Донцу у устья речки Везеницы, на западе — к р. Ворскле, напротив Карпова сторожевья. Вал тянулся примерно на 30 км. Он был пока еще не «ослонен», то есть не укреплен дубовыми бревнами.

Осенью 1646 г. заново перестроен был и Карпов, ставший с этого времени «жилым городом». Служилые люди, записанные на 1646 г. в «передовой полк», пришли в Карповский стоялый острог 18 июля 1646 г. под руководством воеводы В. П. Шереметева. Дерезанный острожек, построенный на Карповом сторожевье в 1644 г., оказался «худ, мал и низок»¹⁰⁵. 15 августа 1646 г. началось строительство нового деревянного города; завершилось оно той же осенью.

В новые города на Муравской дороге — Карпов и Болховец насильно переселяли («сводили») стрельцов, казаков, пушкарей из многих городов (Мценска, Орла, Курска, Рязька, Михайлова, Тулы, Каширы, Черни, Новосиля, Кром, Ельца, Ливен, Оскола, Лебедяни и др.)¹⁰⁶.

«На вечное житье» в Карпов были переселены комарицкие драгуны. За стенами деревянных крепостей возникли стрелецкие, казачьи, драгунские, пушкарские слободы, сохранившиеся до сих пор в виде сел с такими же названиями. Земельные наделы приборных служилых людей здесь были меньше обычных: в Болховце казаки и драгуны получили по 10 четвертей земли в поле, стрельцы, пушкарники и воротники — по 7 четвертей¹⁰⁷. Освоенных прежде земель у Болховца не было, служилые люди распахивали здесь ковыльную степь.

Земляной вал между Ворсклой и Северским Донцом перерезал Муравскую степную дорогу. Путь татарам напрямик был закрыт, но оставалась опасность обхода укреплений, поворота татарских отрядов в сторону. Такую картину мы уже

наблюдали на Ногайской дороге после строительства Козловского вала, где татары стали поворачивать налево и обрушиваться на Воронежский и Лебедянский уезды. В августе 1646 г. белгородцы («сын боярский Никита Филатов с товарищи») сообщили воеводе Н. И. Одоевскому о том, что татары могут обойти новые укрепления с востока, воспользовавшись перелазами на Северском Донце ниже г. Белгорода¹⁰⁸.

После разведки и описания берегов Северского Донца воевода Н. И. Одоевский распорядился строить небольшие земляные валы и другие укрепления на левом берегу Северского Донца у татарских перелазов. С 29 октября по 10 декабря 1646 г. был насыпан вал за р. Разумной; делали его комарицкие драгуны (500 чел.), ливенские полковые казаки (100 чел.) и рыльские стрельцы (50 чел.). Ниже, у Масловой слободки, путивльские и рыльские дети боярские поставили надолбы. Весной 1647 г. работы по укреплению левого берега Сев. Донца продолжались под руководством белгородского воеводы Т. Бутурлина.

Именно в это время (1647 г.) определились географические контуры укрепленной линии между городами Белгородом и Корочей в виде выпуклой к югу дуги. Территория к юго-востоку от Белгорода между Северским Донцом и р. Корочей до р. Нежеголи, как мы знаем, была уже заселена в начале XVII в. Осенью 1646 г. Н. И. Одоевский предполагал укрепить берега Сев. Донца вплоть до Салтовского городища. Но весной 1647 г. Т. Бутурлин, отражая в данном случае, видимо, интересы белгородских помещиков — детей боярских, обосновал необходимость поворота укрепленной линии от Сев. Донца на восток по р. Нежеголи.

Разрядный приказ санкционировал поворот укрепленной линии у р. Нежеголи; воевода Т. Бутурлин получил из Москвы похвалу за то, что уже начал строить Нежегольский стоялый острог («и ты то учинил добро»). Укрепления по р. Нежеголи намечено было продлить на восток до Нежегольского леса¹⁰⁹. Они прошли по краю заселенной части Белгородского уезда, строили их белгородские служилые люди и дворцовые крестьяне посонной волости.

Т. Бутурлин попытался в 1647 г. ускорить строительство

¹⁰⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 184, л. 247—249.

¹⁰⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 224, л. 33—39.

¹⁰⁷ См.: И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 291.

¹⁰⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 224, л. 23.

¹⁰⁹ Там же, л. 99, 110—111.

укреплений у рек Сев. Донца и Нежеголи. Белгородцам детям боярским полковой службы, только что построившим Нежегольский стоялый острог и установившим там сменный караул, он дал новое, почти непосильное задание. Каждый белгородец должен был сделать 7 саженьей земляного вала у колодезя Ольшанца на левом берегу Сев. Донца и 3 сажени вала у Нежегольского острога (то есть всего насыпать около 200 кубометров земли), а также привезти по 10 дубовых бревен на надолбы. Белгородцы дети боярские в коллективной челобитной писали в Москву, что такая работа им совершенно не под силу, тем более что крестьян и бобылей у них нет, «а которые, государь, крестьянника и бобылишка были, и те, государь, разбрелись все по твоим, государевым, по новым, розным городам»¹¹⁰. Разрядный приказ вынужден был отменить распоряжение воеводы. Г. Бутурлин получил указание доделывать земляные валы «меж дел и не в пашенную пору».

Как мы видели, перекрытие земляным валом Муравской дороги в 1646 г. было в полном смысле слова общерусским делом. В строительстве вала принимали участие жители почти всех областей России, военные операции в Приазовье обеспечили безопасность работ. Большой размах прицали и работы у Кальмиусской дороги, развернувшиеся в следующем, 1647 г.

Еще в 30-х годах возникли три варианта перекрытия земляным валом западных ответвлений Кальмиусской дороги. В 1636 г. Ф. Сухотин и Е. Юрьев предложили строить вал от места впадения в Тихую Сосну р. Усерда к Валуйскому лесу. В 1637 г. во время строительства г. Усерда рассматривались возможности строительства вала от верховьев р. Тихой Сосны к р. Осколу, причем вал мог идти либо южнее — к Жестовым горам, либо севернее — к устью Белого Колодезя. Новая разведка местности проводилась И. Чемодановым и князем И. Волконским (оскольским воеводой). Они составили чертеж и высказались за третий из перечисленных выше вариантов, который и был принят Боярской думой. Руководителем работ назначался князь В. П. Львов. Ему было поручено «для береженья от приходу крымских и ногайских людей на поле, на Кальмиуской сакме, на реке на Осколе усть реки

Белого Колодезя устроить новый Царев-Алексеев город и от реки Оскола до Верхососенского леса сделать вал земляной»¹¹¹.

Следует отметить, что указ о строительстве нового города и земляного вала адресован в 1647 г. не воеводе «большого полка», как это было в 1646 г. Весной 1647 г. полки дворянской конницы располагались в Ливнах (большой полк), Курске и Ельце. Воеводой большого полка был князь Г. С. Куракин. Служилые люди по отчеству из центральных уездов России, находившиеся в полках, принимали на этот раз значительно меньшее участие в строительстве укреплений. В 1646 г. им устанавливалась норма земляных работ (непосредственно работали, конечно, в основном их крестьяне и холопы); в 1647 г. они должны были только послать на строительство укреплений «даточных людей» — крестьян и холопов, причем очень немного.

26 мая 1647 г. началось строительство вала. Для технического руководства «валовым делом» из Москвы приехал французский инженер Давид Николь¹¹². 2 июня воевода В. П. Львов заложил на левом берегу р. Оскола г. Царев-Алексеев¹¹³. В июне 1647 г., как доносил в Москву В. П. Львов, на строительстве укреплений работало 3744 человека, в том числе 2288 московских стрельцов, 496 тульских драгун, 341 человек из «даточных людей», 619 детей боярских, стрельцов и казаков из семи городов: Черни, Новосиля, Ливен, Ельца, Талецкого, Чернавска и Оскола¹¹⁴.

Для приборных служилых людей южных городов строительство вала было тяжелой дополнительной повинностью, работа на валу во время жатвы не давала возможности им убрать посеянный хлеб, обрекала на голод. Начались побегі работных людей. В августе 1647 г. с вала бежало 47 елецких и ливенских казаков¹¹⁵.

Воевода В. П. Львов должен был решить: делать ли «город земленой или острог деревянный». Его предложение — строить стены в виде дубового стоячего острога с обламами

¹¹¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 237, л. 475.

¹¹² Там же, л. 418.

¹¹³ Там же, л. 456. С 1655 г. город стал называться Новым Осколом.

¹¹⁴ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 237, л. 453—455.

¹¹⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 17—19.

¹¹⁰ Там же, л. 101—103.

было утверждено Разрядным приказом. 26 июля 1647 г. он послал в Москву чертеж и «деревянный образец» строящегося города¹¹⁶. Строительство города завершилось в сентябре. Город имел 13 башен, некоторые из них поднимались вверх на 13—14 сажень, проезжие башни были сделаны в 6 стен. На стены и башни всего ушло 17 107 дубовых бревен.

В 1647 г. степной промежуток между р. Осколом и верховьями Тихой Сосны удалось перекрыть лишь наполовину, сооружена была западная часть вала. В сентябре у Верхососенского леса и р. Сосенки оставалось «полюе место»: если мерить «большой саженью», то 5 верст, а если «белгородской», то 6 верст 250 сажень¹¹⁷. Возведение новооскольского вала завершилось в 1649 г.

Наказ воеводе В. П. Львову предусматривал также устройство на валу двух жилых городков: у восточного конца вала, где он должен был примкнуть к Верхососенскому лесу, и у истока Белого Колодезя — примерно на середине вала. Однако дело тормозилось отсутствием в этих местах воды. Разрядный приказ специально прислал из Москвы «колодезника» Миханла Никитина, мастер должен был определить места, где копать колодцы, и сказать, будет ли в них всегда вода. М. Никитин, действительно, оказался мастером своего дела. Осмотрев место предполагаемого строительства городка у Верхососенского леса, он сказал, что «хотя и колодези копать, воды будет мало»¹¹⁸. В. П. Львов все же распорядился строить городок, и затем в течение всего существования г. Верхососенска его жители страдали от отсутствия воды и даже просили в связи с этим перенести город на другое место. Верхососенск был заложен 15 августа 1647 г.¹¹⁹. Второй городок у вала построить так и не удалось.

Царев-Алексеев и Верхососенск заселялись с большим трудом. Правительство решило насильно перевести в новые города на черту служилых людей из Ельца, Ливен, Оскола, Черни, Новосили, Чернавска, Талецкого, Ефремова, Данкова, Лебедяни, Переяславля-Рязанского, Тулы, Дедилова, За-

райска, Гремячего. Метод насильственного переселения или «сведения» служилых людей в новые города, возникавшие на Белгородской черте, применялся и раньше, но не в таких масштабах. Теперь из Ливен нужно было переселить в Царев-Алексеев и его «пригороды»¹²⁰ 280 человек (100 детей боярских, 160 казаков, 20 стрельцов), из Ельца — 340 человек (50 детей боярских, 200 казаков, 86 стрельцов, 4 дворника), из Оскола — 183 человека (50 станичников, 40 стрельцов, 70 казаков, 19 пушкарей, 4 воротника)¹²¹. Правительство требовало, чтобы воеводы выбирали для переселения на черту «семьянистых» служилых людей, таких, «у кого сына по два и по три и больше». Если учесть, что в том же году заселялся таким же методом «сведения» служилых людей и Коротояк, то станет ясно, что в 1647 г. были подняты с обжитых мест тысячи людей, некоторые города теряли по 30—40% своего населения.

Переселение тяжело ударило по хозяйству приборных служилых людей, вызвало протест с их стороны. Бегство «сведенцев» из новых городов было обычным явлением в конце 40-х годов. В октябре 1647 г. воевода Царева-Алексеева сообщал, что «в Новом городе устроен на вечное житье 1091 человек», а 19 декабря налицо оказалось лишь 795, остальные сбежали¹²². Еще хуже обстояло дело в Верхососенске. Из 395 человек, поселенных в городке («сведенцы» из Ефремова, Новосили, Гремячего, Тулы, Данкова и Дедилова), вскоре осталось лишь 54 человека. Царское правительство как силой, так и предоставлением отдельных льгот стремилось не допустить бегства служилых людей с черты. Воеводам южных городов направлялись грозные грамоты. Вот одна из них, посланная воеводе в г. Гремячий в 1649 г., когда переселенные в Верхососенск гремяченские стрельцы вновь убежали с черты: «А будет ты своею оплошкою или для корысти верхососенских и иных городов жильцов гремяченских веденцев на Гремячем всех до одного человека не сыщешь, и в Верхососенской и в иные города на вечное житье не вышлешь,

¹¹⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 237, л. 370; № 292, л. 138.

¹¹⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 24. И в том и в другом случае имелись в виду 1000-саженные версты, оставалось сделать, видимо, 12—13 км.

¹¹⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 237, л. 419.

¹¹⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 22.

¹²⁰ Пригородами Царева-Алексеева в 1647 г. считались Верхососенск и второй городок у вала, который собирались построить.

¹²¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 52—60.

¹²² Там же, л. 780—789.

и мы велим тебя с Гремячево переменить да на тебе ж велим доправить денежную пеню немалую»¹²³.

Столкнувшись с трудностями в заселении Царева-Алексеева и Верхососенска, правительство стало практиковать ссылку туда как наказание за различные преступления. Так, в декабре 1647 г. были сосланы в Царев-Алексеев дворцовый крестьянин с Коломенского С. Данилов с семьей «за воровство» и служка Троице-Сергиева монастыря Н. Фирсов «за непригожие письма». Характерно, что оба они были определены в Царева-Алексеева в стрелецкую службу¹²⁴.

В промежутке между реками Осколом и Доном, где проходили ответвления Кальмиусской дороги, в 1647 г. кроме Царева-Алексеева и Верхососенска был построен еще один город — Коротояк. По сравнению с Царевом-Алексеевым и особенно Верхососенском г. Коротояк имел много преимуществ, определяемых его географическим положением. Он располагался на правом берегу Дона, выше устья Тихой Сосны, в стороне от татарских дорог. Вокруг города имелись плодородные земли, луга. Из Коротояка практически не было бегства «сведенцев».

Решение о строительстве Коротояка было принято летом 1647 г. «На вечное житье» в новом городе посылались 500 человек, в том числе 50 детей боярских из Ельца, 404 казака из Чернавска, Данкова, Ефремова, Талецкого, Епифани и Лебедяни, 30 стрельцов из Чернавска и Талецкого, 16 пушкарей из Данкова и Лебедяни. Руководить строительством нового города поручалось стольнику Д. С. Яковлеву.

В отличие от Карпова, Болховца, Царева-Алексеева, Верхососенска, Коротояк строили сами «сведенцы», те люди, которые должны были жить здесь. Такой метод организации работ оправдал себя. Город был построен быстро, за 44 дня, с 1 октября по 13 ноября 1647 г. Стены сделаны были в виде «рубленого города»; башни имели три ряда бойниц, стены — два. Не готов был лишь тайник, его сделали позже. Первую зиму строители Коротояка провели в городе, где у них имелись «осадные дворы». Весной приборные служилые люди устроились слободами около города. Казаки получили по 12 четвертей пашенной земли, стрельцы и пушкарки —

по 8. Дети боярские — «елецкие переведенцы» поселились на правом берегу Дона между реками Потуданью и Девичей, здесь возникло с. Девича¹²⁵. В июне 1648 г. коротоякские служилые люди построили на урочище Урыве, выше Коротояка, на правом берегу Дона жилой городок Урыв.

В военную зону Коротояка вошли низовья Тихой Сосны до реки Острогаши, находившиеся до этого в зоне г. Ольшанска, и берега Дона до границы с Воронежским уездом. В конце 40-х и начале 50-х годов XVII в. коротоякские служилые люди устроили здесь разнообразные укрепления: стоялые острожки, лесные засеки, надолбы¹²⁶. В это время был окончательно «зафиксирован» поворот Белгородской черты от устья Тихой Сосны к северу по Дону.

Одновременно со строительством укреплений на Муравской и Кальмиусской дорогах в конце 40-х годов XVII в. развернулись работы по перекрытию западных ответвлений Ногайской дороги. Начало им положено было основанием г. Усмани в 1645 г., но только в 1646—1647 гг. достигли они большого размаха. В конце 40-х и начале 50-х годов XVII в. здесь тоже определились контуры укрепленной линии. Возникновение на берегах рек Усмани и Воронежа городков Орлова, Сокольска, Доброго вызвало в крае и значительные социальные перемены, заключающиеся в превращении крестьян этого района в приборных служилых людей.

Толчком к строительству г. Усмани в 1645 г., как мы уже говорили, послужила инициатива мелких служилых людей, имевших земли на северо-востоке Воронежского уезда. В ходе строительства г. Усмани были обследованы берега одноименной речки выше и ниже города. Знаток местности воронежец сын боярский Иван Пареново и рязанец Прокофий Любавский весной 1645 г. проехали по р. Усмани от с. Песковатого до с. Бобякова. Они наметили возможные места для строительства острожков¹²⁷. Вскоре в Разрядном приказе было принято решение о строительстве на берегу р. Усмани, помимо города, также и небольшого жилого городка.

Перед началом строительства городка Савелию Хомицкому (мы уже встречались в I главе с этим «Воронежа-города

¹²³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 305, л. 170—171.

¹²⁴ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 508—509.

¹²⁵ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 16. Воронеж, 1889, стр. 1878—1893 (Строительная книга Коротояка).

¹²⁶ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 30, л. 9—12.

¹²⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 173, л. 218—222.

иноземцем») поручено было набрать в новый острожек служилых людей. Усманский воевода был очень недоволен тем, что «многие люди Воронежского уезду, которым было писано на Усмань, писались в прибор к Саве Хомицкому в острожку»¹²⁸. Строительство городка на правом берегу р. Усмани, недалеко от того места, где река выходит из Усманского бора, проходило весной 1646 г. Строили его 230 «новоприборных драгун» — «Кириюшка Бучнев и Савка Коноплин с товарищи». Все драгуны получили по 20 четвертей земли «из порозжих земель и из дикого поля». Городок стал называться Орловом. Около него вдоль р. Усмани орловские драгуны установили надолбы, тарасы и другие укрепления. Орлов-городок считался «пригородом» Воронежа.

Набор драгун в Орлов-городок открыл путь к личной свободе многим крестьянам Воронежского уезда. Через несколько лет атаманы, имевшие земли в с. Усмань-Собакино, сообщали о том, что от них в новые города ушли все их крестьяне и бобыли, в том числе в новый Орлов-городок 91 человек.

С 1646 г. началось возведение усманского земляного вала, продолжавшееся в течение нескольких лет. В 1646—1649 гг. сооружался вал с земляными городками и деревянными башнями между реками Усманью и Боровой к северу и северо-западу от г. Усмани длиной примерно в 20 км. В 1650 г. возведен был вал восточнее р. Усмани. Небольшие работы на валах продолжались и в 1651—1652 гг. В них принимали участие, кроме усманцев, также служилые люди из Лебедяни, Данкова, Епифани, Сокольска, Доброго, Ефремова, Михайлова, Рязьска¹²⁹.

Второй этап строительства Белгородской черты, начавшийся с 1646 г., характерен, как уже отмечалось, не просто возведением на татарских дорогах новых укреплений, но и соединением их между собой. С началом сооружения усманского земляного вала на очередь дня неизбежно должно было стать соединение усманских и козловских укреплений. И усманские, и козловские укрепления подходили к р. Воронежу; направление усманского вала предопределило соединение в дальнейшем усманских и козловских укреплений

¹²⁸ Там же, л. 427.

¹²⁹ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 186, л. 1116. О городках Сокольске и Добром, построенных в 1647 г., см. ниже.

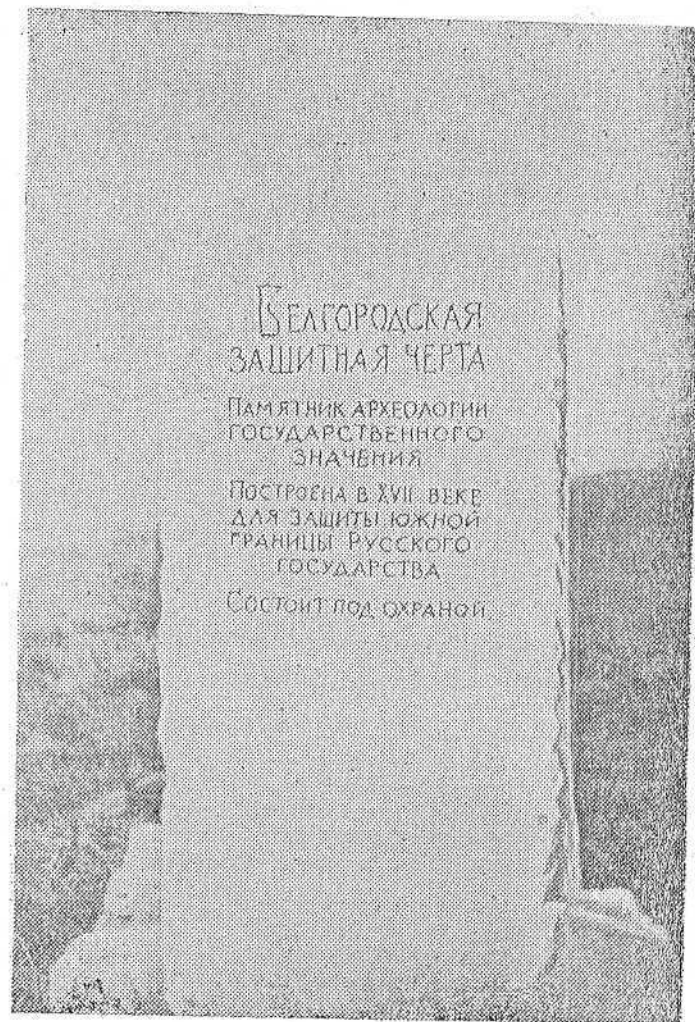

Рис. 6. Памятник Белгородской черте. Поставлен в Усманском районе Липецкой области, на земляном валу. Снимок 1968 г.

именно по р. Воронежу. Строительству укрепленной линии вдоль р. Воронежа севернее усманского вала благоприятствовали и географические особенности местности; естественным препятствием для татарской конницы являлась и сама река и росшие по ее берегам леса.

Но берега р. Воронежа были уже заселены, здесь существовали вотчины и поместья крупных и мелких феодалов. Правительство боярина Б. И. Морозова нашло выход в милитаризации местного крестьянского населения, в отписке «на государя» крестьян и переводе их в положение прибранных служилых людей. Эта акция была предпринята в интересах феодального государства, то есть по сути дела в интересах всего класса феодалов. Освобождение в чисто военных целях нескольких тысяч крестьян на берегах р. Воронежа от крепостной зависимости косвенно способствовало укреплению феодального хозяйства в центре страны.

Указом от 14 января 1647 г. князю А. Н. Трубецкому была пожалована Верхолуцкая волость в Белёвском уезде, по изъятию царем Алексей Михайлович «взял на себя» вотчину А. Н. Трубецкого в Лебедянском уезде у р. Воронежа, включавшую села Соколье, Ярлуково, Кузьминки с окрестными деревнями. Крестьянам этих сел и деревень предписывалось «быть в драгунской службе»¹³⁰.

У крестьян оставались земельные наделы; крестьяне освобождались от прежних государственных повинностей — выплаты ямских денег, стрелецкого хлеба и становились драгунами. «Драгунскую службу строить» поручалось И. М. Ртищеву. И. Ртищев должен был переписать все крестьянские дворы в бывшей вотчине А. Н. Трубецкого и записать от каждого двора по одному человеку в драгунскую службу — «мужиков добрых», которым не менее 18 и не более 45 лет. Брать «за 50 лет старых мужиков в драгунскую службу» категорически запрещалось. И. Ртищев должен был также переписать во дворах всех мужчин и следить, чтобы несколько дворов не записывалось «в одном». Новым драгунам посылались лишь оружие и боеприпасы (для начала было взято 530 пищалей из Воронежа); лошадей для службы они должны были выделить из своего хозяйства. В наказе И. Ртищеву специально оговаривалось, чтобы предназначенные для

службы лошади не использовались в хозяйстве; пахать драгуны должны были на других, «пахенных» лошадях. Никакого жалованья драгунам, естественно, не полагалось.

Служба новых драгун была обычной для городов Белгородской черты. Сокольские драгуны стали выполнять гарнизонную службу, стоять на сторожах, выходить для преследования и схваток с татарами, строить новые укрепления. Их служба включала в себя фактически и стрелецкую и казачью службу в том виде, как понималась она тогда населением южных городов. Отличие заключалось лишь в «ученье драгунскому строю», которое, как видно по документам, не было очень обременительным. Обучать бывших крестьян «драгунскому строю» должны были под руководством ельчанина Н. Юрлова шесть опытных драгун из Тулы, которые становились теперь «начальными людьми» — сержантами. Правительство требовало, чтобы драгуны во время службы и учения берегли порох и свинец, «по зверям и по птицам не стреляли»¹³¹. Сокольские драгуны, так же как костенские и орловские, были «поселенными драгунами»; участие в далеких походах и длительная служба вне дома для них не предусматривались.

Кроме перевода крестьян в драгуны, И. Ртищев получил и другое задание, тесно связанное с первым, — наметить место главного острога и линии укреплений, сделать эти укрепления силами драгун, а если какие-либо «драгунские села» окажутся за линией укреплений, то переселить из них драгун.

Центром вновь созданного уезда стало с. Соколье, в котором уже давно стоял небольшой острожек. В 1647 г., помимо бывших владений князя А. Н. Трубецкого, в Сокольский уезд вошло еще несколько сел, где крестьяне также были переведены в положение драгун¹³². Под руководством И. Ртищева в 1647 г. драгуны построили в с. Соколье новую деревянную крепость; село превратилось в городок Сокольск. Основные укрепления Сокольского уезда прошли по берегам р. Воронежа. На юге они примкнули к владениям боярина

¹³¹ Там же, л. 11.

¹³² Так, указом от 23 марта 1647 г. были переведены в драгунскую службу крестьяне помещика С. Вельяминова в селе Лодыгинне (ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 29, л. 2).

Н. И. Романова, на севере — к укреплениям вновь созданного Добровского (Добренского) уезда.

Весной 1648 г. к Сокольскому уезду были присоединены еще три населенных пункта из Воронежского уезда: села Белый Колодезь, Карамышево и починок Грязновский. Их крестьян также перевели в драгунскую службу и приказали «ведать в Сокольске Ивану Ртищеву». Новая часть уезда отделялась от Сокольска землями боярина Н. И. Романова. Так Сокольский уезд и сокольские укрепления вплоть до 1663 г. оказались разделенными на две части.

Несколько селений Сокольского уезда (среди них села Ярлуково, Лодыгино в северной половине уезда и Карамышево — в южной) оказалось за линией укреплений. Драгун из этих сел И. Ртищев переселил в 1648 г. на правый берег р. Воронежа. В 1651 г. в Сокольском уезде числилось 795 драгун, среди которых на смотре оказалось 150 человек без драгунских лошадей.

Вторым уездом, возникшим в 1647 г. на берегах р. Воронежа, был Добровский. Новый уезд выделился из Лебедянского. Центром его стало с. Доброе Городище, превратившееся в г. Добрый. Здесь находились владения одного из богатых московских монастырей — Новоспасского. Монастырь имел крепостных крестьян и в соседних селах: Каликине, Ратчине, Борисовке, Кривце. Землей и крепостными крестьянами в этих местах на берегах р. Воронежа до 1647 г. владел еще один московский монастырь — Чудов, а также несколько вотчинников и помещиков. Весной 1647 г. все села, расположенные у р. Воронежа между Сокольским и Козловским уездами, были описаны «на государя», их крестьяне стали драгунами. В Добровском уезде за линией укреплений оказалось два села — Кривец и Борисовка. Весной 1648 г. добровский воевода И. Кайсаров перевел драгун из этих сел на правый берег р. Воронежа. Драгуны поселились между селом Каликином и почином Делеховым¹³³, примерно в 15 км к северу от г. Доброго. В 1651 г. в Добровском уезде числился 951 драгун.

Весной 1647 г. были переведены в драгунскую службу и крестьяне, жившие на юго-западе Козловского уезда, на берегах р. Воронежа, в селах Горетове, Казинке, Тарбееве,

Ярке. Как уже говорили, прежде эти села принадлежали Д. М. Пожарскому, выдающемуся полководцу, герою освободительной борьбы русского народа против интервентов в начале XVII в. В 1642 г. после смерти Д. М. Пожарского поместье дано было его вдове княгине Федоре «на прожиток»¹³⁴. Во время татарских набегов 1643—1645 гг. поместье Ф. Пожарской подверглось страшному разорению: сотни людей были уведены татарами в плен, сотни ушли сами из разоренных сел. В 1647 г. при переводе крестьян в драгунскую службу выяснилось, что больше половины дворов стоят пустыми¹³⁵. «Драгунские села» Козловского уезда, находившиеся на левом берегу р. Воронежа, как и в соседних уездах, были переселены весной 1648 г. под защиту укреплений, за р. Воронеж.

Перевод крестьян в драгунскую службу на берегах р. Воронежа между усманскими и козловскими укреплениями коснулся всех феодальных владений этого района, кроме одного. Крестьяне боярина Н. И. Романова, жившие в Романове Городище и соседних селах, по-прежнему остались крепостными. Правительство Б. И. Морозова в 1647 г. не решилось затронуть интересы такого знатного и влиятельного вельможи, каким был двоюродный дядя царя Н. И. Романов, а в 1648 г. после московского восстания Н. И. Романов сам стал одним из руководителей нового правительства.

Первая половина XVII в. завершилась важным событием в истории сооружения Белгородской черты — перенесением на новое место г. Белгорода. Неудобство расположения Белгородской крепости выявилось осенью 1646 г., когда к Северскому Донцу подошел с запада земляной вал. Белгород был отделен от вала рекой. До сооружения Белгородской черты расположение города на левом, низком берегу «меж топей и болот»¹³⁶ оправдывало себя, русские города полевой окраины строились тогда под защитой рек, лесов, болот. Во время татарских вторжений 1644—1645 гг. по Муравской дороге Белгородскую крепость отделяла и защищала от татар река. Но после сооружения вала «прятать» город не имело смысла. Наоборот, интересы обороны страны требовали вы-

¹³⁴ ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 29, л. 4.

¹³⁵ Там же, л. 48—51. Некоторые из ушедших крестьян записались в стрелецкую и казацкую службы в Козлове.

¹³⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 224, л. 91.

двинуть город к валу, что резко усилило бы русские укрепления на Муравской дороге.

Проект переноса Белгорода к земляному валу, к устью р. Везеницы был предложен в общих чертах князем Н. И. Одоевским. Вернувшись в Москву после сооружения земляного вала на Муравской дороге, он говорил в начале 1647 г., что Белгород «стоит не у места»¹³⁷. В Москве в Разрядном приказе приготовили уже указ о переносе Белгорода в 1647 г. к устью р. Везеницы. Но против переноса крепости выступили белгородцы «всем городом». В коллективной челобитной жители города и уезда писали, что около земляного вала у устья р. Везеницы «пески большие», поэтому нельзя укрепить ров, непрочными окажутся и деревянные башни. Главное все же заключалось не в минусах нового местоположения крепости. Мелкие служилые люди отказывались строить новый город из-за того, что, не переставая, почти два года работали на строительстве укреплений. Если решение о переносе Белгорода не будет отменено, все жители разбредутся «врозь», так говорилось в челобитной. Правительство, возможно, решилось бы вступить в конфликт с жителями Белгородского уезда, но в Москве усомнились в правильности выбора места для новой крепости. 25 июля 1647 г. в Белгород направлена была царская грамота, в которой говорилось, что «города на новое место переносить не велено до нашего указу»¹³⁸.

Вопросом о переносе Белгорода Разрядный приказ занимался в течение нескольких лет. Вновь были обследованы берега Северского Донца, составлены чертежи местности. Возникла и идея о возвращении Белгорода «на старое городище» — на меловую гору правобережья Северского Донца в нескольких километрах от устья Везеницы, где находился Белгород в 1596—1621 гг.

В 1650 г. правительство вернулось к плану строительства Белгорода при устье р. Везеницы. В Белгород были направлены полки дворянской конницы. В большом полку воеводы Б. А. Репнина по списку числилось 2767 служилых людей, в полку В. Головина — 1278, всего в двух полках — 4045 человек из Москвы, Тулы, Каширы, Коломны, Калуги, Козельска,

Тарусы, Серпухова, Малоярославца, Алексина, Мещовска, Белева, Болхова, Карачева, Мценска, Орла, «рязанских» и ряда других городов¹³⁹. По плану, составленному в Разрядном приказе думными дяками И. Гавреневым и С. Заборовским, несколько тысяч служилых людей из полков дворянской конницы вместе с белгородцами и комарицкими драгунами должны были быстро построить город. В Белгород был послан «гороδοделец» Давид Николь¹⁴⁰, с которым мы уже встречались при строительстве Нового Оскола и новооскольского вала.

Строительство Белгорода на новом месте шло медленно. В июле 1650 г. в полках дворянской конницы налицо («в естех») оказалось 3011 человек, «в нетях» было 1034 человека. Белгородцы вновь отказывались участвовать в строительстве города, ссылаясь на то, что они заняты другой работой — установкой к земляному валу деревянного «ослона». Воевода Б. Репнин уехал осматривать Белгородскую черту к берегам Дона и поручил руководство строительством города второму воеводе — В. Головину. 17 сентября 1650 г. В. Головин заложил город на новом месте, но к началу октября, как доносил Б. Репнин, почти ничего не было сделано. Постройка города, судя по отчету Б. Репнина, вообще оказывалась под угрозой, и в Разрядном приказе приняли решительные меры. Царский указ от 18 октября требовал от Б. Репнина лично руководить строительством Белгорода, воевода В. Головин был посажен на неделю в тюрьму. Б. Репнину предписывалось город «со всеми крепостями и всяких чинов служилых людей дворами устроить до снегов»¹⁴¹. Создается впечатление, что знатный вельможа Б. Репнин сознательно преувеличивал трудности, возникавшие во время его отсутствия в ходе строительства Белгорода. Основные работы в Белгороде выполнены были до возвращения Б. Репнина и тем более до указа 18 октября. Осенью 1650 г. город был готов, по форме он представлял собой деревянный острог с облами, причем южную стену крепости заменял земляной вал, шедший по левому берегу р. Везеницы. Деревянная крепость, построенная в 1650 г., располагалась там, где теперь находится центр современного Белгорода. В даль-

¹³⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 914, л. 213—216.

¹⁴⁰ Там же, л. 249—250.

¹⁴¹ Там же, л. 228.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, л. 96—97.

нейшем к «деревянному городу» с востока был пристроен «земляной город».

В 1651 г. в Разрядном приказе была составлена по отчетам воевод справка о количестве служилых людей в южных русских городах, которую мы воспроизводим в виде таблицы для городов Белгородской черты¹⁴² (табл. 2 см. на стр. 141).

В 1651 г. строительство Белгородской черты подходило к концу. На черте, как видно из таблицы, стояли уже 22 города (не считая вотчинного г. Романова), в них служил 17 741 человек. На один километр укреплений приходилось в среднем по 22 воина. Фактически защитников черты было больше. Надо учесть, что против татар выходили иногда и взрослые родственники служилых людей, вооруженные пищалями или рогатинами. Военную помощь служилым людям на черте, особенно в случае прорыва татар, могли оказать и полки дворянской конницы, которые в 1651 г. вновь выдвинулись в западную половину черты.

Для строительства Белгородской черты международная обстановка на юге России в 1649—1653 гг. была в основном благоприятной. Татарские вторжения, прекратившиеся в связи с походом русских войск в Приазовье в 1646 г. и созданием военной угрозы Крыму, не возобновлялись. С 1648 г. Крымское ханство было на несколько лет втянуто в борьбу между восставшим украинским казачеством и польской Польшей. Гетман Богдан Хмельницкий, выдающийся политический деятель и дипломат, проводя линию на воссоединение Украины с Россией, стремился, причем небезуспешно, отвести удар своего временного союзника — крымского хана от Русского государства и направить татар на Польшу. В беседе с русским послом Г. Унковским 19 апреля 1649 г. Б. Хмельницкий говорил: «В прошлом году после польской войны крымской царь мыслит итти войною и на Московское государство и меня и Войско Запороское звал, и я крымского царя унял и говорил ему: будет ты на Московское государство пойдешь или людей своих на украинские города пошлешь, и мы с вами совету держати не будем и за Московское государство будем Крым воевать»¹⁴³.

¹⁴² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 327, л. 116—259. Посадские люди по этой справке были в 1651 г. только в двух городах на черте — Воронеже (204 чел.) и Белгороде (84 чел.).

¹⁴³ Воссоединение Украины с Россией. Документы, т. 2. М., 1954,

Конечно, не только слова и угрозы Б. Хмельницкого отвлекали крымского хана от России. Татары рассчитывали использовать национально-освободительную войну украинского народа против Польши в своих корыстных целях. Находясь «в союзе» с Б. Хмельницким, они значительно легче и проще могли захватить большую добычу в пределах Польши и на Украине, где не было укрепленных линий, чем в России. Осенью 1649 г. крымские татары «взяли взятъем» много городов на Волыни и Подолии, увели в полон тысячи людей¹⁴⁴. В 1650 г. татары из-за сильной засухи вообще не смогли выйти крупными силами за пределы Крыма, — «вся степь выгорела», кормить коней в степи было нечем¹⁴⁵. В 1651—1653 гг. массы татар проникали глубоко в пределы Украины и Польши, действовали под Львовом и Перемышлем, направлялись даже к Люблину и Кракову¹⁴⁶. В это время к Белгородской черте подходили лишь небольшие отряды татар.

Однако одно из таких татарских нападений оказалось довольно неприятным и едва не привело к изменению конфигурации уже в основном построенной Белгородской черты. 14 августа 1652 г. примерно 500 татар подошли к усманскому валу между Красным и Карачунским острожками севернее г. Усмани. Караульщики с башни Красного острожка увидели татар, но приняли их за служилых людей Сокольска и Доброго, решили, что «идут ратные люди на перемену из городов» и не подняли тревоги. Татары забросали ров сеном и хворостом, прорвались за вал, захватили на полях пленных. Группа татар осталась у вала и проделала в нем проход, через который татары увели полон и угнали лошадей. Усманские служилые люди не успели закрыть врагу дорогу назад. В результате молниеносного набега татары захватили и увели в плен 37 служилых людей, 140 жен, детей и родственников служилых людей, угнали 491 лошадь¹⁴⁷.

Следствием прорыва татар через усманский вал было появление в Разрядном приказе нелепого плана переноса

стр. 155—156. Слова Б. Хмельницкого приведены в изложении посла Г. Унковского.

¹⁴⁴ Там же, стр. 244.

¹⁴⁵ Там же, стр. 409.

¹⁴⁶ Там же, т. 3, стр. 319, 438.

¹⁴⁷ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 186, л. 1108—1139.

укреплений с р. Усмани на р. Воронеж. По этому плану должны были прекратить свое существование города — Усмань и Орлов, десятки сел Воронежского и Усманского уездов. Земляной вал протяженностью в 30 км — результат многолетнего труда тысяч людей — оказался бы никому ненужным. Сокольский воевода уже получил задание подобрать место для нового города на правом берегу р. Воронежа южнее с. Вербилова, куда должны были переселиться жители Усмани и Орлова.

Руководители Разрядного приказа, отвыкшие от татарских вторжений, не смогли правильно оценить события 14 августа 1652 г. на усманском валу, являвшиеся в конечном счете случайным эпизодом в борьбе России с татарами, в сооружении Белгородской черты. Судьба населения междуречья Усмань — Воронеж не интересовала царское правительство, но военно-стратегические минусы отступления с хорошо укрепленной и освоенной территории были очевидны.

Мелкие служилые люди Воронежского и Усманского уездов оказались достаточно сообразительными для того, чтобы не просто жаловаться на разорение, которое принесет им уход с плодородных, уже освоенных земель, но и подчеркнуть военную бесперспективность этого мероприятия. В коллективной челобитной они обратили внимание дьяков Разрядного приказа на то, что берега р. Воронежа ниже с. Вербилова песчаные и поэтому непригодны для строительства укреплений. Служилые люди писали, что уже много лет отражают они набеги татар на родные места, «и до усманских крепостей за много лет, как стал город Воронеж, деды и отцы наши жили в тех селах и деревнях, и татарские приходы бывали к нам многие и мы церквей божиих и своих домишков не метали». В начале 1653 г. Разрядный приказ распорядился оставить города Усмань и Орлов на прежнем месте¹⁴⁸. Воеводы Усмани и Воронежа получили указание еще больше укрепить берега р. Усмани. В соответствии с этим распоряжением служилые люди построили в 1653 г. на правом берегу р. Усмани южнее городка Орлова стоялый острожек на Хреновой поляне.

В конце 40-х и начале 50-х годов в западной половине Белгородской черты проходили большие работы по укрепле-

Таблица 2
Количество служилых людей в городах и уездах на Белгородской черте в 1651 г.

Город (на черте с запада на восток)	Категории служилых людей								Всего
	Дети боярские	иноземцы	поместные и казачьи	беломестные и свободные и ватажные и казачьи	станичники	черкасы	казачьи	стрельцы	
Вольный	58	—	—	—	25	—	187	144	435
Хотмыжск	301	—	—	—	30	—	291	236	887
Карпов	130	—	—	—	—	—	208	382	1105
Болховец	—	—	—	—	396	61	217	212	539
Белгород	397	—	—	—	—	391	179	158	1240
Короца	269	—	—	—	50	—	140	27	848
Яблонов	291	—	—	50	—	106	281	550	1245
Царев-Алексеев	163	1	—	—	—	—	94	217	1335
Верхососенск	145	—	—	—	49	169	245	105	872
Усерд	60	—	—	—	—	148	151	288	824
Ольшанск	91	—	—	—	—	—	400	30	499
Коротояк	85	—	—	—	—	—	—	—	532
Урвань	100	—	—	—	—	—	—	—	102
Костенск	—	—	—	—	—	—	—	—	127
Воронеж	255	—	18	135	—	32	606	360	1461
Орлов	397	14	42	—	—	—	230	47	228
Усмань	—	—	—	—	—	—	—	—	745
Сокольск	—	—	—	—	—	—	—	—	815
Добрый	—	—	130	—	—	—	—	—	977
Козлов	2046	—	—	60	—	68	252	200	2981
Вельский	—	—	—	—	—	—	38	141	199
Целеновой	—	—	—	—	—	—	—	237	245
Всего по 22 городам Белгородской черты	4788	15	210	245	600	975	4021	432	17741
									2942
									513

¹⁴⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 362, л. 72, 83—86.

нию дубовыми бревнами земляных валов. Яблоневский, Белгородско-Карповский и Новооскольский земляные валы были укреплены сплошным дубовым острогом снаружи и более редкими столбами «с русской стороны». Для подъема защитников на вал устраивались «ступени». Ежегодно на валах работали тысячи служилых людей. Каждому, кроме этого, устанавливалась норма вывозки трехсаженных бревен «к валовому делу» (по 15—20 бревен на человека)¹⁴⁹. В 1652 г. облицовка деревянными бревнами земляных валов закончилась. В 1651—1652 гг. работами по укреплению валов руководил воевода Большого полка боярин Б. А. Репнин, располагавшийся в г. Яблоне.

В 1652 г. на Белгородской черте возник еще один город — Острогожск. Его постройка и заселение связаны с переходом в Россию большой группы украинских переселенцев. О переселении в Россию украинцев («черкас») и участии их в строительстве Белгородской черты мы уже упоминали. Переселение украинцев в Россию объяснялось обострением социальных и национальных противоречий в подвластной Польше Украине и вместе с тем свидетельствовало об укреплении связей между братскими народами, о стремлении широких слоев украинского народа к воссоединению с Россией.

С 1638 г. появляются украинские переселенцы и на Белгородской черте, сначала в Короче и Усерде, затем и в других городах (см. табл. 2). Украинские переселенцы, переходившие в Россию «на вечное житие», не были однородной по своему социальному составу массой, в их составе были и казаки, и крестьяне, и мещане. В России подавляющее большинство переселенцев становилось мелкими служилыми людьми, они принимали присягу и участвовали вместе с русскими в отражении татарских набегов, в строительстве укреплений.

После начала освободительной войны украинского народа против владычества Польши участники восстания рассматривали переселение в пределы Русского государства как спасение от мести польских панов в случае военного поражения. Весной 1649 г. воеводы Путивля, Вольного и Хотмыжска сообщили в Москву о возможном большом переселении черкас в Россию и запросили инструкций. Аналогичные сообщения были получены в Москве и по другим каналам.

Русское правительство решило принять всех украинцев, которые придут «на вечную службу» России. В Разрядном приказе составили план расселения черкас у Белгородской черты¹⁵⁰. По этому плану намечалось поселить 500 черкас с семьями в новом городе на Маяцком городище — при устье р. Тихой Сосны. Для строительства крепости предполагалось привлечь служилых людей из Усерда, Олышанска, Коротояка и крестьян Борщева монастыря. По 100 черкас можно было расселять в существующих уже городах на Белгородской черте. Если же черкасы придут «большим сбором», то решать вопрос в каждом конкретном случае надо было особо. Самовольного поселения черкас в пределах России воеводы не должны были допускать.

Намеченный в Разряде план осуществить сразу не пришлось. В связи с военными успехами Б. Хмельницкого большого переселения украинцев в Россию в 1649—1650 гг. не было; но поражение под Берестечком (1651 г.) вновь поставило этот вопрос на повестку дня. В 1651 г. в Разрядном приказе опять выбирали места «по черте от литовские стороны и до Челновой реки» для расселения черкас¹⁵¹.

21 марта 1652 г. к Путивлю подошло около двух тысяч украинских переселенцев с семьями и имуществом во главе с полковником Иваном Дзиньковским (Дзиковским)¹⁵². Переселенцы заявили, что пришли они «на вечную службу»; пришли потому, что на них наступают поляки. В Разрядном приказе думали сначала поселить такую большую группу черкас за Белгородской чертой, на р. Битюге, но как раз в это время началось строительство жилого городка при впадении в Тихую Сосну речки Острогощи, и украинцы остались на черте.

Возведение нового города проходило под руководством воеводы Ф. Ю. Арсеньева. Город строился на старом Острогожском городище, на левом берегу р. Тихой Сосны. Расселение здесь черкас в основном соответствовало плану 1649 г., небольшое изменение этого плана лишь укрепляло черту¹⁵³.

¹⁵⁰ Воссоединение Украины с Россией. Документы, т. 2. М., 1954, стр. 227.

¹⁵¹ Там же, т. 3, стр. 101.

¹⁵² Там же, стр. 206.

¹⁵³ Острогожское городище находилось непосредственно на укреплении.

Как говорится в строельной книге г. Острогожска, город строили «разных городов дети боярские, и стрельцы, и казаки, и черкасы». Вывозка бревен на Острогожское городище началась 30 июля 1652 г., острог был заложен 16 августа, строительство укреплений закончилось 7 ноября 1652 г.¹⁵⁴

Город был сделан из «толстого леса». Стены его представляли собой стоячий острог с обламами, для стен использовались дубовые бревна длиной в три сажени с аршином, толщиной в верхнем отрубе в 7 вершков, в нижнем — в 9 вершков. «В таком же в толстом лесу» рублены были и башни. Конструкция Острогожской крепости имела любопытную особенность: одна из городских башен — Московская была значительно выше остальных восьми. Она поднималась вверх более чем на 40 м¹⁵⁵, то есть на высоту современного 10—12-этажного дома и представляла собой замечательный образец русского деревянного военного зодчества.

«В Новом Черкасском городе» 18 августа 1652 г. обосновались 1003 украинских переселенца с семьями¹⁵⁶. Город стал называться Острогожском. Острогожские черкасы получили земли под пашню на левом берегу р. Тихой Сосны; за чертою им были даны рыбные ловли, бобровые гоны на р. Черной Калитве и в отдельных местах на Дону. Кроме черкас, в Острогожске поселились и русские служилые люди, последних было немного. Одновременно со строительством Острогожска были возведены укрепления по берегам Тихой Сосны; стоялый острог поставлен был и за рекой, на Лубянском кургане. К Острогожскому уезду отошли земли от соседних Ольшанского и Коротоякского уездов. В 1652 г. отдельные группы черкас были поселены также в Воронеже, Коротояке, Урыве.

Середина XVII в. была временем заката дворянского поместного ополчения, составлявшего прежде основу русской армии. По своей боеспособности поместная дворянская конница заметно уступала полкам рейтарского и драгунского

ной линии, тогда как намеченное в 1649 г. для поселения черкас Маяцкое городище выдвинуто было «за черту».

154 ТВУАК, вып. 1. Воронеж, 1902, отд. 2, стр. 65, 74 (Строельная книга Острогожска).

155 Там же, стр. 65. Высота башни — «двадцать сажень без чети».

156 Воссоединение Украины с Россией. Документы, т. 3. М., 1954, стр. 368. Украинцы пришли к Острогожску уже после начала строительства города.

строю¹⁵⁷. Вооружение дворян, и особенно детей боярских, оставляло желать лучшего. Огнестрельное оружие медленно приходило на смену старинному саадаку, при этом у помещиков почти не было дальнобойного для того времени огнестрельного оружия — пищалей, мушкетов, а преобладали пиштолеты. Слаба была дисциплина дворянской конницы. Неявка на службу и бегство с нее считались обычными явлениями. Наконец, и по количеству воинов поместная конница не могла уже играть решающую роль и в предстоящей войне с Польшей, и в охране южных рубежей России.

В течение нескольких лет полки дворянской конницы выдвигались к Белгородской черте, располагались в западной половине ее, участвовали в строительстве укреплений. В 1653 г. накануне войны России с Польшей за Украину дворянская конница была дополнена солдатскими полками. Реорганизацией подвижной армии у Белгородской черты завершается второй, основной период в истории сооружения черты.

В 1653 г. на юге России была предпринята попытка за счет сокращения численности дворянской конницы улучшить ее качество. Воеводы В. Б. Шереметев, Ф. Бутурлин и подьячий Н. Вальцов получили задание «разобрать дворян и детей боярских» в городах «на Украине», выбрать из них 6000 человек — «лучших и оружных». Вместо шести тысяч воеводам удалось отобрать 4650 человек¹⁵⁸. Второе задание у воевод и подьячего, расположившихся в г. Яблонове, было более ответственным — им предстояло на Белгородской черте из родственников служилых людей сформировать несколько постоянных солдатских полков.

В 1653 г. русское правительство решило взять для формирования пехотных полков «солдатского строя» 8000 человек «из городов с черты»¹⁵⁹. Воеводы городов, расположенных на черте, должны были направить в Яблонов в солдатскую службу не самих служилых людей — детей боярских, казаков, стрельцов, пушкарей, драгун, а их взрослых родст-

157 См.: А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 156—162.

158 АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 337.

159 Там же.

вейников — «добрых и силою мочных, и к службе и к солдатскому учению охочих»¹⁶⁰.

Для каждого города Белгородской черты в Москве устанавливалась норма набора солдат — 50% от общего количества не находящихся на службе мужчин. В ходе набора в солдаты выяснилось, что одни воеводы включали в число родственников служилых людей только взрослых мужчин, другие — и «малых ребят». Так, для самого населенного из уездов на черте — Козловского (с городками Бельским и Челновым) была установлена норма в 2475 человек, — в уезде значилось у служилых людей 4950 детей, братьев, племянников, внучат и других родственников. Козловский воевода Петр Пушкин провел чуть ли не всеобщую запись неслужилых людей в солдаты, но не добрал до нормы 200 человек. Он объяснял недобор тем, что его предшественник И. Алферьев включил в списки пятилетних и шестилетних детей.

Не избежали обычных географических ошибок и московские подьячие. В составленном в Москве списке городов на черте, откуда требовалось набирать солдат, значились Козлов, Добрый, Сокольск, Усмань, Воронеж, Коротояк, Усерд, Верхососенск, Царев-Алексеев, Яблонов, Короча, Белгород, Болховец, Карпов, Хотмыжск, Обоянь¹⁶¹. В список попал один город, расположенный не на Белгородской черте (Обоянь), упущены были Ольшанск, Вольный. Позже, когда выяснилось, что намеченное количество солдат в городах на черте не собрать, решено было добавить в список еще девять городов: Курск, Елец, Ливны, Ефремов, Чернавск, Лебедянь, Лихвин, Чернь, Новосиль.

Командовать новыми солдатскими полками приглашены были иностранцы, должности младших командиров заняли «старые солдаты», присланные из Москвы. Летом 1653 г. в Яблонове собрались 6863 солдата. 28 июля 1653 г. сформирован был полк Александра Краферта в составе 2000 человек, 4 августа — полк Ягана Краферта в составе 1635 человек, 12 августа — полк Джона Лесли в составе 1701 человека, в тот же день — полк Юрия Гутцына в составе 1427 человек. Полки разместились в городах по черте, соответственно — в Яблонове, Белгороде, Усерде и Карпове¹⁶². Солдаты

были вооружены огнестрельным оружием — мушкетам, имели они и холодное оружие — шпаги. Осенью 1653 г. проходило обучение новых солдат, и уже в октябре В. Б. Шереметев доносил, что солдаты «выучены» и к «бою готовы».

В отличие от поселенных драгун, солдаты, расположившиеся зимой 1653/54 г. на Белгородской черте, не надеялись сразу же землей¹⁶³. Не получали они и настоящего жалования за службу, а лишь «кормовые деньги». Никаких ограничений срока солдатской службы не устанавливалось. Набор в солдаты население городов Белгородской черты правильно оценило как тяжелую дополнительную повинность. Вопреки предположениям правительства нигде не находилось добровольцев для записи в солдаты. Правительство по возможности стремилось снизить расходы на содержание солдатских полков. Любопытно, что в конце 1653 г. 60 ливенских солдат, сопровождавших обоз с оружием, в качестве поощрения были отпущены «в домах своих пожить для запасов неделю»¹⁶⁴.

В 1653 г. вопрос о воссоединении Украины с Россией был уже решен русским правительством, назревала война с Польшей за Украину. В 1654 г. начались военные действия. Солдаты сформированных в 1653 г. на Белгородской черте полков участвовали в дальнейшем в боях на Украине, они успели в 1654 г. принять участие и в строительстве укреплений на черте.

ТРЕТИЙ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП В СООРУЖЕНИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ (1654—1658 гг.)

В 1653 г. строительство укреплений Белгородской черты было в основном закончено; третий этап в сооружении черты, охватывающий 1654—1658 гг., является более временем ее организационного оформления в единое целое.

Попытки объединить под одним командованием всех служилых людей на черте предпринимались еще, как мы видели, в конце 40-х годов. В 1651—1653 гг. воевода Большого полка, располагавшийся в г. Яблонове, командовал всеми войсками

¹⁶³ После нескольких лет службы солдаты набора 1653 г. обычно обращались с просьбами о земле и получали ее.

¹⁶⁴ АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 342.

¹⁶⁰ ПГАДА, столбцы Прик. ст. № 202, л. 2—3.

¹⁶¹ АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 306.

¹⁶² Там же, стр. 339.

на западной половине Белгородской черты, в его руках находилась и административная власть, ему подчинялись воеводы и население окрестных городов. Но это подчинение не являлось постоянным и было связано с пребыванием в Яблоне определенного, конкретного лица — Б. А. Репнина или Г. С. Куракина¹⁶⁵. Такое же подчинение одному воеводе всех городов западной половины Белгородской черты сохранялось и в 1654 г., после формирования солдатских полков. Старшим воеводой являлся В. Б. Шереметев.

Для северо-восточной части Белгородской черты полуофициальным центром стал г. Козлов. Осенью 1652 г. козловский воевода проверял состояние укрепленной линии и составлял ее описание от р. Челновой до усманского вала — то есть в пределах Козловского, Добровского, Сокольского уездов, включая также и вотчинный г. Романов¹⁶⁶. Процесс объединения всей Белгородской черты под единым командованием, из одного центра был близок к завершению в 1653 г. При формировании солдатских полков на черте г. Яблонец мыслится уже центром всей черты. Русско-польская, а затем и русско-шведская войны отвлекли силы, средства и внимание русского правительства на запад и на несколько лет задержали официальный прием Белгородской черты, объединение ее под единым командованием.

Солдатские полки, находившиеся на Белгородской черте продолжались и во время третьего этапа ее сооружения, хотя и в меньших масштабах, чем раньше. В условиях русско-польской войны попытки прорыва татар через Белгородскую черту были возможны и опасны для России. Опыт войны 1632—1634 гг. говорил о том, что такой прорыв мог иметь далеко идущие последствия.

Солдатские полки, находившиеся на Белгородской черте под командованием В. Б. Шереметева, можно было использовать как для защиты черты и недопущения прорыва татар в Россию, так и в военных действиях против польско-литовских войск на Украине. Русское правительство колебалось. В начале 1654 г. В. Б. Шереметев получил приказ выступить к Киеву, но затем — уже из Путивля — ему было предписано

¹⁶⁵ Там же, стр. 286; филиал ЦГИА УССР, ф. 353, ед. хр. 24, л. 20—24.

¹⁶⁶ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 197, л. 67—69; столбцы Белг. ст., № 473, л. 1—126.

вернуться на Белгородскую черту и разместить войска в Белгороде и Карпове. Новые инструкции В. Б. Шереметеву объяснялись сообщениями о готовящемся нападении на Россию татар. Полк Ю. Гутына еще раньше был отправлен для гарнизонной службы в Киев. Остальные солдатские полки вместе с полком тульских драгун под общим командованием В. Б. Шереметева вернулись на Белгородскую черту¹⁶⁷.

В августе 1654 г. воевода В. Б. Шереметев и дьяк Н. Головин осмотрели укрепления на Муравской дороге, особенно те места, по которым крымские татары прошли во время своего последнего крупного вторжения в Россию в 1645 г. Решено было вместо стоялого острога у р. Нежеголи в Белгородском уезде построить жилой город.

Строительство г. Нежегольска проходило осенью 1654 г., закончилось оно 22 ноября. На месте деревянного стоялого острога строители возвели «земляной город» с деревянными башнями, сделали тайник. Город строили солдаты полков А. Крафорта и Я. Крафорта, руководил строительством города Ю. З. Быков. Одновременно был продолжен уже существовавший у р. Нежеголи земляной вал. Новый город на Белгородской черте заселили вольные переселенцы и сведенцы из Белгорода, Болховца, Корочи и Карпова¹⁶⁸. С основанием Нежегольска укреплены были подходы к Белгородскому и Короченскому уездам со стороны Изюмской дороги, затруднен переход татар с Муравской на Изюмскую дорогу и обратен. Появление нового города укрепило черту в целом.

Сразу же после возведения земляных стен и деревянных башен Нежегольска армия В. Б. Шереметева была вновь направлена на Украину. В январе 1655 г. объединенные силы Богдана Хмельницкого и В. Б. Шереметева нанесли поражение недалеко от Умани польской шляхетской армии, которой помогали крымские татары. Солдатские полки, сформированные на Белгородской черте, продолжали в боевом содружестве с украинскими казаками Б. Хмельницкого участвовать в боевых действиях на Украине против польско-литовских войск и крымских татар.

¹⁶⁷ См.: А. Н. Мальцев. Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов в борьбе за освобождение Украины и Белоруссии. В кн.: «Воссоединение Украины с Россией». М., 1954, стр. 270—276.

¹⁶⁸ Акты, относящиеся к Малороссии. Чтения ОИДР, 1885, кн. 2, стр. 29—31.

На Белгородской черте не осталось в 1655 г. крупных подвижных войск. После ухода армии В. Б. Шереметева в 1654 г. формальное руководство вооруженными силами на черте передавалось воеводе г. Яблону И. И. Ромодановскому, с которым в случае татарского вторжения должны были «сходиться» воеводы окрестных городов¹⁶⁹.

Крымские татары в 1655—1656 гг. не делали попыток вторгнуться в Россию через Белгородскую черту. Захватив огромный полон в пределах Украины и Польши в предшествовавшие годы, они и после воссоединения Украины с Россией продолжали ориентироваться на вторжения на Украину, — теперь только «в союзе» не с Б. Хмельницким, а с польским королем. Воссоединение с Россией резко изменило отношения Украины с Крымским ханством. Получив опору в России, Украина могла разорвать вынужденный союз с крымскими татарами, который, по выражению А. А. Новосельского, «был настоящей трагедией для украинского народа»¹⁷⁰. Русский и украинский народы могли теперь сообща выступить против грабителей-татар.

Для отвлечения крымских татар от вторжения в Россию и на Украину вновь (как и в 1646 г.) намечалось организовать морской поход русских войск к берегам Крымского полуострова. Для этой цели было построено в верховьях Дона и сосредоточено в Воронеже 30 мореходных судов. В 1655 г. эти суда должны были использовать русские ратные люди, направляемые с воеводами Ф. Н. Одоевским и В. Б. Волконским с Волги в низовья Дона. Поход русских войск в низовья Дона не состоялся, но задачу удержания на несколько месяцев татар в Крыму с блеском выполнила объединенная морская флотилия донских и украинских казаков.

Казачья флотилия отплыла из Черкасса 6 июля 1655 г. В походе участвовало 2030 донских казаков и 700 запорожцев. Командиром был донской атаман Павел Чесночихин. В течение двух месяцев казаки плавали у Крымского полуострова, неоднократно высаживались на берег, захватили большую добычу, освободили 130 русских и украинских пленников. Не потеряв ни одного струга, 14 сентября возврати-

лись казаки в Черкасск¹⁷¹. Турецкий флот, ослабленный поражением в войне с Венецией, не противодействовал казакам. Пока казачья флотилия находилась у берегов Крыма, основные силы крымских татар не могли покинуть полуострова. Это способствовало успешному для России исходу летней кампании 1655 г. в русско-польской войне.

После воссоединения Украины с Россией значительно больший размах приняло переселение украинцев в районы, непосредственно прилегающие к Белгородской черте. До 1654 г. переселение украинцев в Россию было переходом из одного государства в другое, что вызывало, естественно, политические трудности. Теперь переселение проходило в пределах одной страны. Страдая от бедствий войны на Украине, а также используя определенное затишье в татарских набегах на русские земли, украинцы начали быстро заселять свободные земли «за чертой». Уже в 1654 г. «черкасы с женами и детьми» пошли жить на Царево-Борисово городище¹⁷². Другая группа украинских переселенцев обосновалась у Ахтырского городища. Впереди Белгородской черты украинцы строили укрепленные острожки. Западную часть Белгородской черты постепенно стали закрывать от татар укрепленные поселения черкас. Одновременно выявился и один военно-стратегический минус в расположении Белгородской черты, который трудно было предвидеть: Западный фланг Белгородской черты, примыкавший прежде к русской границе, теперь оказался как бы повисшим в воздухе. Западнее, на территории Украины, в бывших пределах Речи Посполитой не было никаких укрепленных линий, ничего похожего на Белгородскую черту, и у татар появилась возможность обхода укреплений Белгородской черты с запада.

Солдатские полки, сформированные в Яблоне, после завершения походов должны были вернуться на Белгородскую черту. Но военные действия не прекращались. В сложной внешнеполитической обстановке началась в 1656 г. русско-шведская война. Перемирие, заключенное с Польшей в том же году, оказалось непродолжительным. Все же в результате перемирия большая часть солдат была возвращена на черту. С 1656 г. полуофициальным центром укрепленной ли-

¹⁶⁹ АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 379.

¹⁷⁰ А. А. Новосельский. Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 2. М., 1954, стр. 19.

¹⁷¹ РИБ, т. 34. Петроград, 1917, стр. 40—50.

¹⁷² АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 377.

нии вместо Яблонова вновь стал Белгород. Руководство вооруженными силами, находившимися у черты, включая дворян и детей боярских полковой службы, служилых людей городской службы и солдат, сосредоточилось у белгородского воеводы князя Г. Г. Ромодановского.

После смерти в 1657 г. Богдана Хмельницкого резко осложнилась политическая обстановка на Украине. Новый гетман Иван Выговский и часть казацкой старшины стали ориентироваться на союз с Польшей, на отторжение Украины от России. Против И. Выговского вспыхнуло восстание, подавленное им с помощью татар. В 1658 г. И. Выговский изменил России.

Для военных действий на Украине и в Белоруссии, Прибалтике и Карелии требовались новые русские войска. Изыскивая дополнительные возможности для пополнения армии, русское правительство снова обратило внимание на южные области страны и Белгородскую черту. В 1657 г. в инспекционную поездку «по черте» отправился один из руководителей Разрядного приказа думный дьяк С. И. Заборовский. Первая его поездка подготовила проведение военно-административной реформы на юге России. Одновременно С. И. Заборовский в качестве представителя центральной администрации осмотрел укрепления Белгородской черты. По его указанию были дополнены некоторые укрепления на черте, в частности построен стоялый Рудкинский острожек на берегу Дона севернее г. Костенка.

В ходе поездки по черте С. И. Заборовский и его помощники составляли «разборные списки», записывали в них родственников служилых людей (а иногда и самих служилых людей) в рейтарскую, драгунскую и солдатскую службу. Мелкие служилые люди уже знали по опыту 1653 г., что представлял собой бессрочный набор в полки солдатского строя, «и во всех городах на смотрах детей своих и братьев таили»¹⁷³. Разборные списки включали и служилых людей обычных служб — полковой и городской, в них пока не учитывались лишь черкасы — украинские переселенцы. Один экземпляр «разборных списков» С. И. Заборовский отвез в Москву, второй остался у городских воевод.

¹⁷³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 407, л. 208 (донесение усманского воеводы А. Чаплыгина).

Зимой 1657/58 г. в Москве была проведена подготовка к формированию Белгородского полка, и в марте 1658 г. С. И. Заборовский вновь отправился на черту. Его сопровождали дьяк С. Титов, московские дворяне Б. Ушаков, С. Ушаков, И. Одоуров, Л. Недовесков, жильцы С. Ловчиков, Н. Заборовский (сын думного дьяка) и А. Бешенцов. 6 марта 1658 г. перед отъездом С. Заборовский и С. Титов были на приеме у царя Алексея Михайловича¹⁷⁴. Осмотрев предварительно западные города Белгородской черты, 10 апреля 1658 г. С. Заборовский прибыл в Белгород. На 20 мая в Белгороде был назначен сбор всех служилых людей, записанных в «разборные списки».

Военно-административная реформа на юге России предполагала создание и постоянное существование крупного военного соединения — Белгородского полка. В подчинении белгородского воеводы оказывались подвижная армия, составленная в основном из полков нового строя — рейтарских, драгунских, солдатских, а также служилые люди городской службы, составлявшие гарнизоны городов и охранявшие черту. Административная власть белгородского воеводы распространялась на «города Белгородского полка», то есть на ту территорию, где в 1657—1658 гг. перед формированием Белгородского полка проходил набор в рейтары, драгуны и солдаты.

Белгородский полк был сформирован в 1658 г. из жителей 38 южных городов, записанных в рейтары, драгуны и солдаты; дворян и детей боярских 13 городов; «старых солдат», набранных в основном на солдатскую службу еще в 1653 г.; приказа (полка) московских стрельцов. Таблица 3 показывает количество записанных от каждого города в Белгородский полк людей и распределение их по виду службы¹⁷⁵.

Комплектование Белгородского полка проходило в конце мая и начале июня 1658 г. 8 июня 1658 г. думный дьяк С. И. Заборовский и дьяк С. Титов в качестве представителей правительства официально передали в Белгороде под командова-

¹⁷⁴ ЦГАДА, разр. вязки, оп 5, ед. хр. 31, л. 1—2.

¹⁷⁵ Там же, л. 1—23. Для составления таблиц 3 и 4 мы использовали дело о поездке С. И. Заборовского и образовании Белгородского полка в 1658 г., переписанное в Разрядном приказе в 1674 г. при подготовке к новой поездке С. И. Заборовского.

Формирование Белгородского полка в 1658 г.

Город	Служилые люди, прибывшие на смотр в Белгород и записанные в полк						Всего от города
	дворяне и дети боярские полковой службы	рейтары	драгуны	солдаты нового набора	«старые солдаты»	московские стрельцы	
1	2	3	4	5	6	7	8
Белёв	68	100			4		172
Болхов	46	73			20		139
Мценск	74	324	83		16		497
Сред		300	59				359
Новосиль		245	145		88		478
Чернь		118	91		38		247
Кромы		78	171				249
Ливны	176	196	459		108		939
Елец	371	280	480		40		1171
Талецкий			21		8		29
Чернавск		18	66		75		159
Лебедянь	86	63	162				311
Данков			143				143
Старый Оскол	242		288		149		679
Курск	233	243	412		138		1026
Обоянь		98		251	252		601
Олешня				56			56
Вольный		14		115	19		148
Хотмыжск		67		236	121		424
Карпов		59		130	58		247
Болховец		22		117	207		346
Белгород	170			527	354		1051
Корооча				238	233		471
Яблонов		76		204	276		556
Новый Оскол	49			193	479		721
Верхосенск				158	189		347
Ольшанск	9			64	62		135
Успен				81	129		210
Коротояк }		26					
Урюв }				216	222		464
Воронеж }	126			395	229		750
Орлов				74			74

1	2	3	4	5	6	7	8
Усмань				500	45		545
Сокольск			477				
Добрый			533				
Козлов	400		1308				4734
Бельский				136	1778		
Челнохой			102				
Тула					22		22
Переяславль-							
Рязанский					18		18
Пронск					5		5
Кашира					9		9
Ефремов					120		120
Москва						600	600
Всего	2050	2400	5000	3691	5511	600	19252

ние воеводы Г. Г. Ромодановского Белгородский полк в составе 19 252 человек¹⁷⁶.

Структура Белгородского полка, воспроизводимая нами в таблице 4, соответствовала старым русским военным традициям. Белгородский полк делился на три части: «большой полк» белгородского воеводы — 10 227 чел., «полк первого товарища» — 5232 чел. и «полк второго товарища» — 3743 чел. В трех полках насчитывалось 19 202 человека; остальные 50 человек (белгородцы дети боярские), не входя ни в один из трех полков, могли использоваться главным воеводой для специальных поручений. Среди командиров отдельных частей большинство составляли иностранцы.

Структура Белгородского полка не оставалась затем постоянной. Вскоре в его составе были упразднены сотни дворянской конницы. Дворяне и дети боярские полковой службы, записанные в Белгородский полк — все 2050 человек, переводились в рейтары на том основании, что «рейтары на боях крепче сотенных людей». Вторым серьезным изменением в структуре Белгородского полка было включение в него «чер-

¹⁷⁶ ЦГАДА, разр. вязки, оп. 5, ед. хр. 31, л. 14, 23.

Структура Белгородского полка в 1658 г.

- I. Большой полк белгородского воеводы — 10 227 чел.
В его составе:
 - 1) дворянская конница — 1000 чел.,
 - 2) рейтарский полк полковника Я. Фанрозербаха — 1200 чел.,
 - 3) драгунский полк полковника Р. Корсака — 1329 чел.,
 - 4) драгунский полк полковника Х. Гундермарка — 1299 чел.,
 - 5) 1-й солдатский («Белгородский») полк полковника Ф. Фанбуковена — 1601 чел.,
 - 6) 2-й солдатский («Яблоневский») полк полковника Я. Лесли — 1623 чел.,
 - 7) 3-й солдатский («Козловский») полк полковника Я. Ронорта — 1575 чел.,
 - 8) приказ московских стрельцов стрелецкого головы К. А. Иевлева — 600 чел.
- II. Полк первого товарища — 5232 чел.
В его составе:
 - 1) дворянская конница — 500 чел.,
 - 2) рейтарский полк подполковника И. А. Шепелева — 600 чел.,
 - 3) драгунский полк полковника В. Фанзейда — 1251 чел.,
 - 4) 4-й солдатский («Усердский») полк полковника Ф. Вормзера — 1481 чел.,
 - 5) 5-й солдатский («Верхососенский») полк полковника Я. Иивалта — 1400 чел.
- III. Полк второго товарища — 3743 чел.
В его составе:
 - 1) дворянская конница — 500 чел.,
 - 2) рейтарский полк подполковника С. С. Скорнякова-Писарева — 600 чел.,
 - 3) драгунский полк полковника Я. Зангера — 1121 чел.,
 - 4) 6-й солдатский («Карповский») полк полковника В. Фангалена — 1522 чел.

касских полков», сформированных из украинских переселенцев. По росписи 1668 г. в составе Белгородского полка находилось четыре черкасских полка: Острожжский (1546 чел.), Сумской (1281 чел.), Ахтырский (1424 чел.), Харьковский (1135 чел.)¹⁷⁷.

Рейтары представляли собой конницу, драгуны могли сражаться и в конном, и в пешем строю, солдаты составляли пехоту. Все полки нового строя были вооружены огне-

стрельным оружием, холодное оружие занимало второстепенное место и использовалось в основном при обучении драгун или солдат. В рейтарских полках преобладали дети боярские, рейтарская служба считалась наиболее почетной среди других служб в полках нового строя. Из состава рейтар позже выделились копейщики. Численность находившейся в распоряжении белгородского воеводы подвижной армии с учетом черкасских полков колебалась в 60-х годах XVII в. в пределах 15—20 тысяч человек¹⁷⁸.

Формирование Белгородского полка в 1658 г. повлекло за собой образование крупного военно-административного округа — Белгородского разряда. Попытки организации такого округа на юге России с центром в Белгороде или Яблоне предпринимались, как мы видели, с 1646 г. Но до образования Белгородского полка объединение военной и гражданской власти на юге России в одном центре имело обычно временный характер, да и территория, на которую распространялась власть старшего воеводы, определялась не очень четко. После 1658 г. власть белгородского воеводы, имевшего обычно чин боярина или окольничего, уже не оспаривается воеводами городов, что нередко бывало раньше¹⁷⁹. В Белгороде создается окружная канцелярия — Белгородская разрядная приказная изба. Укрепленная линия, черта, проходящая по территории Белгородского разряда, закономерно в таких условиях должна была получить и действительно постепенно получила наименование «Белгородской черты».

Постепенно уточнялись границы территории Белгородского разряда. В 1659 г. в пределы Белгородского разряда или, что то же самое, в число «городов Белгородского полка» входили 17 «украинных городов» — Белёв, Болхов, Мценск,

¹⁷⁸ Участвуя в войне с Польшей, Белгородский полк в конце 50-х и начале 60-х годов XVII в. понес потери. В 1666 г., не считая черкас, в полку числилось 10 426 человек, «опричь тех ратных людей, которые в посылках в малороссийских городах» (ЦГАДА, дела десятиц, № 152, л. 284 об.). В 1668 г. после окончания русско-польской войны в Белгородском полку, не считая черкас, значилось 14 506 ратных людей, а с черкасскими полками — 19 892 человека (Д. И. Багалея. Материалы... т. 1. Харьков, 1886, стр. 54—56).

¹⁷⁹ Например, в 1653 г. козловский воевода П. Пушкин отказывался выполнять распоряжения старшего воеводы на юге России Г. С. Куракина и требовал для этого особого царского указа.

¹⁷⁷ Д. И. Багалея. Материалы..., т. 1. Харьков, 1886, стр. 55.

Орел, Кромь, Чернь, Новосиль, Елец, Ливны, Талецкий, Чернавск, Данков, Епифань, Лебедянь, Старый Оскол, Курск, Обоянь, а также все города «по Белгородской черте»¹⁸⁰. Затем северо-западные города (Орел, Болхов, Белёв, Кромь) отошли ко вновь образованному Севскому полку, а в число городов Белгородского полка попали города «за чертой» (Ва-

Рис. 7. Белгородский разряд и укрепленные линии на его территории в 70–80-х годах XVII века

луйки, Чугуев, Колонтаев, Харьков и др.). По росписи 1677/78 г. в пределы Белгородского разряда включался 61 город: Ахтырка, Балаклея, Белгород, Белоколодск, Бельский, Богодухов, Болховец, Боромля, Валки, Валуйки, Верхосенск, Вольный, Воронеж, Городной, Данков, Добрый, Елец,

Епифань, Ефремов, Землянский, Змиев, Карпов, Козлов, Колонтаев, Коротояк, Короча, Костенск, Краснокутск, Краснополье, Курск, Лебедин, Лебедянь, Ливны, Маяцкий, Мерефа, Мирополье, Мценск, Нежегольск, Новосиль, Новый Оскол, Обоянь, Олешня, Ольшанск, Орлов, Острогожск, Салтов, Сокольск, Старый Оскол, Суджа, Сумы, Талецкий, Урыв, Усерд, Усмань, Харьков, Хотмыжск, Челновой, Чернавск, Чернь, Чугуев, Яблонов¹⁸¹. Белгородский разряд в качестве военно-административного округа на юге России существовал до начала XVIII в., до реформ Петра I. Воевода Белгородского полка не всегда располагался в Белгороде, в отдельные годы административным центром Белгородского разряда фактически являлся Курск. Центральным учреждением, ведавшим городами Белгородского полка, был Разрядный приказ.

История сооружения Белгородской черты, которую мы разбили на три периода, охватывает более двух десятков лет (1635—1658 гг.). Основные строительные работы проходили в первом и втором периодах (1635—1645 гг. и 1646—1653 гг.). На путях татарских вторжений в Россию была возведена сплошная укрепленная линия из земли и дерева длиной в сотни километров, включавшая новые города-крепости, земляные валы. Основная тяжесть работ легла на плечи населения южной окраины России. В строительстве Белгородской черты участвовали и жители других районов России, в том числе москвичи, новгородцы. Помощь русскому народу в сооружении черты оказал братский украинский народ. Выполнение строительных работ такого масштаба в XVII в., в условиях постоянной борьбы с татарами, при непрекращавшихся попытках татарских вторжений, несомненно, было подвигом русского народа.

¹⁸¹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 219—220.

¹⁸⁰ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 414, л. 371—372.

Глава III. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ

Данная глава представляет собой последовательное географическое описание всех участков Белгородской черты и, следовательно, черты в целом. Она в большей степени, чем другие главы, примыкает к предмету исторической географии.

Подробного описания Белгородской черты до сих пор сделано не было. Никто из историков не сумел даже правильно, в должной последовательности перечислить все города на Белгородской черте. Ближе других был к этому Д. И. Багалей, посвятивший описанию Белгородской черты несколько страниц своего капитального труда «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» (1887 г.). Но и он упустил из виду г. Нежегольск, ошибочно поставил Козлов между Усманью и Белоклодском, спутал Челновой городок с Чернавском, допустил еще несколько мелких географических неточностей¹.

Причины географических ошибок Д. И. Багаля определяются своеобразием исторических источников, которыми он

¹ У Д. И. Багаля встречаются противоречия и в определении количества городов на Белгородской черте. В названной выше книге он сообщает сначала, что на Белгородской черте было 27 городов. (См.: Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 197). А затем он пишет, что Белгородская черта в 1678 г. «состояла, как мы видим, из 25 городов» (стр. 213).

пользовался. Дьяки и подьячие Разрядного приказа в XVII в., не располагая подробными картами, делали немало географических ошибок и не любили их исправлять. При переписке документов, весьма частой в XVII в. и осуществлявшейся обычно перед принятием какого-либо решения, такие ошибки повторялись. Невысок был, конечно, и общий уровень географических знаний того времени. Д. И. Багалей не сопоставил актовый материал XVII в. с более поздними географическими картами и перенес некоторые ошибки и географические неточности актов XVII в. в свою книгу, хотя, как известно, картографический материал XVIII в. богат и хорошо сохранился². Географические карты XVIII в. вообще могут служить ценным источником при изучении истории России XVII в., но этим своеобразным источником историки пользуются крайне редко.

А. А. Новосельский в прекрасной монографии «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (1948 г.) исправил некоторые географические ошибки Д. И. Багаля (например, путаницу между Чернавском и Челновым-городком). Однако А. А. Новосельский был «скован» хронологическими рамками своей работы, не позволявшими ему выйти за пределы первой половины XVII в. Ошибки Д. И. Багаля, более относящиеся ко второй, а не к первой половине XVII в.³, исправлены им не были. Другие историки, в той или иной мере касавшиеся Белгородской черты, в лучшем случае следовали за Д. И. Багалеем и А. А. Новосельским.

Раз не было ясности в расположении городов на Белгородской черте, в ее географических контурах, то заведомо были обречены на неудачу попытки картографического решения задачи — правильного изображения Белгородской черты на исторических картах. Действительно, некоторые ошибки Д. И. Багаля чуть не вековой давности сохранены и в карте, приложенной к соответствующему тому «Очерков истории СССР»⁴, и в схеме, напечатанной в 1962 г. в «Со-

² Русские географические карты XVIII в. хранятся в большом количестве в ЦГАДА, ЦГБИА, библиотеке АН СССР в Ленинграде.

³ Например, пропуск в числе городов на Белгородской черте г. Нежегольска, основанного в 1654 г.

⁴ См. карту: «Укрепление линии и засечные черты Русского государства в XVII в. и Крымские походы». Составитель карты — А. Я. Гим-

ветской исторической энциклопедии»⁵, не говоря уже о многочисленных учебных картах. В них не отмечен, в частности, поворот Белгородской черты от Белгорода к Нежегольску, крайним западным городом на черте ошибочно показывается Ахтырка, встречаются и другие погрешности, на которых сейчас нет необходимости останавливаться.

Описание Белгородской черты сделано нами по источникам 60—70-х годов XVII в.

Для выяснения мелких географических деталей Белгородской черты мы использовали в первую очередь подробное описание укреплений черты, сделанное стольниками П. Зиновьевым и А. Еропкиным. Авторы описания проехали по всей Белгородской черте в 1669 г., первый — по ее западной, второй — по восточной половине. При составлении описания авторы учитывали мнения местных жителей, использовали личные наблюдения. Ни у П. Зиновьева, ни у А. Еропкина не возникало сомнений в расположении отдельных участков Белгородской черты, в ее каких-либо географических деталях. Их описание дает возможность воссоздать расположение всех укреплений Белгородской черты, выяснить все ее изгибы. Конечно, это описание следовало постоянно сопоставлять с более поздними географическими картами, что мы и делали в ходе работы.

В донесениях П. Зиновьева и А. Еропкина, описавших Белгородскую черту в 1669 г., употребляются две основные единицы длины: версты и сажени. Чтобы не было ошибок в расчетах, нужно сразу же выяснить их современную величину.

Анализ цифровых данных в отчете П. Зиновьева, а также измерение современными мерами длины измеренных им расстояний позволяют установить, что П. Зиновьев считал в версте по 1000 саженей. Его сажень примерно соответствовал вала московской указной трехаршинной сажени (2,13 м) или была чуть меньше. Так, П. Зиновьев определил длину земляного вала от Нового Оскола до Верхососенска в 12 верст 638 саженей⁶. Измерив сейчас по подробной карте это рас-

стояние с учетом поворотов вала, мы получим около 27 км. Значит, верста у П. Зиновьева равнялась примерно 2,1 км, а сажень — 2,1 м. Те же числа получаются при переводе верст П. Зиновьева в километры и на других участках Белгородской черты: вдоль берегов р. Ворсклы, у городов Белгорода, Корочи.

Еще проще было определить, с какими верстами (1000-саженными, 700-саженными, 500-саженными или какими-либо другими) имел дело А. Еропкин. Описывая усманский земляной вал, А. Еропкин делает такой подсчет. Длина вала — 14 верст 130 саженей. Если его «ослонить», то есть укрепить дубовыми бревнами и брать при этом по аналогии с другими земляными валами «во всякую сажень по 10 бревен», то понадобится 141 300 бревен⁷. Из этого подсчета сразу же видно, что и А. Еропкин считал в версте по 1000 саженей. Если расстояния, измеренные А. Еропкиным в верстах и саженях, мы измерим в километрах, то найдем, что сажень А. Еропкина, как и у П. Зиновьева, была «московской указной саженью» и составляла примерно 2,1 м.

В середине XVII в. почти в каждом русском городе существовала «своя» сажень, отличавшаяся от московской. В некоторых документах того времени даже приводятся два варианта измерений, сделанных одной или другой «саженью». Например, когда возводился земляной вал Новый Оскол — Верхососенск, то осенью 1647 г. оставалось сделать «в большую сажень» — пять верст вала, а «в белгородскую сажень» — шесть верст и 250 саженей⁸.

Наличие «своих саженей» в различных городах несколько снижает ценность таких сводных источников XVII в., как «Белгородские годовые сметные книги» или «Опись городов» 1677/78 г., которыми мы пользовались при описании городских укреплений⁹. В них приводятся размеры городов на Белгородской черте, полученные в результате измерений различными лицами и различными «саженями». Все же в 70-х годах XVII в. отклонения местных саженей от московской

мельфарб. Приложение к кн.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955.

⁵ Советская историческая энциклопедия, т. 2. М., 1962, стр. 215. Автор заметки «Белгородская черта» и схемы — В. С. Бакулин.

⁶ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 70, 76.

⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 110.

⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 24.

⁹ Мы использовали главным образом две Белгородские годовые сметные книги, сохранившиеся лучше других: книгу 1676/77 г. (ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97) и книгу 1672/73 г. (ЦГАДА, книги Белг. ст., № 80). «Опись городов» 1677/78 г. опубликована в 1875 г. (ДАИ, т. 9).

были уже невелики. Все случаи относительно больших расхождений цифровых данных в различных источниках мы специально разбираем.

Каждый город на Белгородской черте имел свой участок, свою самостоятельную военную зону, смыкавшуюся с зоной соседнего города. Края военных зон совпадали обычно с границами уездов. Белгородскую черту мы описываем в общем направлении с запада на восток. Каждому участку черты посвящен отдельный параграф.

Для написания этой главы мы использовали также собственные наблюдения и измерения, сделанные в 1964—1968 гг. во время поездок по местам, где проходила когда-то Белгородская черта.

ЗАПАДНЫЙ ФЛАНГ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ. НАХОДИЛИСЬ ЛИ НА «ЧЕРТЕ» ГОРОДА АХТЫРКА, БОРОМЛЯ И ОЛЕШНЯ?

В описаниях Белгородской черты, составленных в Москве и относящихся к 60—70-м годам XVII в., крайним западным городом на черте часто называется Ахтырка (Ахтырский). Ахтырка упоминалась как «город на черте» и в том случае, когда черта описывалась со стороны Белгорода, и в том случае, когда ее рассматривали с запада — или, как говорили тогда, «от малороссийских городов»¹⁰. Например, в «Описи городов» 1677/78 г. читаем: «По черте ж от Белгорода направо: Болховой, Карпов, Хотмышск, Вольный, Алешня, Ахтырский»¹¹. Стольнику П. Зиновьеву, получившему распоряжение осмотреть и описать в 1669 г. укрепления западной части Белгородской черты, предписывалось: «Ехать Белогородского полку в города, которые по черте от малороссийских городов — в Ахтырской, на Олешню, на Боровню, на Вольной, в Хотмышской, в Карпов, в Болховой, в Белгород, на Корочу, в Яблонов, в Новый Оскол, в Верхососенской, на Усерд, в Ольшанской, в Острогосежской»¹².

П. Зиновьев вскоре ясно и толково написал в Москву, что

¹⁰ В конце 40-х и начале 50-х годов XVII в., до воссоединения Украины с Россией, при описании строящихся укреплений Белгородской черты с запада употреблялся другой термин: «от литовской границы».

¹¹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 219.

¹² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 24.

Ахтырка не на черте («Ахтырский город учинен за чертою»)¹³, но, несмотря на это, дяки Разрядного приказа еще некоторое время продолжали именовать его «городом на черте». Опираясь на документы, исходившие из Разрядного приказа, Д. И. Багалей, а вслед за ним некоторые другие дореволюционные и советские историки считали Ахтырку городом на Белгородской черте¹⁴. Только с 80-х годов XVIII в. в Разрядном приказе стали называть Ахтырку «городом за чертою»¹⁵. Нередко также определялись как «города на черте» Олешня (Алешня) и Бормля (Боровня).

На самом же деле Белгородская черта шла по реке Ворскле, от бывшей русско-польской границы на восток. Города Ахтырка, Олешня и Бормля, расположенные на притоках Ворсклы, находились не «на черте». Начинаясь черта от устья Каменницкого Колодезя — ручья, впадавшего справа в р. Ворсклу ниже речки Олешни (Алешни, Олешенки) в современном Ахтырском районе Сумской области УССР. Здесь в конце 40-х и начале 50-х гг. XVII в., до воссоединения с Россией Украины, проходил русско-польский рубеж. Первым городом на Белгородской черте с западной стороны был Вольный, однако крайний западный участок черты относился не к Вольному. Перед тем, как перейти к описанию этого города и его военной зоны, следует коротко остановиться на трех перечисленных выше городах: Ахтырке, Олешне и Бормле. Из них в настоящее время лишь Ахтырка является городом. Олешня и Бормля превратились в села: первое из них находится в современном Ахтырском районе, второе — в Трошчанецком районе Сумской области УССР.

Территория по берегам Ворсклы вплоть до ее низовьев

¹³ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 3. Указ П. Зиновьеву об осмотре Белгородской черты и его переписки с Разрядом находится в столбцах Белгородского стола (№ 651). После завершения П. Зиновьевым работы была составлена рукописная книга, в которой были подытожены и переписаны «по статьям» результаты обследования. Все страницы книги заверены П. Зиновьевым. Она сохранилась в «Делах десятиен» под номером 261.

¹⁴ См.: Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 197, 200.

¹⁵ Это было сделано, в частности, в «Выписке в Разряде о построении новых городов и черты» (1681 г.). См.: ИТУАК, вып. 33. Тамбов, 1892, стр. 54.

издавна была славянской, русской¹⁶. Она входила в пределы Киевской Руси, затем — Переяславского княжества, разорялась половцами, в XIII в. подверглась опустошению в результате татаро-монгольского нашествия. На месте многих древних городов остались городища¹⁷. В XV в. р. Ворскла находилась в пределах Великого княжества Литовского. Этот район испытал еще несколько татарских вторжений. Запустились последние, сохранявшиеся в верховьях Ворсклы, города и села.

В начале XVI в. верховья Ворсклы вошли в состав Русского государства. Ближайшим русским городом оказался Путивль, и старые городища — Ахтырское на Ворскле, Ольшанское, расположенное недалеко от Ворсклы, Недригайловское на берегу Сулы и некоторые другие стали называться «Путивльскими городищами».

В начале XVII в., в трудную для России пору, во время иностранной военной интервенции названные выше Путивльские городища были захвачены Польшей. Только в 1643 г., в ходе уточнения русско-польской границы правительство Речи Посполитой обязалось вернуть их России, получив за это территориальную компенсацию в другом месте. Соответствующее решение было принято во время переговоров в Варшаве русских послов А. Львова и Г. Пушкина с польскими представителями. Однако весной 1646 г. русские послы В. Стрешнев и С. Проестев вновь требовали возвращения «Путивльских городищ», которые еще не были отданы России¹⁸. В 1647 г. передача состоялась.

¹⁶ Территория по р. Ворскле, как и другие лесостепные районы левобережья Днепра, была заселена славянами примерно в VIII в. Такой вывод сделан в монографии И. И. Ляпушкина «Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа» на основании анализа археологических данных. Мы не видим оснований сомневаться в его правильности (см.: И. И. Ляпушкин. Указ. соч., МИА, № 104, М.—Л., 1961, стр. 366).

¹⁷ Описание славянских городищ у Ворсклы, кроме названной выше монографии И. И. Ляпушкина, имеется также в одной из работ П. Н. Третьякова (Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли. «Археологія», т. 1. Київ, 1947). К сожалению, П. Н. Третьяков рассматривает славянские городища, расположенные лишь в пределах современной территории СССР, то есть, по сути дела, в среднем, а не в верхнем течении р. Ворсклы. На берегах Ворсклы сохранились городища и более ранних эпох.

¹⁸ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5. М., 1961, стр. 249—250, 470—471.

Документы о передаче России «Путивльских городищ» и проведении новой русско-польской границы в этом районе были изданы в прошлом веке русским архивистом В. И. Холмогоровым¹⁹. Межевой акт от 23 июня 1647 г. определял границы Путивльского уезда России «с городами Черниговом и Черкасками», находившимися тогда в пределах Речи Посполитой. Русско-польская граница подходила к Ворскле берегами небольшого ручья, впадавшего в Ворсклу между двумя большими камнями. Каменицкий Колодезь был границей России недолго, всего в течение 7 лет, до воссоединения Украины с Россией в 1654 г. Затем он остался границей, краем Белгородской черты.

На Ахтырском городище, переданном России по межевому акту 1647 г., на горе находился дубовый острог с 11 башнями, окружностью в 354 сажени²⁰. Эта пограничная польская крепость была построена в 1641 г. На посаде «под горою» имелось 48 дворов. Но жителей в городке не было. Польские власти выселили все население из Ахтырки. России была передана полуразрушенная крепость и пустые дворы.

В старой Ахтырской крепости, на правом берегу Ворсклы был организован русский стоялый острог. Однако сохранить крепость не удалось. Постоянного населения в стоялом остроге, как известно, не бывало. Сначала там находились по-сменно служилые люди, присылаемые из Путивля и Кром; затем острог перешел в ведение воевод ближайшего города — Олешни. В 1650 г. решено было покинуть и разрушить Ахтырский острог. Сторожка в остроге сократилась до 10 человек, для которых была построена «изба с башней». В случае «приходу больших воинских людей» сторожа должны были бежать в Олешню²¹.

В течение нескольких лет (1650—1654) Ахтырки не существовало. Вновь Ахтырский город был построен и заселен уже после воссоединения Украины с Россией и начала русско-польской войны за Украину. Но построен он был на новом месте, не там, где находились старое Ахтырское городище, польский город 1641—1647 гг. и русский стоялый острог 1647—1650 гг., а южнее, за Ворсклой. Руководил строитель-

¹⁹ Акты, относящиеся к Малороссии. Чтения ОИДР, 1885, кн. 2.

²⁰ Чтения ОИДР, 1885, кн. 2, стр. 4.

²¹ АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 263.

ством воевода г. Вольного Л. Камынин, строили крепость перешедшие в Россию украинцы («черкасы»). Л. Камынин доносил, что он «в Вольновском уезде, на татарском проходе, на речке на Ахтырке» поселил черкас более тысячи человек, «город и острог поставил теми же черкасы без прибавочных людей и денежной казны»²². Из поселенных в Ахтырке украинцев был создан вскоре казачий полк.

Ахтырка находилась «за чертой», но очень недалеко от нее, всего в 6—7 км. П. Зиновьев обнаружил в 1669 г. близости от города, к югу от Ворсклы «села, и деревни, и мельницы многие». Любопытно, что жившие здесь украинцы скрывались от татарских набегов за Ворсклой, за укреплениями Белгородской черты. П. Зиновьев сообщал, что ахтырские черкасы «на левую сторону, в Алешенские леса и в Вольнинскую засеку лошади, коровы и всякую животину гоняют и от воинских людей сами убегают»²³.

В отличие от Ахтырки, находившейся «за чертой», городки Боромля и Олешня располагались перед чертой. По прямой линии от г. Боромли до р. Ворсклы — 24 км, городок этот, а ныне — село, лежит на берегу одноименной речки. В 1669 г. П. Зиновьев в числе других городов на Белгородской черте должен был описать и Боромлю. Приехав на место, он мог лишний раз убедиться в слабых географических знаниях дьяков Разрядного приказа. «Боромли-города по Белгородской черте близко лет, — сообщает П. Зиновьев... — Город Боромля от черты в отдалении»²⁴.

С Ахтыркой и Боромлей для П. Зиновьева все было ясно. Вопрос о принадлежности Олешни к городам Белгородской черты оказался сложнее. Сам городок Олешня находился не на Ворскле, а примерно в 12 км от нее, но правый берег Ворсклы входил в Олешнинский уезд²⁵. П. Зиновьев поясняет, что Белгородская черта на Олешнинском участке не заворачи-

чивает к уездному городу, а идет все время по правому берегу Ворсклы до следующего — Вольновского участка.

На Олешнинском участке Белгородской черты не было крупных деревянных и земляных укреплений. «От Каменницкого колодезя до речки до Ворсклицы — лес черной и болота», — пишет П. Зиновьев²⁶. Он нашел только кое-где надолбы на полянах. Южный берег Ворсклы напротив Олешнинского участка черты к 1669 г. уже был заселен «ахтырскими черкасами». Он относился к Ахтырскому уезду.

Заканчивая этот параграф, мы можем еще раз ответить на вопрос, поставленный в его заглавии. Города Ахтырка, Боромля и Олешня во второй половине XVII в. не находились непосредственно на Белгородской черте. Но существовал Олешнинский участок Белгородской черты, протянувшийся примерно на 25 км по правому берегу р. Ворсклы от Каменницкого Колодезя до речки Ворсклицы.

ВОЛЬНОВСКИЙ УЧАСТОК

Крайним западным городом на Белгородской черте являлся Вольный, построенный в 1640 г. Именно в это время начала создаваться укрепленная русская линия по р. Ворскле, вошедшая впоследствии составной частью в Белгородскую черту.

Реку Ворсклу в XVII в. называли «Ворскол» или «Ворскл». Сейчас ее так называют украинцы. Ворскла начинается в 35 км северо-западнее Белгорода и течет сначала на юго-запад. Миновав г. Вольный, Ворскла немного заворачивает к западу, а затем, приняв справа приток Боромлю, резко устремляется к югу, протекает мимо Полтавы и впадает в Днепр. Участок Ворсклы, начинающийся примерно в 30 км от ее истока и кончающийся ниже речки Боромли, был удобен для создания укрепленной линии. Длина этого участка — немногим более 100 км. Правый (северный) берег реки — возвышенный, лесистый; левый — низменный, болотистый, постепенно повышающийся к югу. Подходя с юга к Ворскле, татары неизбежно должны были спуститься в ложбину и рано оказывались на виду у наблюдателей с правого берега.

²⁶ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 5.

²² Там же, стр. 517.

²³ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 5. П. Зиновьев ехал вверх по Ворскле, против течения и «левой стороной» называл правый берег реки.

²⁴ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 5 об.

²⁵ В документах XVII в. употребляется написание «Олешинский». Поскольку этот термин давно вышел из употребления, мы образуем прилагательное от слова «Олешня» на современный лад — «Олешнинский». Так же мы поступаем и в дальнейшем, когда говорим о «Вольновском» и «Добровском» участках Белгородской черты.

Но сама Ворскла в верхнем течении не являлась серьезным препятствием для татар. Как видно из ряда документов XVII в., Ворскла не была тогда полноводнее современной реки. Особенно мелела она в конце лета. Вот характерный пример. Описывая в 1646 г. укрепления на берегах Ворсклы, воевода г. Вольного Н. И. Белосельский замечает: «А под Углицким острожком летом бывает Ворскла-река мелка и уса, человек перескочит»²⁷.

Военная зона г. Вольного начиналась в 1669 г. от устья речки Ворсклицы. Укрепления шли по северному, правому берегу Ворсклы. В отличие от Олешинского участка Белгородской черты, где препятствием для татар служили главным образом «олешинские леса», П. Зиновьев в 1669 г. нашел на Вольновском участке «многие деревянные крепости»²⁸.

На правом берегу Ворсклы рос густой лес. Здесь, выше устья Ворсклицы, был устроен лесной завал длиной в 4 версты и шириной в 20 сажень. Кое-где лес отступал от реки. В таких местах у Ворсклы находились «сенные луга», укрепленные тарасами и надолбами. На всех «дорожках и стежках» в заповедном лесу стояли надолбы. Тарасами и надолбами был перекрыт лог, разделявший деревню Добринскую (ныне с. Добренское Ахтырского района) и деревню, принадлежавшую «сыну боярскому Ивану Гнилову с товарищия». Это единственные деревни, обнаруженные П. Зиновьевым на берегу Ворсклы, на самой Белгородской черте в пределах Вольновского участка. Между этими деревнями и г. Вольным П. Зиновьев отметил на правом берегу Ворсклы, «лес и горы высокие». На горе находился караульный острожек под названием «Мокрый». Деревянные стены его поднимались на 2 сажени. Острожек был увенчан вышкой. С вышки открывался прекрасный вид на юг, в ясную погоду просматривалась почти вся территория от Ворсклы до р. Мерлы, полого поднимавшаяся в южном направлении.

Далее до «Ступина городища» в лесу сделана была засека — «вверх по черте». Затем тянулись болота, рос густой лес. И, наконец, от Дроздовой поляны до Пушкарской слободы г. Вольного была устроена еще одна засека длиной в

полторы версты и шириной в 40 сажень. Она подходила к самому берегу Ворсклы.

Г. Вольный находился почти в середине своей военной зоны, немного ближе к ее восточному краю. (Ныне это с. Вольное Ахтырского района Сумской области). Город располагался на высоком правом берегу Ворсклы. Стены были поставлены дубовым стоячим острогом, длина их составляла 275 сажень. С запада, севера и востока за стеной находился ров глубиной в 2 сажени, общей длиной в 210 сажень. С южной стороны крутые склоны к реке являлись естественным укреплением города. Город имел 8 башен, из них 2 — проезжие. В 1677 г. гарнизон города состоял из 50 стрельцов, 122 казаков, 17 пушкарей, 3 воротников²⁹. В уезде насчитывалось 205 детей боярских, из которых 5 числились по дворовому списку, а остальные 200 являлись «детьми боярскими городовыми», занимая последнего ступеньку в лестнице чинов служилых людей по отечеству.

Выше г. Вольного по обоим берегам Ворсклы тянулись болота и леса. На полянах П. Зиновьев нашел тарасы и надолбы. Дальше шел лес, где «проезду конного и проходу пешего не бывает». Затем вновь стояли надолбы и тарасы³⁰. Выше по Ворскле устроена была лесная засека до Углицкой горы. Край Вольновской военной зоны занимали тарасы, которые доходили «до граней, до Хотмыжской межи».

Зона г. Вольного, протяженностью примерно 40 км, была одним из спокойных участков Белгородской черты. На участке, кроме г. Вольного, находился лишь один стоялый острог. Участок уже с 50-х годов XVII в. был прикрыт новыми украинскими городами и селами, возникшими «за чертой». Густой лес на правом берегу Ворсклы, крутые береговые склоны, болота в долине реки являлись естественными препятствиями для татар. Из искусственных инженерных сооружений преобладали лесные засеки, тарасы и надолбы. Насыпать земляной вал не потребовалось нигде.

²⁹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 273.

³⁰ В настоящее время здесь проходит граница между УССР и РСФСР.

²⁷ Чтения ОИДР, 1885, кн. 2, стр. 12.

²⁸ ЦГАДА, дела десятиц, № 261, л. 6.

Хотмыжский участок Белгородской черты располагался ближе к дороге татарских вторжений — Муравской сакме, чем соседний — Вольновский. Можно представить себе р. Ворсклу в ее верхнем течении и Муравскую дорогу как две прямые линии, сближающиеся к северо-востоку. Чем ближе к вершине этого угла, тем опаснее, напряженнее была жизнь русских людей, пришедших самостоятельно или переведенных насильно на берега Ворсклы. На Хотмыжском участке ко времени строительства здесь укрепленной линии было больше татарских «перелазов» с Муравской сакмы через Ворсклу на Бакаев шлях, чем на Вольновском. Если Вольный паходился в 35—40 км от Муравской сакмы, то Хотмыжск — в 15—20 км. При описании укреплений Хотмыжской зоны все время встречаются упоминания о том, что с правого, высокого берега Ворсклы видна Муравская дорога.

Крайним западным укреплением Хотмыжской зоны являлся стоялый острог на Углицкой горе. Незадолго до осмотра П. Зиновьевым укреплений Белгородской черты (1669 г.) острог сгорел, но вскоре, видимо, был построен заново.

Как и в Вольновской зоне, правый берег Ворсклы на Хотмыжском участке Белгородской черты был высоким и лесистым. Лес начинался от Углицкой горы и доходил до Раковых гор. Поляны укреплены были тарасами и надолбами. В лесу был сделан завал (засака) длиной более 8 км. Напротив завала с юга в Ворсклу впадала речка Гравороны. Сейчас при устье этой речки на левом берегу Ворсклы находится современный г. Грайворон.

На Раковых горах стоял второй караульный острожек, окруженный рвом. От острожка лесной завал тянулся на 6 верст, в ширину он имел 30 сажень и заканчивался на Дугиной поляне. От Дугиной поляны завал был «сечен по обе стороны реки Ворскла, с рога на рога». Здесь, на берегу Ворсклы, на самой Белгородской черте, находилось с. Доброе. «А то село поселилось того году, — пишет в своем донесении П. Зиновьев, — как поставлен город Хотмыжской»³¹.

В нескольких верстах от с. Доброго позже возникла де-

ревня Тополи³², ее отмечает в своем описании Белгородской черты П. Зиновьев. Оттуда шла засака к Избыльному логу, за ним стояли тарасы, за тарасами «к утесу» — надолбы. На горе сделан был еще один лесной завал длиной в версту, доходивший до Кротовой поляны. Оттуда завал шел к Пробойной горе. Здесь у старого татарского перелазы еще в 1640 г. одновременно с Хотмыжской крепостью был построен стоялый острог. Восточнее его шла засака по северному берегу Ворсклы, ближе к Хотмыжску засаки находились на обоих берегах реки.

Хотмыжск построен был в 1640 г. на старом Хотмыжском городище, там, где прежде, видимо, существовал древнерусский город³³. До основания г. Хотмыжска это старое городище было хорошо известно русским сторожевым отрядам. Расположенное на мысу коренного берега, образовавшем долиной р. Ворсклы и прилегающими к ней оврагами, городище доминировало над окружающей местностью. Крутые склоны со стороны речной долины достигают здесь 50-метровой высоты. Хотмыжское городище, единственное из городищ на берегах Ворсклы, названо в «Книге Большому чертежу»³⁴, в начале XVII в. оно было, видимо, самым заметным и известным из городищ верхней Ворсклы.

Хотмыжск был несколько больше Вольного. Длина его дубовых стен, поставленных стоячим острогом, составляла 347 сажень. Город имел 2 проезжие башни и 8 глухих. С трех сторон к городской стене примыкали крутые склоны, только с одной стороны — «у передних ворот» — был прорыт ров, за ним стояли в три ряда «столбцы дубовые». К реке Ворскле имелся тайный ход. В 1677 г. в городе насчитывалось 280 детей боярских «городовой службы», 85 стрельцов, 65 казаков, 19 пушкарей, 2 воротника. Гарнизон располагал 24 пушками³⁵. И древнерусский город и крепость XVII в.

³² Расположение старинных хотмыжских сел, лесов, некоторых урочищ хорошо видно на карте Хотмыжского уезда начала XVIII в., составленной геодезистом Иваном Хрущевым (БАН, отдел рукописной книги, рукописные карты XVIII в., ед. хр. № 307).

³³ Собранные на городище археологические материалы принадлежат, как считает И. И. Ляпушкин, к «славяно-русской культуре ранней (роменско-боршевского типа) и великокняжеской поры» (см.: И. И. Ляпушкин. Указ. соч., МИА, № 104. М.—Л., 1961, стр. 312).

³⁴ Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, стр. 63.

³⁵ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 271—272.

³¹ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 21.

располагались в пределах современного села Хотмыжска Борисовского района Белгородской области.

У Хотмыжска в середине XVII в. устроена была запруда; П. Зиновьев писал в 1669 г., что «прудовая вода от мельницы» занимала две версты вверх по реке от города. Дальше вверх по правому берегу Ворсклы вновь шел лес, который продолжался вплоть «до Карповского рубежа». В лесу была сделана засека. Границей между Хотмыжской и Карповской военными зонами являлся Мощинский Колодезь³⁶.

Длина Хотмыжского участка Белгородской черты составляла примерно 45 км (с учетом основных изгибов реки). Весь участок проходил по р. Ворскле. Как и в военной зоне Вольного, естественные препятствия имели здесь большее значение, чем искусственные инженерные сооружения. Оба эти вида препятствий для татарской конницы, как и повсюду на Белгородской черте, дополняли друг друга. В военной зоне Хотмыжска находилось три караульных острожка. Все они располагались ниже Хотмыжска по течению Ворсклы, на крутом правом берегу, у прежних татарских перелазов.

КАРПОВСКИЙ УЧАСТОК

Следующий, Карповский участок Белгородской черты состоял из двух резко отличавшихся друг от друга частей. Первая часть проходила по берегу Ворсклы, вторая — вдоль земляного вала. В первой половине было мало искусственных инженерных сооружений, вторая половина участка была полностью сооружена руками человека.

Карповский участок начинался от устья Мощинского Колодезя. По высокому правому берегу Ворсклы здесь, как и на соседнем Хотмыжском участке, рос лес. Вдоль берега реки была устроена засека, которая тянулась до самого г. Карпова и имела ширину от 40 до 60 саженей³⁷. Главным препятствием для татар здесь являлась не сама река, узкая и мелкая вблизи от своего истока, а болотистая речная долина и лесная засека на высоком правом берегу. Стоялых острогов на этом отрезке Белгородской черты не было.

Около г. Карпова лес по правобережью р. Ворсклы кон-

чался. Продолжать вести укрепленную линию дальше вверх по Ворскле не было смысла. Сама природа как бы побуждала русских строителей Белгородской черты сделать здесь, у урочища «Карпова сторожевья», поворот. На Карповом сторожевье существовало старое городище. Насколько нам известно, оно не изучено еще археологами. В монографии И. И. Ляпушкина нет даже упоминания о нем³⁸. Размеры этого старого городища сообщает в 1643 г. воевода Н. М. Боборыкин, который выбирал место для строительства г. Карпова. Любопытно, что Н. М. Боборыкин измерил «старый вал» и предлагал включить его в систему укреплений Карпова³⁹.

В XVI в. Карпово сторожевье было хорошо известно путивльским станичникам и организаторам сторожевой службы. Через него проходила «посольская дорога» от Путивля к Северскому Донцу. Еще в 90-х годах XVI в. выдвигался план строительства на нем крепости⁴⁰. Но стоялый острог построен был там только в 1644 г., через два года — в 1646 г. — он был перестроен заново и превращен в «жилой город» Карпов (см. гл. II).

Карпов располагался на высоком правом берегу р. Ворсклы. Как и большинство городов Белгородской черты, он был деревянным. Но в отличие от Вольного и Хотмыжска стены Карпова построены были более прочно — «по-городовому». Они состояли из соединенных между собою срубов, в которых бревна лежали горизонтально. На стенах было срублено 3 проезжие и 6 глухих башен. Периметр крепости равнялся 438 сажням. Город был окружен рвом, к реке был прорыт тайник. Гарнизон города состоял в 1677 г. из 211 стрельцов, 171 казака, 43 пушкарей, 38 драгун, 43 черкас, 4 воротников. Детей боярских в уезде было значительно меньше, чем служилых людей «по прибору»: 1 сын боярский числился по дворовому списку, 141 — в городской службе. В городе имелась 21 пушка⁴¹.

Ныне г. Карпова не существует. Его пригородные слободы, располагавшиеся к северо-востоку от городских стен, превра-

³⁸ См.: И. И. Ляпушкин. Указ. соч., МИА, № 104. М.—Л., 1961.

³⁹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 184, л. 97—99.

⁴⁰ Д. И. Багалей. Материалы., т. 1. Харьков, 1886, стр. 2—3.

⁴¹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 271.

³⁶ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 26.

³⁷ Там же, л. 28.

тились в современные села Казацкое, Драгунское, Стрелецкое в Яковлевском районе Белгородской области.

От Карпова Белгородская черта поворачивала направо почти под прямым углом — здесь начинался земляной вал. Вал шел не от самой реки. В низине, на заливном лугу, от берега Ворсклы к началу вала был поставлен острог — стена из больших, вкопанных в землю дубовых бревен, заостренных кверху. Острог тянулся на 180 саженей. Рядом с ним прорыт был ров, за рвом стояли надолбы. В середине острожной стены была срублена башня. В том месте, где острог примыкал к валу, находились ворота.

Высота земляного вала, по данным П. Зиновьева, составляла полторы сажени (3,2 м), ширина внизу, у основания вала — 4 сажени (8,4 м)⁴². С обеих сторон — «крымской» и «русской» — вал был укреплен. С наружной («крымской») стороны находился дубовый «ослон», который представлял собой сплошной ряд бревен, вкопанных в землю по склону вала. С русской стороны имелись столбы, поставленные в отличие от ослона не рядом друг с другом, а более редко. С внутренней стороны на валу располагались ступени, покрытые досками, по ним могли подняться наверх защитники вала. «На ослона и на столбах» положены были навры (долбленные пни), которые удерживали на валу катки — короткие толстые бревна. Их при необходимости можно было скатить вниз, на головы врагов. Широкий земляной вал высотой в два человеческих роста, покрытый дерном и укрепленный деревянным «ослоном», являлся для татарской конницы серьезным препятствием. Как и другие укрепления Белгородской черты, он практически исключал возможность внезапного прорыва татарских отрядов за черту.

За валом с «крымской стороны» находился ров глубиной в полсажени и шириной в 2 сажени. Это еще более увеличивало высоту вала снаружи. На участке, примыкавшем к г. Карпову, П. Зиновьев, кроме «старого» рва, описал и другой ров, длиной в версту, — «а тот ров копан для внешней воды, чтоб не отмывало валу»⁴³.

На Карповском участке на валу находилось 9 «земляных городков». Это были выдвинутые вперед за линию вала зем-

ляные укрепления, четырехугольные в плане. В случае нападения татар защитники вала, имевшие огнестрельное оружие, из земляного городка могли поражать врага с фланга. Из каждого городка хорошо были видны соседние городки. В земляных городках стояли посменно карповские служилые люди: в случае опасности («по вестям») — во всех, в спокойное время — не во всех. В среднем городке Карповской зоны — пятом от Карпова — была построена деревянная башня. В других городках имелись «караульные избы». Специальных названий городки Карповской зоны, видимо, не имели, их называют в документах «первым», «вторым» и т. д. Между четвертым и пятым городками, на болоте, вал прерывался. Здесь «промеж вала» стояла дубовая острожная стена длиной в 10 саженей. У девятого земляного городка, в месте пересечения валом оврага, под валом устроена была деревянная труба «для спуска внешней воды».

Как обычно, измерим протяженность разобранного нами участка. Получается примерно 24 км. Из них 12 км приходится на сравнительно спокойную зону по Ворскле и 12 км — на важный в стратегическом отношении район степного междуречья Ворсклы — Северский Донец у Муравской степной дороги.

БОЛХОВЕЦКИЙ УЧАСТОК

Следующий участок — Болховецкий был самым коротким участком Белгородской черты, он тянулся примерно на 11 км. Как и предыдущий, Карповский участок, он, несмотря на небольшую протяженность, занимал важное стратегическое положение, непосредственно перекрывая Муравскую степную дорогу — путь постоянных татарских вторжений в Россию в первой половине XVII в. Весь участок проходил вдоль земляного вала. Почти в середине участка, немного ближе к восточному рубежу, находился г. Болховец, или Болховой, четвертый город на Белгородской черте, считая с запада.

Болховец был построен в 1646 г. одновременно с земляным валом, на северной стороне речки Везеницы, там, где в нее впадал колодезь Болховец. В документах встречается два варианта названия города — Болховой и Болховец. П. Зиновьев при описании Белгородской черты в 1669 г. называет

⁴² ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 29 об.

⁴³ Там же, л. 30.

его «Болховец»⁴⁴. Мы также решили употреблять это название, хотя в документах середины XVII в., исходивших из Москвы, город чаще фигурирует как «Болховой». Название «Болховец» было удобнее, понятнее населению; в начале XVIII в. оно постепенно вытеснило слово «Болховой».

Рубежом между Карповским и Болховецким участками являлся «крутой боярак». Земляной вал пересекал его, а для спуска воды, как мы уже отмечали, устроена была «труба», относившаяся к Карповской зоне. В западной части Болховецкого участка, от границы с Карповским участком до г. Болховца на валу находилось четыре земляных городка. П. Зиновьев в своем донесении отмечал, что на Болховецком участке вал «таков же», как и на Карповском. Вал шел почти по прямой линии, с северо-запада на юго-восток, не делая поворотов. Это хорошо видно на карте Болховецкого уезда начала XVIII в., где нанесен «вал земляной старинный»⁴⁵. Следы вала сохранились и сейчас.

Болховец отличался от только что рассмотренных нами городов Белгородской черты. Вольный, Хотмыжск, Карпов были «деревянными» городами. Документы XVII в. называют Болховец «земляным» городом. Но это верно лишь частично. Болховец был одновременно и земляным и деревянным. Его окружал земляной вал, а «около вала», с внутренней стороны, была построена деревянная острожная стена. Городские укрепления благодаря этому как бы удваивались. При штурме города враг должен был сначала преодолеть земляной вал; спустившись с него, он оказывался перед дуговой стеной.

Город имел 3 проезжие башни и 4 глухие; длина стен с башнями составляла 524 сажени. К колодезю Болховцу был прорыт подземный ход — тайник. В составе гарнизона преобладали служилые люди «по прибору»: в городе имелось в 1677 г. 143 стрельца, 118 казаков, 18 пушкарей, 3 воротника. Детей боярских городовой службы было сравнительно немного — лишь 83 человека. Гарнизон располагал 16 пушк-
ми⁴⁶.

⁴⁴ Там же, л. 37.

⁴⁵ Карта Болховецкого уезда. БАН, отдел рукописной книги, рукописные карты XVIII в., ед. хр. 196. (Номер карты по каталогу В. Ф. Гну-чевой).

⁴⁶ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 270.

Пригородные слободы приборных служилых людей находились к западу и востоку от городской стены, у речки Везеницы. Наиболее опасное место было у Пушкарской слободы, расположенной западнее городской стены. Слобода была обнесена валом и рвом, за которым располагалась еще линия надолб. Сейчас бывшие пригородные болховецкие слободы превратились в современные села — Пушкарное, Казацкое, Стрелецкое. Находятся они в Белгородском районе Белгородской области. Если название древнего города Карпова совсем исчезло с географической карты, то название «Болховец» еще существует. Так называется ближайшая к Белгороду железнодорожная платформа на линии Белгород — Харьков и часть с. Стрелецкого.

Восточнее г. Болховца земляной вал шел вдоль р. Везеницы в сторону Белгорода. Здесь к Болховцу относился небольшой отрезок вала длиной примерно в 4 км. На нем располагались три земляных городка. В начале этого отрезка у самого города для проезда «сквозь вал» были сделаны ворота. У второго городка, как сообщает П. Зиновьев, «на валу учинен водяной спуск для вешней воды»⁴⁷. Такая же «сквозь вала труба водяная» сделана была за третьим городком. Эта труба обозначала рубеж между Болховецким и Белгородским участками.

БЕЛГОРОДСКИЙ УЧАСТОК

Белгород, административный центр Белгородского разряда и Белгородской черты, имел, как обычный «рядовой» город, свой участок. Западная его часть проходила по земляному валу, восточная — вдоль р. Северского Донца. Вал тянулся от «Болховецкого рубежа» до г. Белгорода на 2124 саженьях, или примерно на 4,5 км. Здесь находились три земляных городка. В первом из них, считая с запада, сделана была караульная башня. Вторая башня с проезжими воротами стояла на валу у самого Белгорода — «против Стрелецкой слободы»⁴⁸.

⁴⁷ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 38.

⁴⁸ Там же, л. 42.

О времени основания Белгорода и переносе Белгородской крепости к земляному валу выше уже говорилось (см. главы I и II). Новая Белгородская крепость, построенная в 1650 г., не раз перестраивалась и укреплялась во второй половине XVII в. Сохранилось несколько описаний Белгорода. Мы берем за основу довольно подробное описание города из Белгородской годовой сметной книги, составленное осенью 1676 г.⁴⁹, при необходимости сравниваем его с другими описаниями Белгородской крепости.

Белгородская крепость была вытянута с запада на восток, вдоль северного берега р. Везеницы и состояла из двух частей. Документы XVII в. подчеркивают наличие в Белгороде «двух городов». Западная, меньшая часть — это «деревянный город». Его окружала дубовая острожная стена с трех сторон: с западной, северной и восточной. С юга, со стороны р. Везеницы, деревянный город был прикрыт земляным валом, шедшим к Северскому Донцу с запада, от Карпова и Болховца. Строители Белгородской крепости использовали в 1650 г. насыпанный перед этим земляной вал и просто «пристроили» к нему три деревянные стены. Высота стен составляла примерно 5 м (две сажени до обломов и три венца обломов). В деревянном городе было четыре проезжих и семь глухих башен. Около проезжих башен были сделаны «земляные отводные городки». Такие выступы позволяли гарнизону вести фланговый огонь по осаждающим.

Периметр деревянного города равнялся 558 саженьям (1,2 км). За дубовыми острожными стенами был прорыт глубокий и широкий ров: 3 сажени в глубину и 3 — в ширину. Однако песчаная почва не позволяла долго сохранять такую большую глубину рва. Его стены осыпались, что неизменно отмечалось в описаниях Белгородской крепости⁵⁰. Заново ров был выкопан в 90-х годах XVII в. во время больших ремонтных работ в Белгороде. На этот раз его сделали более широким (5 сажень), но менее глубоким (2 сажени), обложили дерном⁵¹.

Связь между двумя частями Белгородской крепости поддерживалась через Никольские ворота, расположенные в се-

редине восточной стены деревянного города. Здесь, на Никольской башне, над воротами, в 1669 г. были установлены большие часы с боем⁵². Место для часов выбрано было удачно: они были видны и слышны в обеих частях крепости. В других южных русских городах мы не находим в то время башенных часов. Наличие часов в Белгороде как бы подчеркивало ведущую роль этого города среди других городов Белгородского разряда и крепостей Белгородской черты.

«Земляной город», построенный позже «деревянного», примыкал к последнему с востока и был значительно больше его по размерам. Длина земляного города с трех сторон составляла 1887 сажень или примерно 4 км. В нем имелось в 1676 г. 3 проезжие и 5 глухих башен. Четвертую, западную сторону земляного города занимала восточная стена города: деревянного. Земляной город доходил до самой реки — Северского Донца. От его восточной стены начинался деревянный мост, который в источниках XVII в. называется «Большим Донецким» или «Большим Белгородским». Длина его вместе с гатью составляла 265 сажень (564 м), ширина — 2 сажени: с четвертью (4,8 м)⁵³.

В 60—70-х годах XVII в. земляной город по сути дела был лишь наполовину «земляным». Земляные валы прикрывали его с юга и севера. Южную сторону составлял старый земляной вал, построенный между Ворсклой и Северским Донцом еще до переноса Белгорода на правый берег Северского Донца. С северной («московской») стороны был насыпан новый вал, более высокий и широкий. С востока, со стороны Северского Донца, земляной город был защищен не валом, а деревянной острожной стеной. Кое-где, «на болотных местах», вместо острожной стены сделаны были тарасы. Укрепления южной и восточной сторон хорошо дополнялись естественными препятствиями для татар — реками Везеницей и Северским Донцом. Наиболее уязвимым был Белгород с северной стороны. Здесь на валу были установлены дополнительные укрепления — туры.

В земляном городе размещалась главная канцелярия Белгородского разряда — Разрядная изба. Воеводские дворы су-

⁴⁹ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 46—88.

⁵⁰ Там же, л. 47 об. См. также: ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 258.

⁵¹ См.: В. И. Кошелев. Чертеж Белгорода Меньшого. «Известия ВГПИ», т. 12, вып. 1. Воронеж, 1950, стр. 149.

⁵² ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 49.

⁵³ Там же, л. 58. Этот мост существовал и в XVIII в.; он показан, в частности, на плане Белгорода 1785 г. (ЦГАДА, карты ген. межд. Курская губерния, ед. хр. 103).

ществовали в обоих «городах». Тайников (подземных ходов) в Белгороде не было. Город находился на низком месте, и воду было легко доставать из колодцев. Несмотря на большие размеры Белгородской крепости, ее территория по обыкновению не вмещала всех жителей: за пределами городских стен находились слободы. Одна из слобод — Станичная — размещалась даже за Северским Донцом, на его левом берегу⁵⁴.

В Белгороде — административном центре Белгородского разряда — нередко находились служилые люди из других городов. Довольно велик был и собственно белгородский гарнизон. В городе и уезде насчитывалось в 1676 г. 2074 «служилых и жилецких людей, и их детей, и свойственников»⁵⁵. В Белгородском уезде «служилых по-отечеству» было больше, чем «служилых по-прибору». В 1677 г. по Белгороду числилось 756 служилых по отечеству, главным образом детей боярских городской службы. Из людей приборных чинов было много «станичников, ездовых и вожей» (211), имелось также 70 пушкарей, 45 казаков⁵⁶.

От Белгорода Белгородская черта резко поворачивала направо и шла на юго-восток, вдоль Северского Донца. Этот поворот вниз по Северскому Донцу, в сторону р. Нежеголи, хорошо отмеченный в источниках, совершенно не отражен в литературе. Белгородская черта большим полукругом, выгнутым к югу, опоясывала села и деревни, возникшие в конце XVI в. и в первой половине XVII в. юго-восточнее Белгорода, на берегах рек Разумной, Кореня и Корочи. Вниз по Северскому Донцу Белгородский участок тянулся примерно на 25 км.

От моста, расположенного у Станичной слободы, по левому берегу Северского Донца стояли надолбы на 380 саженьях. Они доходили до деревни Колодезной, которая имела, как отмечает П. Зиновьев, и другое название — «Ольшанец». П. Зиновьев нашел на берегу Северского Донца на Белгородской черте три деревни с одинаковым названием «Ольшанец». Все

⁵⁴ В настоящее время в Белгороде не сохранилось следов земляного вала. Место «деревянного города» второй половины XVII в. совпадает с центром современного Белгорода. Деревянный город пахотился к западу от нынешней площади Революции. «Земляной город» занимал территорию к востоку от площади Революции, по обе стороны современного проспекта Ленина, вплоть до вокзала и р. Северского Донца.

⁵⁵ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 88.

⁵⁶ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 257.

они стояли на берегах колодезей — ручьев, впадавших слева в Северский Донец. Берега ручьев, видимо, покрыты были зарослями ольхи — ольшаниками, которые и дали название деревням. Наличие у трех соседних деревень одинаковых названий, естественно, вызывало неудобство. Уже в XVII в., как видно из донесений П. Зиновьева, два из трех Ольшанцев приобрели дополнительные названия, которые позже вытеснили прежние. Эволюцию названий этих деревень можно проследить по карте XVIII в., на которой осталась лишь одна деревня с названием Ольшанец (современное село Нижний Ольшанец). Третья, самая южная деревня Ольшанец, подписана на карте уже по-новому — «Пристань»⁵⁷.

От первого Ольшанца к устью речки Разумной рос лес, находились болота. Далее по направлению ко второму Ольшанцу стояли надолбы на 880 саженьях, затем шел земляной вал длиной в версту (2,1 км), затем снова надолбы — на 390 саженьях. За вторым Ольшанцем находился вал длиной в 690 саженьей. В середине вала был расположен земляной городок⁵⁸. В нем располагалась сторожка, где постоянно находились 6 служилых людей. Высота земляных валов, насыпанных юго-восточнее Белгорода, составляла 1,5 сажени, ширина у основания — 3 сажени,верху — полсажени. Как и земляной вал Карпов-Белгород, эти валы имели дубовый ослон «с крымской стороны» и столбы — «с русской». На валах по обыкновению находились навры и катки. Второй вал заканчивался в лесу. «И от того земляного вала до деревни Ольшанца ж к Масловой пристани пошел лес и болота», — сообщает далее П. Зиновьев⁵⁹. За Масловой пристанью, вниз по берегу Северского Донца опять стояли надолбы длиной в 235 саженьей. Около надолб находился караульный дубовый острожек, в нем размещалась вторая белгородская сторожка, состоявшая из 5 человек.

Дальше тянулся на восток до р. Кореня, километров на десять, «черный лес». В юго-восточном направлении дубовый лес доходил до устья р. Нежеголи. Напротив этого леса, на

⁵⁷ ЦГАДА, карты ген. меж., Курская губерния, ед. хр. 5, атлас Белгородского уезда, ч. 1.

⁵⁸ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 49. Следует отметить, что этот столбец имеет две нумерации листов. Новая нумерация доводится до 49 листа, затем следует лист № 45 по старой нумерации.

⁵⁹ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 45 (старая нумерация).

правом берегу Северского Донца, за рекой, «против бродов на горе» располагалась третья белгородская сторожа из 10 человек. Четвертая сторожа, также из 10 человек, находилась на южной опушке леса, на берегу р. Нежеголи «против бродов у хутора Ивана Маслова»⁶⁰. Дойдя вдоль Северского Донца до р. Нежеголи, Белгородская черта поворачивала к востоку.

Восточнее р. Корень был насыпан еще один земляной вал длиной в 740 сажень. У вала стояла проезжая башня, защищенная острожной стеной. Поблизости на валу был сделан и земляной городок. Здесь находилась пятая белгородская сторожа в составе 10 человек. Вал кончался у Короченского леса, севернее современного г. Шебекина. П. Зиновьев отметил, что прежде, «как был не сделан земляной вал», здесь стояли надолбы. После насыпки вала в 1654 г. надолбы оказались ненужными. У впадения в Нежеголь р. Корочи Белгородский участок заканчивался.

Помимо перечисленных выше пяти сторож, из Белгорода высылались еще две сторожи за р. Везеницу. Первая из них располагалась на Чугуевской дороге, «у Жареного кургана», примерно в 8 км южнее Белгорода. Вторая была выдвинута дальше к югу, к верховьям р. Лопани. В описаниях Белгородского участка черты 60—70-х годов XVII в., кроме сторож, упоминаются и станицы, выезжавшие «в города за чертой» и к Изюмскому броду «проверять сакмы».

Общая протяженность Белгородского участка черты, тянувшегося в общем направлении с северо-запада на юго-восток, составляла примерно 45 км. На участке мы встречаем различные типы инженерных сооружений. Кроме земляного вала, подходившего к Белгороду с запада и являвшегося продолжением Болховецкого участка, в Белгородском уезде «по черте» были сооружены еще три коротких земляных вала, общей длиной в 4 км. Эти валы в сочетании с надолбами перекрывали безлесные промежутки по левому берегу Северского Донца и просвет между лесами у р. Корень. На валах по обыкновению располагались земляные городки. В пределах Белгородского участка находился один деревянный стоялый острог и две башни со сменными гарнизонами. Из 45 км Белгородского участка около 15 км занимали искус-

ственные сооружения: городские стены Белгорода, земляные валы, надолбы. Примерно 30 км приходилось на естественные препятствия для татарской конницы — густые леса, росшие вдоль Северского Донца, а также в низовьях рек Корень и Корочи.

НЕЖЕГОЛЬСКИЙ УЧАСТОК

Нежегольский участок Белгородской черты состоял из двух различных по своему значению отрезков. Первая, основная часть — это укрепления вдоль р. Нежеголи: земляные валы, надолбы. Здесь был расположен и г. Нежегольск. Все эти укрепления обращены были фронтом на юг; они закрывали путь татарским отрядам, прорывавшимся с Изюмской сакмы в Белгородский и Короченский уезды через перелазы на р. Нежеголи. Вторая часть Нежегольской военной зоны была обращена фронтом на восток. Здесь Белгородская черта поворачивала в северном направлении, а Нежегольский лес был естественным препятствием для татар.

Нежегольский участок начинался земляным валом, насыщенным в излучине р. Нежеголи. Его длина составляла 560 сажень (1,2 км), высота равнялась полутора сажням. У концов вала, непосредственно на берегах реки, устроены были надолбы. На валу располагались два земляных городка. За валом был прорыт ров шириной в полторы сажени и глубиной в сажень⁶¹. Второй земляной вал находился восточнее первого и тянулся на 820 сажень (1,7 км). Он доходил до городской стены Нежегольска. Вал защищал и пригородную Станичную слободу, расположенную к западу от крепости. На валу имелось три земляных городка, два «проезда сквозь вал» защищены были дополнительными линиями надолб.

Нежегольск был построен в 1654 г. на месте существовавшего прежде стоялого острога, на правом берегу р. Нежеголи, в 20 км от ее устья. Нежегольск был «земляным» городом, имел четыре проезжие и две глухие дубовые башни. Крепость занимала небольшую площадь, длина ее стен с башнями по периметру составляла 299 сажень. К р. Нежеголи был прорыт тайник, гарнизон располагал 6 пушками. Неже-

⁶⁰ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 85.

⁶¹ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 48—49; книги Белг. ст., № 97, л. 690.

гольск сравнительно поздно выделился из Белгородского уезда, поэтому возникший вокруг города Нежегольский уезд был невелик. В 1677 г. в Нежегольске значилось 92 сына боярских городово́й службы, 20 станичников, 12 пушкарей, 13 черкас, выполнявших городовую службу⁶².

Нежегольск получил название по реке. «Книга Большому чертежу» свидетельствует и о существовании старого Нежегольского городища, которое находилось на правом, западном берегу Северского Донца, немного ниже устья р. Нежеголи⁶³. Город, построенный в 1654 г., не имел с этим городищем ничего общего, кроме названия. В настоящее время г. Нежегольск превратился в село под названием Нежеголь. Оно находится в Шебекинском районе Белгородской области.

К востоку от г. Нежегольска продолжался земляной вал. Длина его составляла 1346 сажень (3,8 км)⁶⁴. На валу находились три башни и два земляных городка. В конце вала, у леса, существовал проезд, укрепленный надолбами. «Ездят сквозь вал на Валу́йку», — писал П. Зиновьев⁶⁵.

Вал упирался северо-восточнее г. Нежегольска в «большой черный Нежегольский лес». Лес тянулся в северном направлении «по село Стариково к Короченскому лесу» и входил в военную зону Нежегольска. Засек в лесу не было, они не требовались. Главные пути татарских набегов проходили стороной. Нежегольский участок заканчивался южнее с. Старикова у р. Корочи; здесь Нежегольский лес доходил в XVII в. до самой реки и смыкался с большим Короченским лесом, тянувшимся по правому берегу р. Корочи.

Протяженность Нежегольского участка составляла примерно 30 км. Однако из них только первые 10 км потребовалось укрепить искусственными инженерными сооружениями. Нежегольский участок был сравнительно спокойным местом Белгородской черты. Изюмская сакма проходила восточнее его. К тому же перед татарскими отрядами, отклонявшимися от Изюмской-сакмы, оказывалась еще одна преграда — р. Волчьи Воды (Волчья). Заросший лесами, пересеченный

⁶² ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 274.

⁶³ Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, стр. 70.

⁶⁴ Это данные П. Зиновьева (1669 г.). В Белгородской сметной книге 1676/77 г. говорится, что вал тянулся в длину на 1405 сажень.

⁶⁵ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 53.

реками, Нежегольский участок не очень привлекал татар. Сквозь него не было удобного прохода дальше, в центральные районы России.

КОРОЧЕНСКИЙ УЧАСТОК

Короченский участок Белгородской черты, как и предыдущий — Нежегольский, состоял из двух неравноценных по своему значению частей. Общая протяженность участка равнялась примерно 35 км. На двадцати восьми километрах он проходил по лесистому, почти неприступному для татар правому берегу р. Корочи; на семи километрах — по земляному валу. Эти последние семь километров были важнейшей частью короченской военной зоны. Здесь Белгородская черта подходила к Изюмской сакме — излюбленному пути татарских набегов.

Крайним южным пунктом Короченского участка было с. Стариково. Его можно найти на современной карте Белгородской области, на левом берегу р. Корочи. Но ведь Белгородская черта шла по правому берегу р. Корочи, — на это четко указывает П. Зиновьев. По первому впечатлению кажется, что с. Стариково находилось «за чертой». Но почему же тогда П. Зиновьев ничего не говорит об этом? Решить этот вопрос помогают нам географические карты XVIII в. На карте конца XVIII в. мы находим два села Старикова, — одно на правом, другое — на левом берегу р. Корочи⁶⁶. На картах XIX в. остается уже одно село, на левом берегу. Оказывается, в XVII в. село находилось на правом берегу, а в XVIII в. после прекращения татарских набегов «перешагнуло» через р. Корочу и расположилось в значительно более удобном месте.

К северу от с. Старикова вплоть «до короченского посада» тянулся «Большой Короченский лес». Вместе с болотистой поймой р. Корочи он представлял для татарской конницы почти непреодолимое препятствие. В нем, как сообщал П. Зиновьев, «конного проезду и пешего проходу не бывает»⁶⁷. Для наблюдения за движением татар по Изюмской дороге напротив Короченского участка Белгородской черты были

⁶⁶ ЦГАДА, карты ген. меж., Харьковская губерния, ед. хр. 25. атлас Волчанского уезда, ч. 3.

⁶⁷ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 55.

построены два стоялых острожка «за чертой»: Отсочный и Ивицкий. В них размещались «отъезжие сторожи».

Г. Короча располагался на правом, западном берегу р. Корочи. В плане крепость представляла собой пятиугольник, вытянутый с севера на юг, вдоль реки. Острый угол его был обращен к югу⁶⁸. Стены крепости были сделаны в XVII в. «по-городовому», из прочных срубов. Над стенами устроена была «крыша», покатая «в обе стороны». Длина крепостных стен составляла 264 сажени; крепость, как мы видим, была невелика. За крепостной стеной находился ров, укрепленный дубовыми бревнами. Тайник копать не понадобилось, так как в городе имелось 2 колодца с «доброй» водой. Пригородные слободы были защищены линией надолб, длиной в 1034 сажени (2,2 км). Гарнизон Корочи имел в 1677 г. 15 пушек. В городской службе значилось 288 детей боярских, 10 стрельцов, 73 казака, 20 пушкарей, 157 черкас⁶⁹.

Напротив города за р. Корочей начинался земляной вал, шедший к Яблонову⁷⁰. Он был выше и круче, чем вал Карпов-Белгород, уже рассмотренный нами. Высота его составляла «две сажени без чети»⁷¹ (3,7 м), ширина у основания — 3 сажени, ширина сверху — полсажени. С «крымской» стороны за валом по обыкновению находился ров. Вал был укреплен дубовыми бревнами. На том семикилометровом отрезке вала, который входил в военную зону Корочи, находилось семь деревянных башен. Седьмая башня называлась «межевой», здесь был рубеж короченской и яблоновской зон.

ЯБЛОНОВСКИЙ УЧАСТОК

Яблоновский участок был одним из самых важных и опасных на Белгородской черте. Здесь Белгородская черта перерезала Изюмскую степную дорогу, проходившую между р. Корочей и верховьями небольших правых притоков р. Оскола. На Изюмской дороге прежде находился «лес яблонов невелик», давший название роднику, а затем и городу на Белго-

родской черте. До строительства г. Яблонова татарская сакама обходила с двух сторон этот лесок, росший на возвышенности в степи.

Западный отрезок Яблоновского участка проходил по земляному валу. «Межевая» башня, относившаяся к военной зоне Корочи, делила земляной вал Короча—Яблонов на две примерно равные половины. В каждой половине было по 7 км. В яблоновской зоне на этом валу находилось 6 деревянных башен. Наиболее крупными башнями были средние — третья и четвертая. Земляной вал заканчивался у г. Яблонова проезжей башней. От нее к городу шел дубовый острог, острожная стена доходила до рва, окружавшего городские стены.

Г. Яблонов был построен в 1637 г. Важность стратегического положения Яблонова требовала наличия мощных городских укреплений. Мы также знаем (см. главу II), что Яблонову одно время отводилась роль центра всей создаваемой черты. Поэтому в отличие от соседних городов на Белгородской черте Яблонов имел две линии укреплений.

Наружный пояс укреплений называется в источниках «земляным городом». Земляной вал был укреплен здесь дубовым лесом, над валом «по всему городу нарублены облаты». Прочная стена земляного города, сделанная из земли и дерева, тянулась на 749 саженей. В ней располагалось 13 башен, в том числе 4 проезжие. Внутри земляного города находился «деревянный». Стены его были «рублены огороднями». Внутренняя крепость имела 3 башни, в том числе 1 проезжую и 2 глухие, длина деревянных рубленых стен с башнями составляла 150 саженей. Подземного хода к воде рыть в Яблонове не пришлось. На территории города находились три колодезь-родника с хорошей водой. В 1677 г. в городской службе в Яблонове значилось детей боярских — 403, стрельцов — 120, казаков — 101, пушкарей — 13, станичников — 13. Гарнизон располагал 30 пушками⁷². Ныне прежний г. Яблонов превратился в небольшое село Яблоново. Оно находится в современном Корочанском районе Белгородской области.

Яблонов располагался ближе к западному краю своего участка. Укрепления западного края яблоновской зоны, как мы видели, не блистали разнообразием, — здесь от корочеп-

⁶⁸ Это хорошо видно на плане Корочи начала XVIII в. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, ед. хр. 3539).

⁶⁹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 275.

⁷⁰ Вал хорошо заметен сейчас в пределах современного Корочанского района Белгородской области.

⁷¹ ЦГАДА, дела десятиц, № 261, л. 56 об.

⁷² ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 275.

ского рубежа к г. Яблонову напрямик через степь шел земляной вал. В восточной части яблоновской зоны искусственные инженерные сооружения Белгородской черты перемежались с естественными.

От Голубинских ворот Яблоновской крепости черта продолжалась в восточном направлении. От городской стены к началу земляного вала была построена дубовая острожная стена длиной в 28 сажень. У начала вала стояла деревянная башня под названием «Каланча»; около нее располагались ворота для «выезда в степь». Вал Яблонов — Холанский лес был темного ниже вала Короча — Яблонов. Его высота составляла полторы сажени. Земляной вал тянулся примерно на 9 км в восточном направлении. На валу располагалось 7 башен. Они были окружены земляными городками, а у проезжей Хмелевой башни был построен дубовый острог с бойницами. Последняя башня на валу называлась Холанской, за ней вал переходил в линию надолб, которые заканчивались в заповедном Холанском лесу.

Большого Холанского леса, описанного в источниках XVII в., сейчас не существует. На его месте, между реками Холанью, Осколом и Холком сохранились отдельные лески, рощи. Остался лесок и юго-восточнее современного с. Лозного, где когда-то проходила засека. От южной опушки Холанского леса начинался новый земляной вал, длиной в одну версту, который спускался в долину р. Холка и доходил «до болота». Вал заканчивался надолбами. «А болота и речка топка», — сообщает П. Зиновьев, — летом проезду и проходу нет»⁷³. На протяжении примерно шести километров Белгородская черта проходила здесь по речке Холку. Далее укрепления продолжались уже на правом берегу реки. Там, где к р. Холку с юга подходил Голубинский лес, начиналась новая линия надолб, а за ними был насыпан еще один вал — третий на участке от г. Яблонова до р. Оскола. Этот небольшой вал, длиной всего в 130 сажень, доходил до Голубинского леса. В середине вала стояла проезжая башня, от конца вала в глубину леса заведены были надолбы.

По правому высокому берегу р. Оскола, к югу от старинного села Голубина тянулся заповедный лес. До сооружения Белгородской черты этот лес вместе с Холанским лесом при-

крывал от татар с. Голубино и деревню Тростянец⁷⁴. Голубинским лесом завершался Яблоновский участок черты. В течение двух лет (1647—1648) после строительства Нового Оскола граница между Яблоновским и Новооскольским уездами проходила по р. Осколу. Но затем, в связи с трудностью заселения Нового Оскола и необходимостью привлечения туда новых жителей, правительство предоставило новооскольцам дополнительную льготу. Напротив города, в заповедном Голубинском лесу, за р. Осколом для них был выделен участок длиной в 3 версты и шириной в 1 версту. Благодаря этому Новооскольский уезд и Новооскольский участок Белгородской черты как бы «выдвинулись» западнее, за р. Оскол и потеснили Яблоновский уезд. Сохранившаяся часть заповедного Голубинского леса, прикрывавшая с юга вырубаемый участок, «в ширину две версты и больше» стала относиться уже к новооскольской зоне. Об этих мелких географических деталях довольно подробно пишет в своих донесениях П. Зиновьев⁷⁵.

По обыкновению сделаем некоторые подсчеты и сопоставления. Яблоновский участок Белгородской черты тянулся примерно на 40 км. Наиболее важным районом яблоновской зоны был западный край ее. Здесь находился и г. Яблонов, построенный на самой Изюмской дороге. Большое место в Яблоновском участке занимали земляные валы. Всего на участке насчитывалось четыре вала, общей протяженностью в 18 км. Один, крупнейший по своим размерам, шел на запад от Яблонова в сторону Корочи, три остальных находились в промежутке г. Яблонов — р. Оскол. В центральной и восточной частях Яблоновского участка в Белгородскую черту были включены естественные препятствия для татар: Холанский лес, болотистая долина р. Холка, Голубинский лес. Земляные валы и линии надолб соединяли между собой эти естественные рубежи. На Яблоновском участке находилось 15 башен, окруженных дубовыми стенами или земляными валами. Они являлись укрепленными пунктами на черте. Некоторые из них использовались и для наблюдения за степью.

⁷⁴ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 798.

⁷⁵ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 67.

⁷³ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 65.

НОВООСКОЛЬСКИЙ УЧАСТОК

Западный фланг Новооскольской зоны, как мы уже говорили в предыдущем разделе, выдвигался на правый берег р. Оскола, в Голубинский заповедный лес. Но укрепления Новооскольской зоны начинались фактически с левого берега Оскола и шли в восточном направлении, к верховьям Тихой Сосны. Г. Новый Оскол в отличие от других городов-крепостей Белгородской черты находился на краю своей военной зоны. Город был построен в 1647 г. на левом берегу р. Оскола при устье речки Белого Колодезя. В течение нескольких лет он имел другое название — Царев-Алексеев. Сохранилась строельная книга — подробнейшее описание только что построенного города, посланная воеводой В. Львовым в Москву в сентябре 1647 г.⁷⁶ Городская острожная стена была укреплена изнутри тарасами. Крепость имела 13 башен, из них 4 с воротами; была окружена рвом. Все башни были шестистенными. Наиболее высокие башни у Усердских проезжих ворот (14 саженьей) и у Валуевских проезжих ворот (13^{7/8} саженьей) находились на восточной и южной стенах. Почти с тридцатиметровой высоты этих башен хорошо был виден идущий к Верхососенску земляной вал и расположенный впереди, за чертой, на берегу Оскола Жестовой острожек. Этот стоялый острог, построенный на Жестовых горах, являлся своеобразным передовым укреплением Нового Оскола.

Какова же была длина городских стен с башнями? Различные источники дают разные цифры, так как город измеряли саженью разных размеров. По строельной книге 1647 г. окружность крепости составляла 569 саженьей, по «Описи городов» 1677/78 г. — 529 саженьей⁷⁷. И в том и в другом случае добавлено «с полусаженью», что говорит о довольно тщательных измерениях. Новооскольская сажень 70-х годов, несомненно, была ближе к «московской указной сажени» (2,13 м), чем сажень воеводы Львова в 1647 г. Ведь к 70-м годам предприняты были уже небезуспешные попытки унификации мер длины в России.

Гарнизон города располагал 26 пушками. В уезде в 1677 г. числился 301 сын боярский городской службы, 47 стрельцов,

⁷⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 292, л. 138—150.

⁷⁷ Там же, л. 149; ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 277.

96 казаков, 27 пушкарей. Недалеко от южной стены города начинался земляной вал. По обыкновению он не доходил до самой реки, а обрывался у заливного луга. Южнее городской стены от реки к валу шли надолбы на 110 саженьях, а затем дубовая острожная стена в 13 саженьей. Стена непосредственно примыкала к началу вала.

Земляной вал Новый Оскол — Верхососенск пересекал западные ответвления Кальмиусской сакмы. По данным П. Зиновьева, он имел высоту «две сажени без чети» (3,7 м), ширину у основания — 3 сажени, ширину вверху — полсажени⁷⁸. Как мы видим, его размеры совпадали с размерами вала Короча — Яблонов. Вал был укреплен дубовым ослоном. Но кое-где требовались и другие укрепления. Недалеко от Нового Оскола, «для того, что то место пещано», под валом были сделаны тарасы на 54 саженьях. Там, где вал пересекал речку Серебрянку (в 8 км от города), по ржавцу (болоту) «вместо вала поставлен острог дубовый по тарасам» — на 162 саженьях. На валу в новооскольской зоне находилось десять земляных городков и три деревянные башни.

Новооскольский участок земляного вала, особенно восточный его отрезок, удаленный от города, более других мест Белгородской черты подвергался атакам крымских татар. В 1673 г. татары выжгли «во многих местах» дубовый ослон, укреплявший вал. С помощью этого метода татарам удалось у стыка Новооскольского и Верхососенского участков прорваться в 1673 г. за Белгородскую черту. В «Описи городов» 1677/78 г. в восточной части новооскольской военной зоны упомянуто «проломное место, где прошел крымский хан»⁷⁹. Чтобы предотвратить в дальнейшем поджоги татарами деревянных укреплений земляного вала, жители Новооскольского уезда стали косить и сжигать траву за валом.

Новооскольский участок Белгородской черты тянулся, по измерениям П. Зиновьева, вдоль земляного вала на 9 верст 200 саженьей, или на 19,6 км. Продолжение земляного вала относилось уже к военной зоне Верхососенска. Поскольку новооскольский участок выдвигался и на правый берег р. Оскола, в лес, то общая его протяженность составляла примерно 24 км. В пределах Новооскольской зоны находился

⁷⁸ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 67 об.

⁷⁹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 277.

передовой Жестовой острожек «за чертой». На валу имелось 10 земляных городков,— в трех из них стояли деревянные башни.

ВЕРХОСОСЕНСКИЙ УЧАСТОК

Следующий за Новооскольским Верхососенский участок Белгородской черты начинался западнее речки Сосенки, примерно на стыке современных Новооскольского и Красногвардейского районов Белгородской области. На Верхососенском участке продолжался земляной вал, точно такой же по своим размерам, как и в Новооскольской зоне⁸⁰. В 1673 г. здесь, как и на Новооскольском участке, крымские татары во многих местах выжгли дубовый ослон. На валу от края Верхососенского участка до речки Сосенки находилось 8 земляных городков. У речки Сосенки местность понижалась. На залидном лугу земляной вал по обыкновению обрывался и продолжался уже в виде тарасов. Вместо вала были «рублены тарасы клетками косые», общей длиной в 21 сажень. Тарасы были засыпаны землей и дополнительно укреплены с южной стороны дубовым ослоном.

От Сосенки Белгородская черта делала небольшой поворот к северо-востоку в сторону города Верхососенска и Верхососенского леса. На валу между речкой Сосенкой и заповедным Верхососенским лесом было устроено 5 земляных городков. У конца вала располагался «деревянный городок». От городка в лес уходила линия надолб.

Верхососенск получил название по Верхососенскому лесу. Он был построен в 1647 г. и заселялся с большим трудом (см. главу II). Четырехугольный в плане, он был расположен на возвышенности, позади земляного вала. Город имел 5 башен, из которых 2 — с проезжими воротами. Длина городских стен, построенных «по-острожному», составляла 231 сажень. В 1677 г. в Верхососенске насчитывалось 96 детей боярских городовою службы, 105 стрельцов, 78 казаков, 16 пушкарей. Гарнизон располагал 5 железными и 3 медными пушками⁸¹. Пригородные слободы были окружены дополнительно линией надолб длиной в 272 сажени. Как говорится в до-

несении воеводы Верхососенска Н. Люшина (1677 г.), на верхососенском участке у земляного вала находилось постоянно 100 служилых людей, которые сменялись через трое суток.

От Верхососенска Белгородская черта поворачивала к югу и шла через Верхососенский лес, который сохранился и сейчас. Он находится к северо-западу от районного центра — с. Красногвардейского; через лес проходит проселочная дорога Красногвардейское — Верхо-Сосна. В 1669 г. П. Зиновьев нашел здесь засеку длиной в 3 версты и шириной в 44 сажени.

Общая протяженность военной зоны г. Верхососенска была сравнительно невелика и составляла примерно 14 км. Из них около семи с половиной километров приходилось на земляной вал, где располагалось 13 земляных городков и 2 деревянные башни. Вторая половина участка проходила по Верхососенскому лесу, где находилась лесная засека. Верхососенский участок заканчивался на южной опушке Верхососенского леса, вблизи современного с. Гридякина.

УСЕРДСКИЙ УЧАСТОК

Усердский участок Белгородской черты шел по левому, северному берегу Тихой Сосны. Эта река была в XVII в. значительно более полноводной, чем сейчас. Во многих местах ее окружали леса, болота, заросли камыша. Искусственные сооружения укрепленной линии здесь дополнились естественными.

Крайним западным укреплением Усердской зоны был стоялый острог при устье Гридякина Колодезя. Он располагался южнее современного с. Гридякина на берегу Тихой Сосны. Городок имел квадратную форму (13 сажень в длину и столько же в ширину), был обнесен деревянной стеной. В нем находились посменно служилые люди г. Усерда. Острожек этот имел два названия — «Раздорский» и «Гридякиш». Он был построен одновременно с г. Усердом в 1637 г. «в Сосенских раздорах». Раздорами тогда называлось место слияния двух истоков Тихой Сосны, — развилка, которая открывалась перед путниками, поднимавшимися по Тихой Сосне вверх.

Промежуток между опушкой Верхососенского леса и берегом Тихой Сосны был перегорожен надолбами. Они тяну-

⁸⁰ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 72.

⁸¹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 277.

лись «позади городка» на 650 саженях (1,4 км) и заканчивались «у болота», примыкавшего к Тихой Сосне. Надолбы не давали татарам прорваться мимо острожка на восток между Верхососенским лесом и р. Тихой Сосной. Вся линия надолб хорошо просматривалась из острожка. Описав стоялый острог у Гридякина Колодезя и надолбы, П. Зиновьев замечает: «А тот городок и надолбы поставлены на Кальмиуской сакме»⁸². Здесь находилось одно из ответвлений Кальмиусской дороги. Западнее Гридякина Колодезя существовал татарский брод через Тихую Сосну, описанный в 1636 г. Ф. Сухо-тинным и Е. Юрьевым. От Гридякина острожка и проходивших за ним надолб вниз по Тихой Сосне до г. Усерда П. Зиновьев в 1669 г. не нашел деревянных и земляных укреплений. Он сообщает, что здесь «на осьми верстах по обе стороны реки Сосны болоты, и мхи, и лес, и ивняк, и ольшняк частой.., проезду и проходу не бывает». Примерно на середине этого 17-километрового участка Белгородской черты находил-ся овраг — «Бирючий лог». Позже здесь возник г. Бирюч, ныне с. Красногвардейское, районный центр Белгородской области.

Усерд был построен в 1637 г. «на старом городище». Кре-пость была сделана добротнo, «рубленным городом» и суще-ствовала более полутора веков, до конца XVIII в. Место кре-пости и сейчас хорошо заметно на территории современного с. Стрелецкого. В плане форма крепости напоминала круг⁸³. Крепость имела 9 башен, из них 3 — проезжие. Окружность крепости равнялась 352 саженям (750 м). Снаружи около го-родских стен находился ров, за которым поставлен был ча-стокол. К Тихой Сосне из крепости был прорыт подземный ход. Гарнизон располагал 5 пушками. В 1677 г. в г. Усерде преобладали служилые люди по прибору: стрельцов было 137, казаков — 69, станичников — 43, пушкарей — 5, черкас — 8. Детей боярских городово-й службы насчитывалось 129 человек⁸⁴. За р. Тихой Сосной, напротив города, были постав-лены надолбы длиной в 466 саженей (около 1 км). Они при-крывали мост и подходы к городу с юга. Укреплены были и пригородные слободы. Ныне г. Усерда не существует. Его

⁸² ЦГАДА, дела десятиц, № 261, л. 79 об.

⁸³ План Усерда первой половины XVIII в. находится в ЦГВИА, ф. 349, оп. 40, ед. хр. 3137.

⁸⁴ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 278.

пригородная Стрелецкая слобода позже разрослась и «по-глотила» старый город. На современной географической кар-те мы видим на месте Усерда с. Стрелецкое.

У г. Усерда, немного ниже города, в Тихую Сосну впадала р. Усерд (теперь она называется Усердец). Примерно в 2 км за устьем Усерда находился знаменитый Каменный брод на Тихой Сосне, упомянутый в «Книге Большому чертежу» и

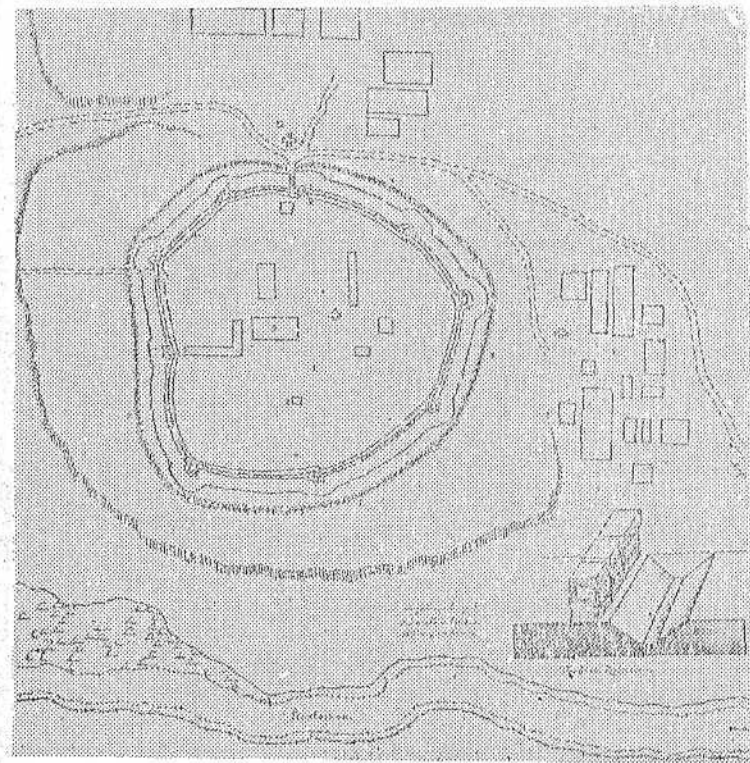

Рис. 9. План г. Усерда. Составлен в 1729 г. По сравнению с серединой XVII в. сократилось число проезжих башен. Хорошо видно расположение крепости и пригородных слобод. Приведен разрез крепостной стены и рва. Подлинник хранится в Центральном государственном военно-историче-ском архиве

подробно описанный Ф. Сухотиным и Е. Юрьевым в 1636 г. Любопытно, что П. Зиновьев в 1669 г. уже не употребляет термина «Каменный брод». За 32 года существования г. Усерда и других укреплений на берегах Тихой Сосны это место для окрестных жителей перестало быть «бродом». Не вспоминает П. Зиновьев и о соседнем с Каменным — Черемховом бросе.

Около устья р. Усерда ниже по Тихой Сосне находились «топи, и болота, и лес, и ивняк, и ольшняк», но уже поблизости — «от Поповой верети» — начиналась линия надолб⁸⁵. Северный берег Тихой Сосны у прежних излюбленных татарам бродов — Каменного и Черемхового был перекрыт надежно. Сначала на 935 саженьях стояли «двойные» надолбы, затем шли «надолбы тройные» на 12 саженьях. От надолб начиналась дубовая острожная стена высотой в полторы сажени (3,2 м) и длиной в 16 саженьей (34 м). Посреди стены стояла башня, которую П. Зиновьев называет «Нижней». Башня имела в высоту 24 венца бревен, наверху находилась караульная вышка: Дубовая острожная стена примыкала вплотную к земляному валу.

Земляной вал тянулся почти на 4 км до Иловского леса. Рядом с валом «с русской стороны» был устроен плетень, а за валом, по обыкновению, выкопан ров. Кроме уже упомянутой «Нижней» башни, у вала находилось еще три башни, в которых посменно дежурили служилые люди г. Усерда. В 600 саженьях от начала вала стояла «Большая башня». С нее за много километров можно было увидеть татар, если те пойдут по Кальмиусской дороге к Каменному или Черемховому бродам с юга. Но в 1669 г. караульной вышки на башне не было. «Вышку сломило бурей», — пишет П. Зиновьев. Земляной вал, насыпанный восточнее г. Усерда к Иловскому лесу, не сохранился до наших дней, но в 1901 г. его осмотрел и подробно описал воронежский краевед Е. Марков. Уже тогда во многих местах вал был запахан. Е. Марков встретил на валу людей, которые разрушали его по заданию помещика Петлина⁸⁶.

Лес и сейчас тянется к северу от Тихой Сосны в совре-

⁸⁵ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 80. Вереть — незаливаемая часть берега.

⁸⁶ Е. Марков. Валы защитной черты по реке Тихой Сосне. ТВУАК, вып. 2, раздел I. Воронеж, 1904, стр. 131.

менном Алексеевском районе Белгородской области километров на 20—25. В XVII в. он был больше, один из его отрогов подходил к берегу Тихой Сосны севернее современного с. Ильинки, там, где кончался земляной вал. Здесь, по описанию П. Зиновьева, в 1669 г. была «засака старая» длиной более двух верст и шириной в 40 саженьей⁸⁷. Западнее современного города Алексеевки Иловский лес отходил от Тихой Сосны влево, а вдоль реки — «в праворотье» шел второй земляной вал Усердской зоны длиной всего в 200 саженьей (420 м). В середине вала находилась деревянная башня с караульной вышкой. К концу вала примыкали надолбы, которые тянулись на 28 саженьей и заходили в лес. За надолбами опять шел «тот же Иловский лес», как пишет П. Зиновьев. В лесу «до Ольшанского рубежа» была устроена лесная засака. Граница между Усердской и Ольшанской военными зонами находилась у конца этой засаки.

Усердский участок Белгородской черты (с учетом поворотов) тянулся вдоль Тихой Сосны примерно на 42 км. Значительную роль играли на участке естественные препятствия. «Топи и болота» занимали примерно 19 км. На 15 км естественные препятствия дополнялись искусственными — там, где к реке подходил Иловский лес, устроены были лесные засаки. На остальных восьми километрах препятствием для татар были искусственные инженерные сооружения: земляные валы (в двух местах, общая длина 4,5 км), надолбы. В западной части участка находился один, довольно большой стоялый острог (Гридякин, или Раздорский), в восточной части у земляного вала — пять небольших острожков.

ОЛЬШАНСКИЙ УЧАСТОК

Ольшанский участок Белгородской черты проходил, как и Усердский, по р. Тихой Сосне. Стык Усердской и Ольшанской военных зон находился в большом Иловском лесу, примерно у современного с. Колтуновки Алексеевского района Белгородской области. В пределах Ольшанской военной зоны засака в лесу была устроена на двух верстах. Она выходила к восточной опушке Иловского леса, откуда начинался земляной вал. По обыкновению в лес заведены были надол-

⁸⁷ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 84.

бы, которые вплотную примыкали к валу. Размеры земляного вала были таковы: высота — полторы сажени, ширина внизу — три сажени, ширина сверху — полсажени. Среди вала построено было 5 деревянных башен. Общая длина земляного вала составляла примерно 4 км⁸⁸. От конца вала к г. Ольшанску шла острожная стена длиной в 171 сажень, высотой в 2 сажени.

Кроме засеки и земляного вала с башнями, к западу от Ольшанска в Ольшанской военной зоне находилась еще одна крепость. У старого татарского Чесночного брода примерно в 6—7 км выше г. Ольшанска был построен стоялый острог. Он располагался на правом, южном берегу Тихой Сосны, «за валом». Укрепление было окружено дубовой стеной и имело квадратную форму — 5×5 саженей. Острожек был хорошо виден с городских стен и башен Ольшанска. В донесении воеводы Р. Неплюева о строительстве острожка (1648 г.) острожек назван «Орловым»⁸⁹, он назывался также «Чесночным» по имени брода. Сейчас у бывшего Чесночного брода проходит граница Белгородской и Воронежской областей.

Ольшанск был построен осенью 1644 г. на старом городище, вблизи устья речки Ольшанки, которая теперь называется Камышенкой. Крепость имела четырехугольную форму и располагалась на высоком, обрывистом берегу Тихой Сосны. Превратившийся давно уже в село старый город называется теперь Верхне-Ольшан, а выселки из него за рекой — Нижне-Ольшан. В крепости было построено сначала 7 башен, но по описаниям 70-х годов XVII в. видно, что Тайницкая башня в то время уже не существовала, — оставалось 6 башен. Четыре башни располагались на углах крепости, две другие (проезжие) — в середине юго-западной и северо-восточной стен. Расположение башен хорошо видно на плане Ольшанской крепости первой половины XVIII в., сохранившемся в ЦГВИА и воспроизведенном нами в одной из статей⁹⁰.

Длина стен крепости равнялась 147 саженям. Форма старого городища предопределила сравнительно небольшие размеры Ольшанской крепости XVII в. Были защищены, как

⁸⁸ Там же, л. 90.

⁸⁹ Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. 8. СПб., 1875, стр. 274.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, ед. хр. 987. См.: В. П. Загоревский. Из истории городов на Белгородской черте. «Труды ВГУ», т. 64. Воронеж, 1966, стр. 22.

обычно, и пригородные слободы. К речке Ольшанке подходил плетень, засыпанный землею, рядом с ним стояли надолбы. В 1677 г. в Ольшанске насчитывалось 230 детей боярских городской службы, 92 стрельца, 75 казаков, 32 старичника, 11 пушкарей, 30 служилых черкас. Гарнизон располагал 8 пушками⁹¹.

К северо-востоку от г. Ольшанска у впадения в Тихую Сосну речки Ольшанки (Камышенки) и далее на 2 версты «до Плавного перелаза» вдоль Тихой Сосны рос лес. Здесь летом «проезду и проходу не бывает», — сообщал П. Зиновьев⁹². «Плавный перелаз» — новое название бывшего Вязова брода. Места бродов на Тихой Сосне не сохранялись неизменными в течение десятилетий. Кое-где река углубляла свое русло, кое-где мелела. Это явление подметил в 1901 г. Е. Л. Марков. Он с удивлением пишет, что там, где были раньше описанные в источниках Каменный и Осинный броды, никаких бродов нет⁹³. Зато появились броды в других местах.

У Плавного (Вязова) перелаза вдоль реки стояли надолбы. «Надолбы старого дела» тянулись на 498 саженях. П. Зиновьев пишет, что перед ними были поставлены в 1669 г. новые надолбы на 105 саженях. Далее вниз по реке вновь начинались «лес и топи», которые продолжались сначала до Осинового брода, а затем — до «Острогожского рубежа». У Осинового брода находился острожек. В отличие от Чесночного острога, Осиновый стоялый острог располагался на левом, северном берегу Тихой Сосны. Дубовой стеной была огорожена площадь размером 6×5 саженей. Высота острожной стены составляла примерно 3,7 м. Башни в Осиновом остроге не было, но у стен были устроены помосты — «кровати карaulьные». За острогом вниз по обоим берегам Тихой Сосны тянулись «топи и ивняк». Память о существовавших в XVII в. Осиновом броде и Осиновом остроге осталась в названиях современных сел: Осиновки и Ново-Осиновки.

По протяженности Ольшанский участок Белгородской черты был значительно короче Усердского. Длина Ольшанского участка составляла около 20 км. К юго-западу от Оль-

⁹¹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 279.

⁹² ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 91.

⁹³ Е. Марков. Указ. соч., ТВУАК, вып. 2, раздел 1. Воронеж, 1904, стр. 121, 131.

шанска вверх по Тихой Сосне Ольшанская военная зона тянулась примерно на 12 км (4 км — густой лес, 4 км — лесная засека в более редком лесу, 4 км — земляной вал). Вниз по Тихой Сосне Ольшанская зона занимала около 8 км. В Ольшанской военной зоне находились 2 стоялых острога и 5 башен на земляном валу. На небольшом Ольшанском участке мы находим все основные типы укреплений Белгородской черты: земляной вал, усиленный в отдельных местах тарасами, караульные городки (стоялые остроги), деревянные башни, лесную засеку, ряды надолб, а также естественные препятствия для татар: лес, болота вдоль реки, не дополненные никакими искусственными инженерными сооружениями.

ОСТРОГОЖСКИЙ УЧАСТОК

Следующий, Острогожский участок Белгородской черты начинался сразу же за Осиновым острогом. По данным П. Зиновьева, «от ольшанского рубежа» и далее «до Песковатого брода» вдоль Тихой Сосны тянулись болота, рос лес. Песковатый брод был перекрыт дубовым частиком, который стоял «по берегу реки Сосны в воде». П. Зиновьев замечает, что частик поставлен «в 174-м году» и что «тот частик крепок»⁹⁴. П. Зиновьев осматривал частик осенью 1669 г., или в 1718 году по старому русскому летоисчислению. За три с половиной — четыре года дубовые столбы в воде не утратили прочности. Позади частика, параллельно ему по берегу сделаны были «кобылины», представляющие собой наклонно вкопанные столбы. Этих укреплений, видимо, было достаточно. Между Песковатым и Полубенским бродами на 2 верстах снова тянулись «топи и болота». Полубенский брод также был перекрыт частиком, поставленным в воде на 26 саженьях. Болота и лес по обе стороны Тихой Сосны продолжались и ниже Полубенского брода, вплоть до г. Острогожска. «Летом проезду и проходу здесь не бывает», — сообщает об этих местах П. Зиновьев.

Острогожск был построен в 1652 г. поблизости от впадения в Тихую Сосну речки Острогощи и получил имя по этой речке. Длина крепостных стен, поставленных «по-острожному»,

составляла, по данным «Описи городов» 1677/78 г., 490 саженьей. Город имел 9 башен, крупнейшей из которых была Московская. Как явствует из строельной книги Острогожска, наблюдатели, находившиеся на Московской башне, видели верховья речек Лиски, Марка и Татарины линияг⁹⁵, расстояние до которого по прямой линии 33 км. В 50—60-х годах существовал тайный ход из крепости к колодезю, но затем колодец «занесло мелом». По сравнению с Ольшанском Острогожская крепость имела недостаток. Она была построена не на такой береговой круче, как Ольшанск, а лишь на небольшой возвышенности левого берега Тихой Сосны. Более высоких мест поблизости не было. Но этот недостаток компенсировался высотой одной из острогожских башен.

В 1677 г. в Острогожске насчитывалось 70 детей боярских городовою службы, 38 стрельцов, 36 станичников, 18 пушкарей. Большую часть гарнизона составляли черкасы — украинские переселенцы, выполнявшие городовую службу. Служилых черкас в городе было 277. Гарнизон располагал 10 пушками. В Острогожске имелись и посадские люди — 42 человека⁹⁶. Пригородные острогожские слободы защищались надолбами, которые в 1669 г. были заменены земляным валом и рвом⁹⁷. Этот вал протяженностью примерно в 1,6 км сохранялся и в XVIII в.

На Острогожском участке мы встречаемся с интересной попыткой включить в Белгородскую черту древние оборонительные сооружения. Поперек р. Острогощи между лесами за много столетий до сооружения Белгородской черты был насыпан земляной вал длиной более 1 км; документы середины XVII в. называют его «старинным валом»⁹⁸. В конце 40-х годов XVII в., когда эти места относились к Коротоякской зоне, вал был подправлен, среди него поставлены две башни, в лесу устроены засеки. Вал совместно с лесными засеками закрывал дорогу татарам в том случае, если бы они переправились через Тихую Сосну.

После строительства Острогожска вал оказался позади главных укреплений. У П. Зиновьева возникло сомнение:

⁹⁵ Липяг — роща на возвышенности.

⁹⁶ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 280.

⁹⁷ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 98.

⁹⁸ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Вып. 16. Воронеж, 1889, стр. 1893.

⁹⁴ ЦГАДА, дела десятиен, № 261, л. 93 об.

включать этот вал в число укреплений Белгородской черты или нет? П. Зиновьев спросил об этом у местных жителей. «По сказке острогожан жилицких всяких чинов людей, — пишет он, — тот вал и засека стали в черте»⁹⁹. Жители Остроужского правильно поняли суть Белгородской черты как таковой укрепленной линии, которая могла состоять из нескольких линий, иметь передовые и тыловые укрепления.

На Остроужском участке Белгородской черты существовали и передовые укрепления за р. Тихой Сосной. Таких укрепленных пунктов было два. Первый из них прикрывал подходы к г. Остроужску с юга. «За рекою Сосною против города на крымской стороне, в займище, от города в версте меж болот и лесов поставлен острог дубовый», — сообщает П. Зиновьев¹⁰⁰. Дубовая стена высотой около 4 м тянулась почти на полкилометра (225 саженей) «от лесу до лесу и топей». В середине стены располагался деревянный городок. В нем находилась башня с караульной вышкой и проезжими воротами. «От Остроужского в трех верстах» (6—6,5 км) находился «Отъезжий городок», устроенный на Лубянском кургане и выполнявший роль второго передового наблюдательного и опорного пункта. Здесь стояла башня, окруженная деревянной стеной высотой в 2 сажени. Сменный гарнизон Отъезжского городка вел наблюдение за степью, а также в случае необходимости мог открыть огонь с тыла или фланга по подходящим к Остроужску татарам.

В 4 км ниже Остроужска на левом берегу Тихой Сосны был построен на бывшем татарском перелазе Истобный острожек. Берега Тихой Сосны между Остроужским и Истобным острожком заросли лозняком, были топкими и болотистыми, летом практически непроходимыми. Истобный острожек представлял собой огороженную дубовой стеной территорию в 16 кв. саженей, перед ним на берегу Тихой Сосны установлен был «частик в колодах» на 214 саженях. Ниже Истобного острожка до следующего укрепления — Рыбинского острожка вновь тянулись болота. Высота стены Рыбинского острога была такая же, как и в Истобном остроге — «две сажени без чети» (3,7 м), но огорожена стеной здесь была значительно большая территория — 49 кв. саженей. По

обе стороны от Рыбинского острожка, к лесу и болотам, стояли надолбы.

Любопытно, что еще в 1668 г. Истобный и Рыбинский стоялые остроги находились в военной зоне г. Коротояка¹⁰¹. П. Зиновьев же осенью 1669 г. включает их в военную зону Остроужска¹⁰². Расширение Остроужского участка Белгородской черты в восточном направлении и отнесение острожков к Остроужску произошло, видимо, летом 1669 г. Оно связано с размежеванием Остроужского и Коротояцкого уездов, которое проводилось в связи с земельными спорами между остроужскими черкасами и детьми боярскими Коротояцкого уезда.

Протяженность Остроужского участка Белгородской черты, даже после расширения его в сторону Коротояка, была невелика и составляла примерно 20 км. Большую часть участка занимали естественные препятствия для татарской конницы — болота, сплошные заросли ивняка вдоль Тихой Сосны. Остроужский участок шел по Тихой Сосне, по ее левому берегу. Существовала и вторая, тыловая линия обороны, постепенно утрачивавшая свое значение. На Остроужском участке, непосредственно «на черте» находилось два стоялых острога, были и два передовых острожка за Тихой Сосной.

КОРОТОЯКСКИЙ УЧАСТОК

В 1669 г. Коротояцкий участок начинался примерно в 4 км севернее Рыбинского острога, там, где к Тихой Сосне примыкал земляной вал длиной в 498 саженей. Этот вал, как и вал поперек речки Остроги, входил во вторую линию укреплений. Он мог понадобиться защитникам Белгородской черты только в том случае, если бы татары перешли Тихую Сосну у Рыбинского острога и устремились к Коротояку. Но таких прорывов не было, и вал оказался ненужным. В 1669 г. вал фактически не был завершен: в трех местах оставлены места для башен, а башен не было. П. Зиновьев распорядился все же привести вал в порядок. Распоряжение П. Зиновьева было выполнено, — «Опись городов» 1677/78 г. уже отмечает наличие на этом валу трех башен: одной проезжей и

⁹⁹ ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 96. Вал хорошо заметен поблизости от современного с. Волошина.

¹⁰⁰ Там же, л. 97.

¹⁰¹ См.: Д. И. Багалей. Материалы..., т. I. Харьков, 1886, стр. 58.

¹⁰² ЦГАДА, дела десяти, № 261, л. 98—100.

двух глухих¹⁰³. Вниз по Тихой Сосне от вала тянулись леса и болота. Белгородская черта, не доходя немного до устья Тихой Сосны, поворачивала на север к Коротояку.

Город Коротояк был построен на правом, высоком берегу Дона в 1647 г. Крепость имела 8 башен и в плане напоминала квадрат. Высота крепостных стен, срубленных «по-городовому», равнялась 2 саженьям, длина стен составляла 396 саженьей (832 м). С трех сторон за крепостной стеной был ров, с четвертой (северо-восточной) находился крутой обрыв к Дону. Несмотря на наличие в крепости двух колодцев, существовал подземный ход длиной в 70 м. Он выходил к Дону и мог быть использован не только для снабжения крепости водой, но и для неожиданных вылазок гарнизона в случае осады. Пригородные слободы опоясывала полукругом дополнительная линия укреплений, которая выходила к Дону южнее и севернее города. Она состояла главным образом из двух параллельных плетней, скрепленных сверху. Между плетнями была насыпана земля. Высота конструкции равнялась 1 сажени. А. Еропкин в 1669 г. определил длину этой наружной линии укреплений в 2189 саженьей (4,6 км)¹⁰⁴. В южном и восточном направлениях «за черту» выезжали станицы, а впереди коротоякских укреплений, у Богатого затона — излюбленного места русских сторожек XVI в. — находилась сторожка. В Коротоякском уезде в 1677 г. числилось в городской службе 502 сына боярских, 301 казак, 176 стрельцов, 16 пушкарей, 41 станичник, 21 черкас. В городе имелось и посадское население — 33 двора¹⁰⁵.

Начиная от Коротояка Белгородская черта поворачивала на север и шла по правому высокому берегу Дона, к устью р. Воронеж. Широкий, полноводный Дон являлся серьезным препятствием для татарской конницы. Здесь не было бродов, как на Тихой Сосне, но имелись «татарские перелазы» — излюбленные татарами места переправ.

На правом берегу Дона не было необходимости в создании сплошной линии укреплений. Города и стоялые остроги на высоком правом берегу должны были в первую очередь обеспечить наблюдение за всей левобережной придонской степью, не допустить неожиданного приближения кочевни-

ков к Дону. Природные условия позволяли это сделать. С вершин меловых холмов, подступавших к Дону, открывался прекрасный вид за Дон, на восток. Но одного наблюдения, естественно, было мало. Для недопущения переправ татар через Дон нужно было иметь и достаточные военные силы. Эти силы были сосредоточены в городах и стоялых острогах, построенных, как правило, непосредственно у бывших «татарских перелазов». Кое-где на донских берегах стояли надолбы, тарасы. Но главным препятствием являлся сам Дон и

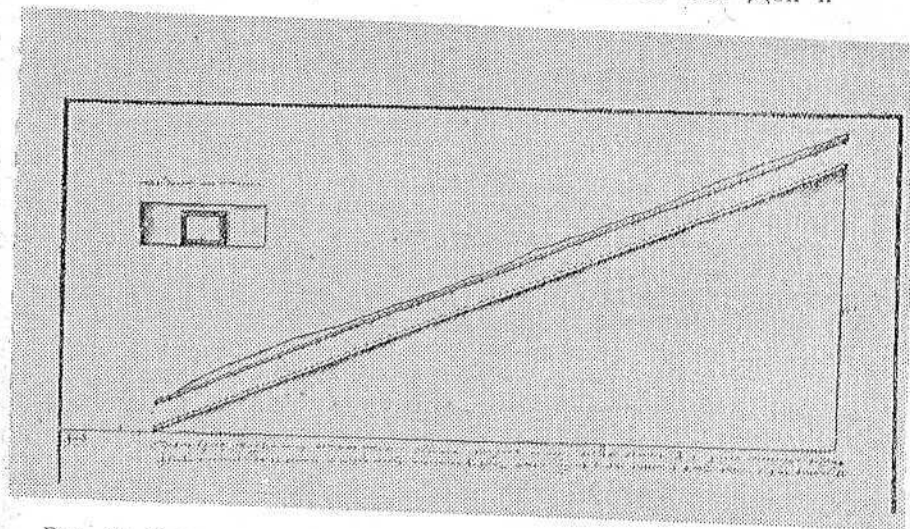

Рис. 10. Чертеж коротоякского тайника. Составлен в начале XVIII в. Под рисунком написано: «Профиль в длину подземному ветхому тайнику из замка к реке Дону...» Надпись слева сверху: «Профиль в ширину одного тайника». Подлинник хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве (ф. 349, оп. 17, д. 3539)

русские крепости с военными гарнизонами на берегах его. Преодолеть Дон татарам было, конечно, не легче, чем земляной вал в степи.

Изучая Коротоякский участок Белгородской черты, мы встречаемся здесь с интересной особенностью, которую не видели раньше, в западной половине черты. У Коротояка был «пригород» — городок Урыв, который не имел своей во-

¹⁰³ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 282.

¹⁰⁴ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 89.

¹⁰⁵ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 282.

енной зоны на Белгородской черте. Военную и гражданскую власть в Урыве осуществлял не воевода, а «приказный». Вокруг Урива так и не сложился собственный уезд.

Как мы уже отмечали, сплошной линии укреплений на правом берегу Дона на Коротоякском участке Белгородской черты не было. Севернее Коротояка справа в Дон впадает р. Потудань. Поблизости от устья Потудани берег был заболочен, непроходим. Надолбами длиной в 1130 сажень был перекрыт лишь Худяков яр; другие надолбы и небольшой лесной завал прикрывали также с. Девицу, расположенное при впадении в Дон р. Девицы (Красной Девицы). Выше по Дону у татарского перелаза и был построен в 1648 г. городок Урыв. Крепость имела четырехугольную форму и располагалась на высоком берегу Дона. Окружность деревянных стен равнялась 120 сажням, городок имел 4 глухие башни и одну проезжую. С трех сторон городок был защищен рвом, «подле рва» имелись и надолбы. С четвертой стороны Урыв прикрывала донская круча. Гарнизон Урива был невелик. В 1677 г. в Урыве насчитывалось 42 человека детей боярских городской службы, 10 служилых черкас, 1 пушкарь. Гарнизон располагал 3 пушками. Большинство черкас, проживавших в Урыве, несло полковую службу в Остроужском казачьем полку. Место деревянной крепости XVII в. хорошо заметно и сейчас на территории с. Урива, на самом обрыве. Дон медленно подмывает здесь правый берег; часть площадки, где триста лет назад находился городок, обрушилась в воду.

За Урывом на Коротоякском участке Белгородской черты на правом берегу Дона находились два караульных острожка. Ближний к Урыву был построен в 1654 г. «на Черкасской поляне», почти напротив устья речки Хворостани, чуть выше его. Его стена имела обламы и скаты. В одном из углов к острожной стене пристроена была башня. «А видеть с той башни за реку за Дон на нагайскую степь далече, — сообщал в 1654 г. коротоякский воевода О. Сукин, — и на татарский перелаз на устье речки Форосани»¹⁰⁶. Второй острожек был построен на год раньше, в 1653 г. Он располагался также на меловой горе, «на Голышевском старом городище». Раскопки советских археологов на Голышевском (Архангель-

ском) городище доказали существование на нем поселений различных эпох¹⁰⁷. В ходе раскопок обнаружались и следы острожка XVII в. В караульных острожках стояли, «перемениаясь понеделѣцѣ», служилые люди. В 50-х годах XVII в. около этих острожков возникли у Дона, на черте, села Селявное, Сторожевая поляна (ныне — Сторожевое) и Голышевка (ныне — Архангельское). За вторым острожком, примерно у северной окраины современного села Архангельского, заканчивался Коротоякский уезд и начинался Воронежский.

Описание Коротоякского участка Белгородской черты будет, однако, неполным, если не упомянуть сел «за чертою». Левобережье Дона около устья речки Хворостани (Форосани), а также р. Хворостань и ее берега стали с 1626 г. вотчиной Воронежского Покровского монастыря. Хотя этот женский монастырь и добился получения огромной территории прежнего откупного ухажья, он не смог заселить ее и освоить. В середине XVII в., во время строительства на правом берегу Дона укреплений Белгородской черты, за Доном в Форосанском ухажье существовала одна деревня монастырских крестьян — Форосань. Монастырские крестьяне участвовали в сооружении укреплений на правом берегу Дона, за которыми могли при необходимости укрыться в случае татарского набега¹⁰⁸. Монастырь был привлечен и к охране черты. В 1654 г. в острожке на Черкасской поляне в составе сменного гарнизона находились «Покровского девичья монастыря деревни Форосани 4 человека крестьян с ружьем»¹⁰⁹.

Слабостью монастыря пытались воспользоваться коротоякские помещики — «Аношка Голобоков с товарищью». Они захватили земли на левобережье Дона около устья р. Хворостани. Здесь возникло село и три деревни. А. Еропкин, осматривавший в 1669 г. Белгородскую черту, доносил об этом в Москву так: «Да на Белгородской же, государь, черте, на Ногайской стороне, за рекою за Доном, за крепостями против Коротояка, с полевой с приходной стороны, поселились

¹⁰⁷ См.: А. Н. Москаленко, А. З. Винников. Древнерусские археологические памятники на верхнем и среднем Дону (Материалы к археологической карте). «Труды ВГУ», т. 64. Воронеж, 1966, стр. 55—56.

¹⁰⁸ Так, в 1650 г. на Черкасской поляне, где позже, в 1654 г., построен был острожек, «засеку засекали Урывского острогу дети боярские да сельца Форостани крестьяне» (ЦГАДА, книги Белг. ст., № 30, л. 9).

¹⁰⁹ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 30, л. 28.

¹⁰⁶ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 30, л. 28.

коротояченя дети боярские — село Аношкино да три деревни: Мегенева, Коркина да деревня Прогорелая. В приход воинских людей тому селу Аношкину и деревням, и от того села Оношкина и деревень через реку Дон на русскую сторону в Коротояцкой уезд и в иные твои, государевы, украинные городы и в уезды, которые построены по черте в крепостях, чают от них великие порухи и воинским людем через реку Дон и через крепости большого проводу»¹¹⁰.

Ответа на это донесение нам найти не удалось. Но смысл его (если ответ был) можно предвидеть. Царское правительство всегда требовало, чтобы возникавшие «за чертой» пашни, пасеки, сенокосы никак не вредили Белгородской черте в целом. Видимо, «Аношка Голобоков с товарыщи» должны были сами защищать себя от татар. Появление за Доном с. Аношкина и деревень вызвало длительные земельные споры между Покровским монастырем и коротояцкими помещиками¹¹¹. Эти споры были «разрешены» не царским правительством, а татарами, разгромившими в 1673 г. коротояцкие села «за чертой». Крестьяне были частью взяты в полон, частью бежали.

Общая протяженность Коротояцкого участка Белгородской черты составляла около 48 км, примерно на сорока километрах черта проходила по Дону. (Мы учитываем лишь основные повороты Дона и не принимаем во внимание мелкие изгибы реки). Кроме Коротояка, на участке находился городок Урыв и два стоялых острога.

ОСОБЕННОСТИ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В ПРЕДЕЛАХ ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА. УЧАСТОК БОРЩЕВА МОНАСТЫРЯ

Двигаясь к северу по Дону, по Белгородской черте, мы приблизились к районам, заселенным значительно раньше сооружения черты. На предыдущих участках, за исключением района Белгорода, основание городов и сел, заселение края шло одновременно со строительством Белгородской черты и составляло с ним, по сути дела, единый процесс. Отражением этого явления на географической карте было совпа-

¹¹⁰ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 84—85.

¹¹¹ См.: Материалы по истории монашества на Дону. «Воронежская старина», вып. 2. Воронеж, 1903, стр. 150—170.

дение границ участков Белгородской черты с границами новых уездов.

В Воронежском уезде наблюдается иная картина. Довольно большой по размерам Воронежский уезд сложился еще в конце XVI в. Здесь черта создавалась на уже заселенной территории. Некоторые старые укрепления просто были включены в состав Белгородской черты, другие — построены заново. В социально-экономическом аспекте мы уже рассматривали этот вопрос. Здесь мы рассмотрим его в аспекте историко-географическом.

В ходе сооружения Белгородской черты на территории Воронежского уезда были построены городки Костенск, Орлов и Белоколодск¹¹², заселенные мелкими служилыми людьми. С этими городками были связаны некоторые окрестные села, где жили тоже главным образом мелкие служилые люди; эта связь была в значительной мере военной, служебной. В Костенске, Орлове и Белоколодске особенно ощущалось военное назначение этих городков. Около каждого из них сложилась своя военная зона, свой участок Белгородской черты, с четко определенными границами, со своими укреплениями. Но уездов около них к описываемому нами времени не возникло, — для этого не было экономических условий, да и городки были невелики по сравнению с Воронежем. В 60—70-х годах XVII в. Костенск, Орлов и Белоколодск считались «пригородами» Воронежа. Если иногда документы того времени говорят об их «уездах», то всегда имеется в виду именно военная зона этих городков, их участки Белгородской черты. Переписная книга 1678 г. включает Костенск, Орлов и Белоколодск в Воронежский уезд.

Так исторически на территории Воронежского уезда сложилось несколько самостоятельных участков Белгородской черты, причем даже не четыре, как можно было подумать (Костенский, Орловский, Белоколодский и собственно Воронежский), а пять. Дело в том, что Костенский участок географически «отделил» от собственно Воронежского участка самое южное и автономное укрепление Воронежского уезда — Борщев (Борщевский) монастырь. Пятым участком Белгородской черты на территории Воронежского уезда стал уча-

¹¹² Подробности о временном нахождении Белоколодска в составе Сокольского уезда приведены ниже.

сток Борщевского монастыря. Особенность географического расположения отдельных участков Белгородской черты в пределах Воронежского уезда состояла и в том, что все эти пять участков шли не один за другим. Между Орловским и Белоколодским участками «вклинился» Усманский участок и Усманский уезд, сложившийся в 1645 г. после основания г. Усмани.

Борщев монастырь всегда относился к Воронежскому уезду, и в этом ни у кого не было сомнений. Его крестьяне вместе со всем населением уезда строили и ремонтировали городские укрепления, и одна башня Воронежской крепости называлась поэтому Борщевской. Укрепления Борщева монастыря вошли составной частью в Белгородскую черту. Любопытно, что в 1669 г. А. Еропкин, обнаруживший неисправность надолб на Игнатовой поляне, требовал их ремонта не у воронежского воеводы, а у игумена Борщева монастыря Дионисия. В своем отчете А. Еропкин выделяет укрепления Борщева монастыря в самостоятельный участок Белгородской черты¹¹³. Он не мог сделать иначе, — ведь между Борщевым монастырем и Воронежем находился Костенск со своей военной зоной.

Участок Борщева монастыря занимал правый берег Дона между небольшими речками — Сухой Голышевкой и Пороем. Его протяженность с учетом большого изгиба Дона на середине участка и без учета многочисленных мелких поворотов реки составляла примерно 12 км. Северная половина участка была занята лесом, здесь находился и Борщев монастырь, южная оставалась безлесной. Широкая и глубокая река, правобережные меловые кручи — все это являлось серьезным, трудно преодолимым препятствием для татарской конницы.

Борщев монастырь был основан донскими казаками в 1613 г., в то время, когда донское казачество, участвовавшее в выдвижении на русский престол Михаила Романова, получило большие льготы, когда начались регулярные отправки русским правительством жалованья казачьей старшине («донские отпуски»)¹¹⁴. В монастырь уходили старые и увечные казаки, в нем на первых порах находился в качестве во-

енной охраны отряд донских казаков. Связи донского казачества с Борщевским монастырем сохранялись в течение всего XVII в. Известные войсковые атаманы Епифан Радилов (в 1621 г.), Наум Васильев (в 1654 г.), Корней Яковлев (в 1669 г.), Фрол Минаев (в 1682 г.) выступали перед русским правительством с просьбами о делах Борщева монастыря, о его земельных владениях¹¹⁵. В Донском войске хранилась жалованная грамота царя Михаила Федоровича Борщеву монастырю. Как справедливо отмечали еще дореволюционные воронежские историки-краеведы, Борщев монастырь имел «полумирской» характер. Действительно, он был более военной крепостью и земельным собственником, чем местом ухода от мирских дел его обитателей.

Длина военной зоны Борщева монастыря на Белгородской черте определялась размерами земельных владений монастыря. В 1653 г. часть монастырской земли захватили коротоякские помещики — дети боярские и драгуны Костенского острожка. Спорное земельное дело тянулось с перерывами 30 лет. В период завершения строительства черты (1657 г.) русское правительство в лице думного дьяка С. Заборовского поддерживало требования служилых людей. Только в 1683 г. по жалобе Войска Донского захваченные земли были возвращены монастырю. Весьма интересным является решение по этому вопросу, показывающее коренное различие в отношении правительства к служилым людям «по прибору» — костенским драгунам и к служилым людям «по отечеству» — коротоякским детям боярским. У костенских драгун занятую ими землю Борщева монастыря приказано было просто отобрать, коротоякским помещикам дано было денежное вознаграждение и земли в другом месте¹¹⁶.

На Борщевском участке Белгородской черты, южнее монастыря на правом берегу Дона, в четырех местах стояли надолбы: ими были закрыты места возможных татарских переправ и лесные поляны. Монастырь был окружен деревянной острожной стеной. Посреди стены находилась одна башня. Дворы монастырских крестьян размещались за пределами деревянной крепости, они были обведены линией на-

¹¹³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 92.

¹¹⁴ О донских отпусках см.: В. П. Загоровский. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке. «Труды ВГУ», т. 53, вып. 1. Воронеж, 1961, стр. 131—138.

¹¹⁵ Материалы по истории монашества на Дону. «Воронежская старина», вып. 2. Воронеж, 1903, стр. 120—127.

¹¹⁶ Там же, стр. 127—141.

долб¹¹⁷. С востока монастырь был защищен р. Доном, с запада — лесом. В XVII в. лес, сохранившийся и сейчас западнее современного с. Борщева, занимал большую площадь. Это видно хотя бы из формулировки писцовой книги 1629 г., которая сообщает, что Борщев монастырь находился «на Пороевской поляне»¹¹⁸.

Передовых укрепленных пунктов за Доном в зоне Борщева монастыря не было, хотя на левобережье Дона у речек Борщевки и Оленки располагались сennie покосы, принадлежавшие монастырю. Пойма Дона и левобережная степь, где имелись лишь небольшие рощи — липяжки, хорошо просматривались с крепостной башни. Крестьяне Борщева монастыря выполняли и военные обязанности по типу приборных служилых людей. В составе сменной сторожи у монастыря, наблюдавшей за левобережьем Дона, находилось двое воронежских детей боярских и пять монастырских крестьян¹¹⁹. За пересохшей ныне речкой Пороем, между современными селами Борщевым и Александровкой начинался следующий — Костенский участок Белгородской черты.

КОСТЕНСКИЙ УЧАСТОК

Небольшой по размерам Костенский участок Белгородской черты тянулся по Дону примерно на 12 км в пределах современных сел Александровки, Костенок и Рудкина. Здесь правый берег Дона не так обрывист и крут, как на Борщевском и Коротоякском участках. Но и тут татарской коннице далеко не везде, даже при отсутствии защитников черты, можно было преодолеть водную преграду, переправиться с левого берега Дона на правый. В донской пойме на левом берегу в этом месте есть заболоченные места, много озер, связанных с Доном протоками, мешающих приблизиться к Дону. Все же и здесь татары нашли подходы к Дону, броды, места переправ. Документы XVII в. отмечают наличие двух татарских перелазов через Дон на Костенском участке.

Урочище Костенки, несомненно, было уже известно воронежцам в конце XVI в., когда бортные ухажьи на берегах

Дона давались воронежским казакам вместо половины жалованья¹²⁰. Здесь, на месте палеолитических стоянок первобытного человека, на поверхности земли лежало много мамонтовых костей. Кости дали название урочищу, урочище — возникшей поблизости деревне. В 1640—1641 гг. в Костенках жили украинские и белорусские переселенцы, а затем после попытки ухода их из пределов Русского государства здесь появились первые на Белгородской черте поселенные драгуны (см. главу II). Городок Костенск был построен в 1642 г. Дубовая острожная стена тянулась в длину на 52 сажени, в ширину — на 49 сажень. Крепость представляла собой в

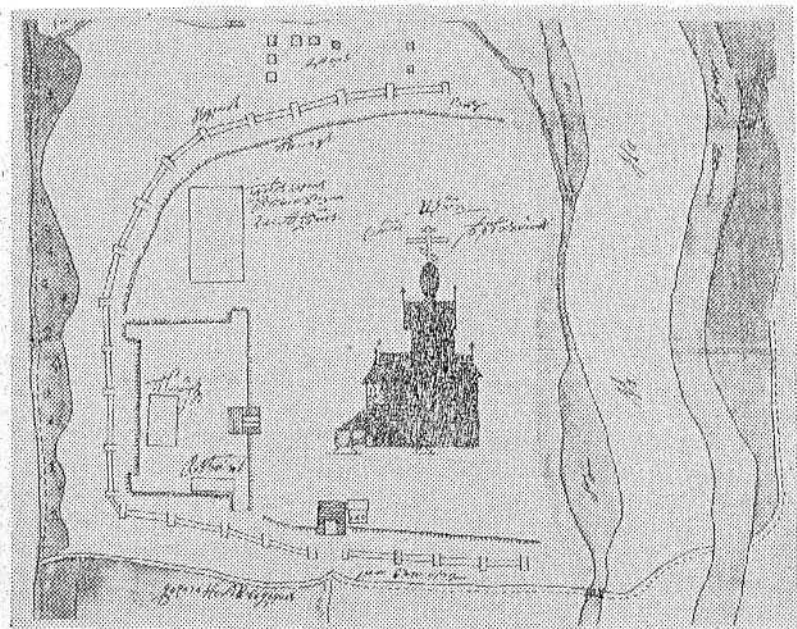

Рис. 11. План городка Костенска начала XVIII в. Показан острожек с проезжей башней, от которого в обе стороны к Дону отходит деревянная стена. За стеной — надолбы. По сравнению с серединой XVII в. форма крепости существенно не изменилась. Подлинник хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве (ф. 349, оп. 17, д. 3571)

¹¹⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 92.

¹¹⁸ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. 2. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891, стр. 227.

¹¹⁹ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 1089.

¹²⁰ ЦГАДА, приказные дела старых лет, 1594 г., ед. хр. 1, л. 25.

плане прямоугольник, имелась одна башня¹²¹. В 1676 г., по данным Белгородской сметной книги, в Костенке насчитывалось 139 детей боярских драгунской службы, 198 драгун, 13 пушкарей. Гарнизон располагал 7 пушками¹²².

Укрепления на Костенском участке Белгородской черты были сосредоточены главным образом в двух местах — у бывших татарских перелазов. Южным укреплением являлся сам городок Костенск, обнесенный дубовой острожной стеной, ровом, надолбами. Северное укрепление — это «опасный городок» с башней у с. Рудкина, построенный в 1657 г.¹²³, где посменно находилось 30 драгун. Около него, а также напротив — на левом берегу Дона — стояли надолбы. Помимо этих двух хорошо укрепленных пунктов, надолбы общей протяженностью в 500 саженей располагались еще кое-где на берегах Дона, на местах возможных переправ. Северной границей Костенского участка Белгородской черты считался Гремячий колодезь — небольшой ручей, протекавший по территории современного с. Гремячего.

ВОРОНЕЖСКИЙ УЧАСТОК

Воронеж — старейший город на Белгородской черте. Его первые укрепления возникли в конце XVI в., задолго до сооружения Белгородской черты. В середине XVII в. старые воронежские укрепления частично вошли в состав создававшейся укрепленной линии, частично отошли к новым городам, построенным на черте — Усмани, Орлову, Костенску, Белоколодску, частично оказались расположенными в глубоком тылу и почти ненужными. На Воронежском участке нигде не было земляных валов¹²⁴, и это неизменно подчеркивалось в Белгородских годовых сметных книгах. Географические контуры Воронежского участка Белгородской черты определялись течением трех рек: Дона, Воронежа, Усмани. Наиболее уязвимым местом был степной промежуток между реками Воронежем и Усманию, восточнее г. Воронежа. На Воронежском

участке четко выделялись четыре части, отрезка: по р. Дону, по р. Воронежу, степной, по р. Усмани.

От Гремячего колодезя до устья р. Воронежа документы XVII в. не упоминают татарских перелазов через Дон. Этот юго-западный донской отрезок Воронежского участка длиной примерно в 7 км являлся относительно спокойным. У устья р. Воронежа Белгородская черта отходила от Дона. Второй отрезок Воронежского участка километров в пятнадцать длиной проходил по р. Воронежу. Здесь было несколько мест, сравнительно удобных для переправ татарской конницы, — подходы к ним с левого берега перекрывались надолбами и тараками. В четырех местах вдоль берега р. Воронежа располагались сторожки. Ближайшая к г. Воронежу находилась за рекой, «на Кашкановом яру». Здесь, на левой стороне р. Воронежа, надолбы тянулись на 500 саженей, среди надолб стояла караульная башня, сторожка состояла из 10 человек. Воронежские служилые люди стояли на сторожках в 70-х годах XVII в. по две недели¹²⁵. К северу от дер. Шиловой по правому берегу р. Воронежа вплоть до г. Воронежа тянулся Шиловский лес, сохранившийся и сейчас.

Не доходя примерно двух километров до Воронежской крепости, в том месте, где на правом берегу р. Воронежа кончался Шиловский лес и начиналась пригородная Чижевская слобода, а слева в Воронеж впадала речка Песчанка, Белгородская черта отходила от р. Воронежа в восточном направлении, к р. Усмани. Г. Воронеж располагался как бы на вершине прямого угла, образованного этим поворотом Белгородской черты. В XVII в. Воронежская крепость неоднократно перестраивалась, обрастала пригородными слободами. По дозорной книге 1615 г. она состояла из двух частей: небольшого «рубленного города», длина стен которого составляла примерно 300 м, и острога, тянувшегося на 1,7 км. В середине XVII в. стены Воронежской крепости построены были уже «по-острожному», бывший «рубленный город» (внутренняя крепость) стал называться «малым городом». Последняя крупная перестройка стен и башен Воронежа проводилась в 1671 г. Город снова (и на этот раз весь) стал «рубленным», стены его были построены «по-городовому», бревна в срубах-клетях, составлявших стену, лежали горизонтально.

Город располагался на высоком правом берегу р. Воро-

¹²⁵ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 1086—1090.

¹²¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 192, л. 133—134.

¹²² ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 1098—1117.

¹²³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 400, л. 81—82.

¹²⁴ В 1649 г. возникал, но так и не осуществился проект строительства земляного вала около устья р. Воронежа (ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 36, л. 7).

нежа¹²⁶. В 1676 г. в городской стене имелось 5 проезжих и 12 глухих башен. Кроме этого сохранялись «две башни старые в малом городке». Высота стен с обламами составляла $2\frac{1}{6}$ сажени (4,6 м); ширина стен — $1\frac{1}{4}$ сажени (2,6 м). Протяженность городских стен равнялась 811 саженью (1,7 км)¹²⁷. С трех сторон за крепостными стенами был прорыт ров глубиной в 3 сажени, на дне рва вбит частичек. Со стороны реки стена шла у крутого склона. Существовал и подземный ход. В 1669 г. тайник прорыт был заново в связи с тем, что колодец в старом тайнике «занесло песком». Документы 70-х годов сообщают, что в новом тайнике «вода добра».

Воронежская крепость имела немалый гарнизон. В 1676 г., по данным Белгородской сметной книги, в Воронеже и уезде числилось дворян и детей боярских, отставленных от полковой службы в 1675 г. и переведенных в городскую службу, — 158, детей боярских городской службы — 440, поместных атаманов — 110, казаков, включая поместных и беломестных, — 541, стрельцов — 293, пушкарей — 32, затинщиков — 11, воробейников — 8. В крепости находилось 12 железных и 10 медных пушек. В городе жило и торгово-ремесленное население, причем в течение XVII в. шел неуклонный рост воронежского посада. В 1676 г. в Воронеже насчитывалось 297 посадских людей. Вокруг пригородных слобод поставлены были надолбы в два ряда, которые тянулись (по донесению А. Еропкина в 1669 г.) на 1350 саженьях¹²⁸. В описаниях Воронежской крепости содержится любопытное сообщение о том, что город во второй половине XVII в. имел освещение. Среди военного имущества названы «10 коз железных подсвечных, что огонь кладут на башнях в осеннее время»¹²⁹.

Третий отрезок Воронежского участка Белгородской черты перекрывал степное пространство между реками Воронеж и Усманью. Здесь были построены деревянные укрепления (надолбы, башни, караульный острожек), которые тянулись с запада на восток на 11 км от устья р. Песчанки к с. Усмань-Собакину. Под защитой этих укреплений находи-

лись в первую очередь воронежские села, возникшие к востоку и северо-востоку от г. Воронежа еще в конце XVI — начале XVII в. (Репное, Гололобово, Бобяково, Боровое, Усмань-Собакино). Укрепления защищали также подходы к г. Воронежу с востока. А. Еропкин сообщает, что надолбы построены «вместо земляного вала»¹³⁰. Надолбы стояли в два ряда. В середине XVII в. среди надолб находился один караульный острожек, позже было построено еще несколько башен. В 80-х годах кроме караульного острожка («опасного городка») на этом отрезке Белгородской черты стояло 6 башен, все они имели названия (со стороны Воронежа — Теплуха, Веселуха, Красная, Березовка, затем шел караульный острожек, Луговая, Западная)¹³¹.

Четвертый, последний отрезок Воронежского участка, длиной примерно в 15 км, проходил по р. Усмани, в том месте, где эта река образует дугу, выгнутую к югу. Линия надолб подходила к р. Усмани у с. Усмань-Собакина. (Село это в XVII в. имело еще такие названия: Собакино, Усмань, Усмань на Собакиной поляне; ныне село называется Новая Усмань, это — центр Новоусманского района Воронежской области). У реки располагался еще один караульный острожек, источник XVII в. называют его «Собацким»¹³². По правому берегу р. Усмани от острожка к Истовенскому лесу стояли надолбы в 3 ряда на 1220 саженьях (2,5 км). В 1669 г. А. Еропкин нашел, что надолбы «погнили и от полевых пожаров погорели» на 410 саженьях. Далее до Хреновой поляны вдоль р. Усмани шли «топкие места», татарских перелазов здесь не было. От Хреновой поляны начиналась военная зона городка Орлова.

В описаниях воронежской военной зоны вплоть до 70-х годов XVII в. обычно упоминается еще одна линия укреплений — так называемые «вербиловские крепости». Эти укрепления находились в северной части Воронежского уезда, на правом берегу р. Воронежа. Здесь от с. Вербилова к северу примерно на 5 км до речки Ериловки и с. Грязного стояли надолбы. Надолбами было защищено и само с. Вербилово.

¹²⁶ Воронежская крепость XVII в. находилась в районе главного корпуса государственного университета.

¹²⁷ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 1079—1092.

¹²⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 95.

¹²⁹ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 284.

¹³⁰ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 96.

¹³¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1138, л. 169—173; В. И. Кошелев. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке. «Известия ВГПИ», т. 12, вып. 1. Воронеж, 1950, стр. 136.

¹³² ЦГАДА, книги Белг. ст., № 97, л. 1087.

Среди надолб находился, как сообщает в 1669 г. А. Ерошкин, «для убежища от воинских людей стоячий городок»¹³³. После основания г. Усмани и строительства усманского земляного вала «вербилловские крепости» в Воронежском уезде в 50-х годах XVII в. еще некоторое время имели значение. Они закрывали путь татарским отрядам, которые могли обойти усманские укрепления с севера. Но в 60—70-х годах после строительства Белоколодска и возникновения Белоколодского участка Белгородской черты с передовыми укреплениями на левом берегу р. Воронежа «вербилловские крепости» оказались во второй линии обороны и постепенно потеряли смысл.

Общая протяженность Воронежского участка Белгородской черты (без вербилловских укреплений) составляла примерно 48 км.

ОРЛОВСКИЙ УЧАСТОК

Орловский участок является единственным участком Белгородской черты, хорошо изученным и описанным в исторической литературе. Мы имеем в виду подробную, научно аргументированную статью В. И. Кошелева «Городок Орлов и его военная зона в XVII веке»¹³⁴. Участок проходил вдоль р. Усмани, с юга на север. Северная его часть была занята Усманским бором и практически являлась неприступной для татар. В южной части и в центре Орловской зоны существовали старые татарские перелазы, здесь и были сосредоточены укрепления.

Крайним южным укреплением Орловского участка был Хреновской острожек. К острожку шли надолбы с юго-запада и с севера, перекрывая всю «Хреновую поляну». Общая длина надолб составляла 1330 сажень (2,8 км). В Хреновском острожке постоянно находилось 20 орловских драгун. Смена гарнизона производилась через двое суток¹³⁵. Острожек располагаясь на территории современного с. Хренового Новоусманского района Воронежской области.

К северу от Хреновой поляны вдоль берега р. Усмани

шли топкие места, поросшие ольшаником. Еще один татарский перелаз находился у дер. Горки. Здесь укрепления — надолбы, плетень, караульная башня — построены были на левой стороне р. Усмани, за рекой. У следующего татарского перелаза орловскими драгунами построен был деревянный мост через р. Усмань шириной в 2 сажени. При въезде на мост с западной стороны стояла караульная башня с избой. От башни в обе стороны к реке шли надолбы. С восточного берега реки мост также был прикрыт надолбами. К северу от моста начинались пригородные слободы городка Орлова.

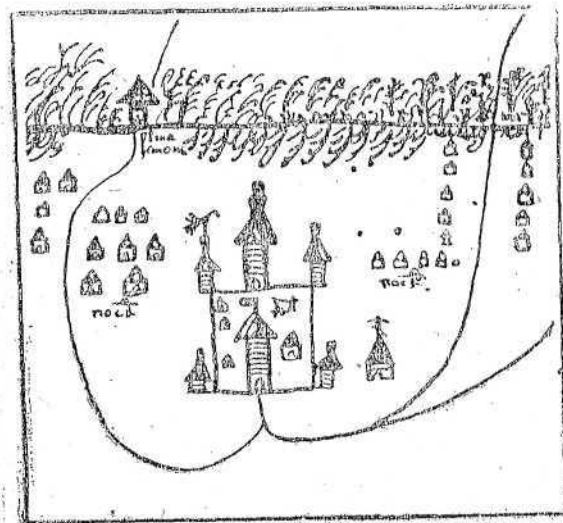

Рис. 12. Чертеж Орлова-городка с окрестностями. Составлен в 1682 г. Башни городка нарисованы, видимо, с натуры. Показаны дороги, подходящие к башне, пригородные слободы, река Усмань с зарослями кустарника на берегах. Подлинник хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 210, столбцы Поместного стола, № 158, л. 80—81).

Городок Орлов построен был в 1646 г. Крепость имела в плане форму прямоугольника, более длинные стороны которого располагались перпендикулярно к реке. Длина стен крепости, по данным Белгородской годовой сметной книги 1676/77 г., равнялась 120 саженьям¹³⁶. Среди стен была расположена одна проезжая башня и пять глухих. Из крепости в сторону реки, к колодцу был прорыт тайный ход. Над

¹³⁶ Там же, л. 1132.

¹³³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 98.

¹³⁴ В. И. Кошелев. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке. «Известия ВГПИ», т. 12, вып. 1. Воронеж, 1950, стр. 87—144.

¹³⁵ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 93, л. 1136.

колодезем возвышалась еще одна башня (седьмая). С трех сторон городок был окружен рвом, с четвертой — восточной стороны — протекала река. Следы крепости XVII в. обнаружены нами в северной части современного с. Орлова. (В. И. Кошелев не «привязал» крепость XVII в. к определенному месту современного села). В 1676 г. гарнизон Орловской крепости состоял из 206 детей боярских драгунской службы и 10 пушкарей. В крепости имелось 6 пушек. Драгунские слободы располагались к северу и к югу от крепости, вдоль реки.

В 200 саженях севернее городка существовал старый татарский перелаз через р. Усмани «под Выголовую слободою». Здесь на обоих берегах реки стояли надолбы. На западном берегу, среди надолб построена была караульная башня. В этом укреплении постоянно находилось 20 драгун, смена караула происходила раз в сутки. К северу от Выголовой слободы татарских бродов и перелазов не было. К р. Усмани подступал бор. Сначала он занимал лишь правый берег реки, а затем километрах в десяти от Орлова «перешагивал» и на левый. Устраивать засеки в Усманском бору не требовалось, — лес был велик и практически непроходим для татарской конницы.

Орловский участок Белгородской черты заканчивался у Константинова колодезя, там, где еще до основания городов Усмани и Орлова возник в лесной глуши Толшевский монастырь (Константинова пустынь)¹³⁷, а сейчас расположено управление Воронежского государственного заповедника. Протяженность Орловского участка Белгородской черты составляла примерно 28 км.

УСМАНСКИЙ УЧАСТОК

Южный отрезок Усманского участка проходил по совершенно недоступному для татар Усманскому бору, вдоль его восточной опушки¹³⁸. Если не считать небольшой лесной засеки, то укрепления Усманского участка («усманские крепости») начинались у Девицкого стоялого острога. Острожек построен был из дубовых бревен, в одном из его углов воз-

вышалась караульная башня. Сторожа в острожке состояла из 15 человек, в случае получения известий о приближении татар это число увеличивалось. Чтобы татары не обошли Девицкий острожек с юга лесной опушкой, от острожка в лес заходил земляной вал длиной в 67 саженей, параллельно ему «с русской стороны» располагались надолбы. От конца вала по болотистым местам в сторону р. Девыцы стоял частик.

От Девицкого острожка укрепленная линия шла прямо на север. Земляной вал высотой в 2 сажени проходил восточнее г. Усмани и подходил к р. Усмани. Вдоль вала, со стороны города стояли надолбы в 2 ряда. Если бы татарской конницей каким-либо образом удалось преодолеть вал, она встретила бы перед собой еще два деревянных забора, причем разрушать их надо было на виду у русских воинов. Вал тянулся примерно на 8 км. На нем был расположен земляной городок и несколько башен. У речки Матренки вал прерывался. Реч-

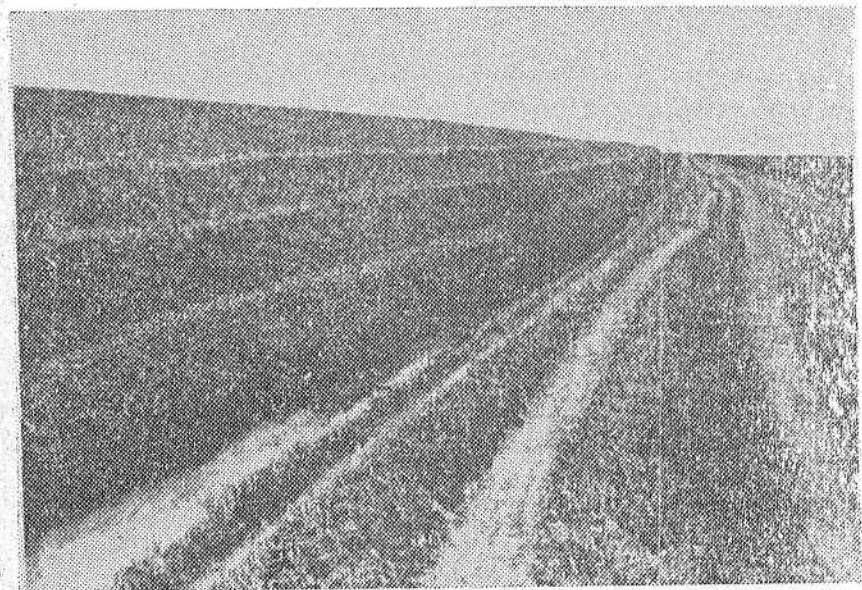

Рис. 13. Усманский земляной вал к северу от речки Матренки. Современный вид

¹³⁷ ЦГАДА, столбцы Поместн. ст., № 138, л. 215.

¹³⁸ Эта часть Усманского бора входит сейчас в пределы Воронежского государственного заповедника. Здесь проходит граница Воронежской и Липецкой областей.

ку перегораживала вместо вала деревянная стена, затем вал продолжался вновь. Вал, насыпанный восточнее г. Усмани, отлично сохранился до наших дней.

Г. Усмань находился не на передовой линии укреплений Белгородской черты, а немного в глубине. Это «отступление» города под защиту передовых укреплений произошло в 1650 г., когда восточнее р. Усмани был насыпан земляной вал. В первое пятилетие существования города (1645—1650) укрепленная линия, состоявшая тогда из надолб, проходила вдоль р. Усмани непосредственно у города. Город располагался на небольшой возвышенности правого берега р. Усмани¹³⁹. Стены его построены были «по-острожному», длина их равнялась 288 сажням. Крепость имела 6 глухих и 2 проезжие башни. В пределах города находились два колодца, поэтому копать тайник не пришлось. За городской стеной прорыт был ров, во рву стоял частик. Пригородные слободы опоясаны были надолбами, которые тянулись почти на 3 км; севернее и южнее городской стены они выходили к р. Усмани.

Гарнизон Усманской крепости располагал 20 пушками. В 1677 г. в Усманском уезде числилось 519 детей боярских городской службы, 36 поместных атаманов, 6 иноземцев, 128 стрельцов, 306 казаков, 14 пушкарей, 2 воротника¹⁴⁰. При получении известий о возможном приближении татар в городе собирався вооруженный отряд из 170 человек (70 детей боярских и атаманов, 50 стрельцов, 50 казаков), который стоял наготове «для скорого выезда к усманским крепостям», к передовой линии укреплений¹⁴¹.

Как мы уже говорили, примерно в 5 км севернее города к реке подходил земляной вал. На восточном берегу р. Усмани к концу вала примыкали рубленые тарасы, которые тянулись на 11 сажень по болотистой пойме реки. Тарасы были засыпаны землей. На западном берегу р. Усмани тарасы были сделаны на 24 сажнях. За ними начинался другой, еще более длинный земляной вал, который шел от р. Усмани к р. Боровице (Боровой) в направлении с юго-востока на се-

веро-запад. Сейчас здесь заметны два параллельных вала, отстоящих друг от друга примерно на 400 м. Левый — более старый и значительно хуже сохранившийся. Сооружение его началось сразу же после строительства г. Усмани. Именно этот вал и укрепления на нем, существовавшие в 60—70-х годах XVII в., мы описываем ниже. Второй вал был насыпан в 1684 г. На него перенесли деревянные острожки со старого вала.

В 1669 г., когда Белгородскую черту осматривал и описывал А. Еропкин, на валу между реками Усманью и Боровицей находилось 5 стоялых острожков: Красный, Карачунский, Демшинский, Излегощинский и Боровской¹⁴². Кроме того, на месте прорыва татар «за черту» в 1652 г. стояла башня. Позже было построено еще несколько острожков: Казачий, Прогорелый, Высокий, Черкасский, Глухой. Повсюду вдоль вала стояли и надолбы. Сменные караулы в стоялых острожках состояли обычно из 15 человек. В 1683 г. Демшинский острожек был превращен в жилой городок Демшинск¹⁴³.

Земляной вал доходил до р. Боровицы и заканчивался у Боровского острожка. Продолжение вала составляли тарасы и надолбы, установленные за р. Боровицей на «Куликовской поляне». В конце надолб стоял еще один острожек под названием «Воробьев», за ним начинался густой лес, через который протекали левые притоки р. Воронеза — речки Мещерка и Кривка. От Воробьева-Острожка в лес заходила засека. Усманский участок заканчивался в лесу, у р. Кривки.

Общая протяженность Усманского участка составляла примерно 55 км. Это число складывалось из следующих пяти слагаемых: 15 км — по Усманскому бору, 8 км — вдоль земляного вала восточнее р. Усмани, 20 км — по земляному валу от р. Усмани к р. Боровице, 4 км — вдоль тарасов, надолб и засек по Куликовской поляне к северу от р. Боровицы, 8 км — по лесу у речек Мещерки и Кривки. Главным препятствием для татар являлись земляные валы, дополненные па-

¹⁴² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 106—107.

¹³⁹ В пределах современного г. Усмани Липецкой области никаких следов деревянной крепости не сохранилось. Крепость занимала территорию между современной Советской улицей и рекой, по обе стороны нынешней Интернациональной улицы.

¹⁴⁰ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 286.

¹⁴¹ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 93, л. 1179 об.

¹⁴³ См.: Б. К.-ий. Краткий исторический очерк Демшинска. Памятная книжка Воронежской губернии на 1913 г., отд. 3, стр. 88—89. Под псевдонимом «Б. К.-ий» скрывался, видимо, усманский краевед Б. П. Княжинский — автор ряда брошюр, журнальных и газетных статей по истории Усмани.

параллельными им линиями надолб. В связи с постоянной опасностью нападений татар число стоялых острогов на Усманском участке Белгородской черты в 60—70-х годах увеличилось и к 1676 г. достигло 16.

БЕЛОКОЛОДСКИЙ УЧАСТОК

О Белоколовском участке Белгородской черты мы уже немного говорили, разбирая особенности черты в пределах Воронежского уезда. В 60—70-х годах XVII в. городок Белоколовск считался «пригородом» Воронежа, но имел самостоятельную, хотя и небольшую, военную зону на Белгородской черте. На участке ясно были заметны две линии укреплений. Сам городок находился во второй, тыловой линии, проходившей по правому берегу р. Воронежа и являвшейся продолжением вербиловских укреплений в Воронежском уезде. Он был «четвероуголен», располагался на высоком правом берегу р. Воронежа, с севера защищался речкой Белым Колодезем, с востока и юга — р. Воронежем. «Около города с трех сторон воды», — сообщает одна из Белгородских годовых сметных книг¹⁴⁴. Периметр крепости равнялся 230 сажням, имелась одна проезжая и четыре глухие башни¹⁴⁵. Западнее городка стояли надолбы на 503 сажнях. В городской службе числился в 1676 г. 251 драгун.

Передовая линия укреплений Белоколовского участка шла по левому берегу р. Воронежа и закрывала татарам проход между лесами. В первой половине XVII в. здесь, на левобережье Воронежа, существовало с. Карамышево. В 1648 г., когда по правому берегу р. Воронежа создавалась укрепленная линия, Карамышево временно прекратило свое существование. «На старом Карамышевском селище» находился стоялый острожек, который в 60-х годах стал главным передовым укреплением Белоколовского участка. В обе стороны от острожка через степь между лесом и озерами, перегораживая «старую Карамышевскую сакму», стояли надолбы в три ряда на 450 сажнях. Южнее надолб по направлению к Ус-

¹⁴⁴ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 93, л. 1197.

¹⁴⁵ Это данные Белгородской годовой сметной книги 1676/77 г. Составленная через год «Опись городов» (ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 287) сообщает, что в Белоколовске было 2 проезжие и 3 глухие башни, длина стен равнялась 220 сажням.

манскому участку до р. Кривки и севернее — у р. Двуречки рос непроходимый для татар лес. С учетом леса протяженность Белоколовского участка составляла примерно 15 км.

В военном отношении Белоколовский участок черты вышел из подчинения Воронежу в 1648 г., когда новых белоколовских драгун приказано было «ведать в Сокольске Ивану Ртищеву»¹⁴⁶. Внимательный исследователь сразу заметит географическую нецелесообразность этого указа, но московские дьяки, видимо, смутно представляли себе расположение Белоколовска (тогда еще с. Белого Колодезя) и Сокольска на географической карте. Между Белоколовском и Сокольском оказался г. Романов, и Сокольская военная зона стала состоять из двух, отделенных друг от друга половин. Так продолжалось в течение 15 лет. В марте 1663 г. драгуны сел Белого Колодезя и Грязного закончили строительство городка¹⁴⁷. Белоколовск стал центром собственной военной зоны, отделился от Сокольска и по-прежнему стал «тянуть» к Воронежу.

УКРЕПЛЕНИЯ ВОТЧИННОГО ГОРОДА РОМАНОВА

Направляясь вдоль Белгородской черты, мы подошли к весьма своеобразной и любопытной ее части — вотчинному г. Романову. Г. Романов не входил в состав Белгородского разряда, официально не относился к городам Белгородской черты, но его укрепления исторически вошли в черту и митовать их поэтому мы не можем.

В «аналогичном» положении оказался за триста лет до нас стольник А. Еропкин. Он получил в 1669 г. задание — осмотреть и описать восточную половину Белгородской черты. Романова в перечне городов, подлежащих осмотру, не значилось, но его укрепления, как доносил А. Еропкин, «стали по Белгородской черте». В одном из столбцов Белгородского стола Разряда сохранился черновик указа А. Еропкину об осмотре Белгородской черты. Любопытно, что в нем г. Романов сначала был записан, но затем его вычеркнули¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Воронежские акты. Изд. К. Александровым-Дольником и Н. Второвым. Кн. 3. Воронеж, 1853, стр. 35.

¹⁴⁷ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 228, л. 175.

¹⁴⁸ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 1.

Стольник Еропкии все же решил описать романовские укрепления. Среди сохранившихся документов Разрядного приказа это подробное описание романовской военной зоны является чуть ли не единственным. Ведь переписка местной администрации г. Романова велась не с Разрядным приказом и не с белгородскими воеводами, а с владельцем — боярином Н. И. Романовым и после его смерти в 1654 г. — с приказом Большого двorca.

Мнение Е. И. Заозерской о том, что организация защиты г. Романова от татар лежала на частном владельце только до 1647 г.¹⁴⁹, представляется нам ошибочным. И в 50-х годах при жизни Н. И. Романова и даже в 1669 г., как видно из донесения А. Еропкина, укрепления вотчинного г. Романова принадлежали частному владельцу-феодалу, который содержал своих служилых людей. Принципиально дело не меняется от того, что владельцем вотчинного города после смерти боярина Никиты Ивановича Романова стал сам царь — Алексей Михайлович Романов.

В 1652 г. в вотчине Н. И. Романова прошло большое строительство новых укреплений на левом берегу р. Воронежа. Построены были стоялые остроги, башни, исправлены надолбы. Один из документов сообщает, что делали все «крестьяне боярина, а ведал их его приказный человек Михаил Быков»¹⁵⁰. Романовские крепости вошли в единую линию укреплений вместе с соседними городами Белгородской черты, но управление ими продолжало оставаться в ведении Романовых.

В вотчинном г. Романове имелось два отдельных «города». Они располагались на правом высоком берегу р. Воронежа и отделялись друг от друга оврагом. Южный, более крупный, окружностью в 515 сажень, предназначался для служилых людей и романовских крестьян. Он имел 3 проезжие и 5 глухих башен, подземный ход. Второй городок был личной крепостью феодала, в нем находился лишь один дом, в котором в обычное время (до 1654 г.) жили «приказные люди» боярина. Длина стен второй крепости равнялась 415

саженям, въезд в нее осуществлялся через единственные ворота, над которыми стояла башня. Вторая башня была глухой. Стены обоих городков построены были «по-острожному»¹⁵¹. К «тыловой» линии укреплений Романовского участка, кроме г. Романова, можно присоединить также острожек и надолбы вблизи дер. Двуреченской (у р. Воронежа, южнее г. Романова). Эта деревня принадлежала князю И. А. Воротыньскому, «двуреченские крепости» были построены его крестьянами.

Передовая, основная линия романовских укреплений проходила по левобережью р. Воронежа и тянулась «от черного бору», что рос к северу от р. Двуречки, к р. Матыре. Среди надолб находились 7 острожков с башнями, два из них имели проезжие ворота. В острожках располагались сменные караулы из романовских служилых людей.

В 60—70-х годах XVII в. Романов, оставаясь вотчинным царским городом, частично стал включаться в общие для всех городов Белгородской черты дела, например, в передачу вестей по черте. В Романове появляются воеводы, которые хотя и не подчиняются белгородским воеводам, но поддерживают контакт с воеводами соседних городов Белгородской черты¹⁵².

Общая протяженность Романовского участка — своеобразного «самостоятельного» участка Белгородской черты — составляла около 18 км. Передовую линию укреплений от р. Двуречки до р. Матыры занимали надолбы и стоялые острожки с башнями. Город Романов располагался во второй линии обороны. Земляных валов на участке не было. Города Романова давно уже не существует. На его месте расположено современное с. Ленино Липецкого района Липецкой области.

СОКОЛЬСКИЙ УЧАСТОК

Сокольский участок Белгородской черты имел четко выраженные две линии укреплений — передовую и тыловую. С такой структурой Белгородской черты мы уже встречались на берегах р. Воронежа: города-крепости располагались здесь

¹⁵¹ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 116.

¹⁵² См., например: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т. II, ч. 2. М., 1959, стр. 17.

¹⁴⁹ Е. И. Заозерская. Из истории вотчины и положения крестьян в XVII в. В кн.: «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сб. 4. М., 1960, стр. 41.

¹⁵⁰ Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии. (Публикация П. И. Пискарева). Тамбов, 1878, стр. 11.

на правом, высоком берегу реки, передовые укрепления выдвигались на левый берег, причем иногда довольно далеко.

Город Сокольск построен был напротив устья р. Матыры; длина дубовых стен его равнялась 331 сажени¹⁵³ (около 700 м). Крепость имела прямоугольную форму, 2 проезжие и 6 глухих башен, тайник к р. Воронежу. С двух сторон деревянная крепость была прикрыта изгибами р. Воронежа, с третьей — озером; только с одной стороны вырыт был ров за крепостной стеной. В Сокольске в 1676 г. значилось 405 детей боярских драгунской службы, 68 драгун, 21 пушкар, 43 человека бывших рейтар и солдат, переведенных из полковой службы в городовую¹⁵⁴. Среди служилых людей Сокольска упоминаются 63 «половинщика» и 2 «третчика», что говорит о делеении службы 64 человек на доли. Гарнизон располагал 9 железными пушками. Вместо вестового колокола для объявления тревоги использовалась специальная «пищаль вестовая», длиной в 3 аршина с четвертью (2,3 м) и весом в 48 пудов.

Ко второй, тыловой линии укреплений следует отнести еще два стоялых острога, хотя они и находились на левом берегу р. Воронежа. Эти острожки с башнями располагались напротив сел Ситова (ныне — Старая Ситовка) и Ильина Городища (ныне — Ильино). От острожков в обе стороны отходили надолбы, которые заходили в лес и в «топкие места».

Передовая линия укреплений Сокольского участка начиналась от р. Матыры, проходила в 8—10 км восточнее р. Воронежа. Непосредственно под ее защитой находились пашни, луга левобережья Воронежа, но не села. В 60—70-х годах XVII в. сел и деревень на Сокольском участке восточнее р. Воронежа не было. Крайним южным укреплением передовой линии был стоялый острог с башней «на Ярлуковской дороге», на северном берегу р. Матыры, «от Сокольска в пяти верстах». В обе стороны от острожка — к реке и к лесу стояла дубовая стена на 50 саженьях. Продолжением этой линии укреплений севернее леса являлись «Семеновские крепости», расположение которых становится ясным при сопо-

ставлении описания 1676 г. с подробной картой XVIII в.¹⁵⁵. Семеновские крепости состояли из острожков и надолб, установленных вдоль речки Семеновки «промеж лесов». Они тянулись примерно на 15 км. Всего на берегах речки Семеновки построено было 5 стоялых острожков, в том числе два с проезжими воротами. Сторожа в «проезде» острожке состояла из 10 детей боярских, в глухой башне — из 5 человек. Смена караулов проводилась через двое суток.

Выше устья р. Семеновки две линии укреплений Сокольского участка как бы сходились в одну у р. Воронежа. Здесь, на левом берегу р. Воронежа, рос густой лес. На лесной поляне, выше с. Кузьмино, на левом берегу Воронежа располагался Кузьминский острожек с башней. В этом месте когда-то проходили «старые татарские сакмы». Поляна была перегорожена дубовой стеной. Севернее острожка находился «рубеж» Сокольского и Добровского участков.

Общая протяженность Сокольского участка Белгородской черты (по первой линии укреплений) составляла примерно 25 км. В Сокольской военной зоне построено было 9 стоялых острожков, из них 7 располагались в первой линии. Сокольск оставался городом в течение полутора веков, затем он опять стал селом, а несколько лет назад стремительно растущий новый промышленный центр — Липецк вобрал в себя и пригородное с. Сокольское.

ДОВРОВСКИЙ УЧАСТОК

Добровский участок Белгородской черты располагался вдоль р. Воронежа. Он напоминал своими контурами букву «Г», которую как бы вычерчивает протекающая здесь в лесах р. Воронеж. Г. Добрый находился, как и его южные соседи по Белгородской черте, на правом берегу реки, основные укрепления Добровского участка — на левом. Но в отличие от соседнего Сокольского участка добровские укрепления не отходили далеко от р. Воронежа.

Г. Добрый возник в 1647 г. на месте с. Доброго Городища. Деревянная крепость, построенная в 1647 г., существовала

¹⁵³ Этот размер приводится в «Белгородских годовых сметных книгах» и «Описи городов» 1677/78 г. А. Еропкин дает другое число — 230 сажень, допуская, видимо, ошибку.

¹⁵⁴ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 93, л. 1246.

¹⁵⁵ Там же, л. 1242—1250; ЦГАДА, карты ген. меж. Тамбовская губерния, ед. хр. 132, атлас Липецкого уезда, ч. 3.

30 лет, в 1677 г. город был полностью перестроен¹⁵⁶. Стены крепости, стоявшие в 1647—1676 г., сделаны были «по-острожному» из вертикальных дубовых бревен. В крепости имелось 4 проезжие и 7 глухих башен, протяженность стен составляла 292 сажени¹⁵⁷. С трех сторон — северной, западной и южной — за крепостной стеной находился ров, с востока — со стороны р. Воронежа — стояли надолбы. Надолбами были окружены и пригородные слободы. В 1676 г. в Добровском уезде значилось в городской службе 211 детей боярских, 747 драгун, 26 пушкарей. Еще 33 человека из детей боярских были «отставлены» от сотенной службы и переведены в городскую. Гарнизон Доброго располагал 13 пушками.

Новая деревянная крепость, построенная в 1677 г., была «срублена по-городовому», она состояла из 193 «огорожен» — деревянных срубов. Город после 1677 г. имел 2 проезжие и 3 глухих башен, которые располагались равномерно, через каждые 60—70 м. Длина городских стен с башнями составляла 367 саженей (770 м), высота стен — 3 сажени («от земли до кровли 24 венца, а по мере в вышину 3 сажени»). Пригородные слободы по-прежнему защищались надолбами¹⁵⁸.

Г. Добрый находился в южной части своей военной зоны. По левому берегу р. Воронежа от Сокольского рубежа к Доброму рос густой лес, который продолжался и дальше к северо-востоку, по укреплениям начинались почти напротив города. На восток от г. Доброго, за р. Воронеж шла «старая кривецкая дорога». Она существует и сейчас, связывая современное с. Доброе с с. Кривец и продолжаясь далее на восток, к Мишуринску. Дорога проложена была еще до сооружения Белгородской черты, и в середине XVII в. ее надо было надежно перекрыть. Эту задачу выполнял острожек, расположенный напротив города. Проезд осуществлялся через ворота; в обе стороны от острожка тянулась дубовая стена общей длиной в 80 саженей, которая с одной стороны упиралась в реку, а с другой заходила в болото. Далее к северу надол-

бами был закрыт Толмачевский брод через р. Воронеж. На правом берегу реки среди надолб стояла башня. Следующее укрепление находилось на левом берегу р. Воронежа против с. Богородицкого. Здесь тоже стояли надолбы. Севернее, напротив с. Каликина, построен был острожек с башней, под названием «Бременной», который перекрывал дорогу, продолженную до строительства Белгородской черты и связывавшую старинные села — Каликино и Кривец. У изгиба р. Воронежа, напротив сел Ратчина и Делехового находилось самое северное укрепление Добровского участка: надолбы на 800 саженях и среди них башня, окруженная острожной стеной¹⁵⁹. От этих укреплений на юго-восток, вверх по р. Воронежу тянулся лес. Крайним восточным пунктом Добровского участка являлось с. Кривец, переведенное в 1648 г. с левого берега р. Воронеж на правый (см. главу II).

Общая протяженность Добровского участка составляла примерно 40 км. Участок проходил по берегам р. Воронежа, поросшим густым лесом. Естественные препятствия для татарской конницы играли на участке большую роль. Искусственные укрепления Белгородской черты — деревянные острожки, надолбы располагались лишь на старинных дорогах, через лес, у бродов. На Добровском участке Белгородская черта шла сначала с юга на север, а затем резко поворачивала на восток.

КОЗЛОВСКИЙ УЧАСТОК

Самый восточный, Козловский участок Белгородской черты был одновременно и самым большим по протяженности. Для выяснения его географических контуров мы использовали, кроме архивных документов, опубликованное тамбовскими краеведами подробное описание козловских укреплений 1666 г.¹⁶⁰ Козловский участок Белгородской черты уже изучался историками¹⁶¹.

¹⁵⁶ Д. И. Багалей, основываясь на «Описи городов» 1677/78 г., ошибочно считал, что г. Добрый возник лишь в 1677 г. (Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 197).

¹⁵⁷ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 93, л. 1316. Это — данные 1676 г. По донесению А. Еропкина, в 1669 г. в Добром было 10 башен, длина стен составляла 302 сажени (ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 121—122).

¹⁵⁸ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 300—301.

¹⁵⁹ ЦГАДА, книги Белг. ст., № 93, л. 1317—1318 об.

¹⁶⁰ ИТУАК, вып. 33. Тамбов, 1892, стр. 67—106.

¹⁶¹ П. Н. Черменский. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. ИТУАК, вып. 54: Тамбов, 1911; В. И. Кошелев. По Белгородской черте. Козловский вал. «Известия ВГПИ», т. 26. Воронеж, 1958. Описание земляного вала, сделанное В. И. Кошелевым, является исключительно подробным и точным.

Рубеж между Добровским и Козловским участками совпадал примерно с современной границей Липецкой и Тамбовской областей. Козловские укрепления начинались от того места, где с юга к р. Воронежу подходила степь; они тянулись в восточном направлении — сначала по правому, а затем по левому берегу р. Воронежа. Укрепления правого берега состояли из надолб, острожков, лесных засек. Среди надолб находились 2 стоялых острожка — Ярковский и Горетовский. Там, где к реке подходил лес, устроены были засеки шириной в 15 саженей. Примерно в 15 км от края Козловского участка укрепления переходили на левый берег р. Воронежа¹⁶².

На левом берегу р. Воронежа, напротив с. Тарбеева стояла дубовая башня; от нее шли надолбы в три ряда к речке Сестренке, полукругом охватывая и защищая расположенные по левому берегу «тарбеевские поля». Среди надолб построены были 4 острожка с башнями. Эта линия укреплений, длиной примерно в 5 км, закрывала татарам подходы к Тарбееву броду, через который они прежде прорывались не раз. Восточнее устья речки Сестренки подходы к р. Воронежу прикрывались лесными засеками, устроенными на северном берегу вплоть до места слияния двух Воронежей — Лесного и Польного, а на южном берегу — в «Сестренской луке». Далее укрепления Белгородской черты шли по правому берегу р. Польного Воронежа. Около Устинской слободы стоял острожек с башней, где располагалась сторожка. От острожка в юго-восточном направлении вверх по Польному Воронежу надолбы тянулись на несколько километров к Урляповскому земляному валу. Вал длиной в 648 саженей (1,3 км) в излучине р. Польного Воронежа «на старых татарских перелазгах» насыпан был в 1647 г., укреплен дубовыми бревнами и дополнительным рядом «с полевой стороны» — в 1652 г. На валу располагался укрепленный земляной городок, в нем находилась башня, сделанная из липовых бревен.

От конца вала к Хмелевой слободе шли надолбы в два ряда на 1896 саженях (около 4 км). Здесь же была устроена небольшая лесная засека. За р. Польным Воронежем, напротив Хмелевой слободы стоял дубовый острожек с башней. К востоку от Хмелевой слободы, от болотистых мест к устью

речки Сурены тянулись дубовые надолбы в два ряда на 1214 саженях. Там, где в Польный Воронеж впадает слева речка Сурена, до сих пор сохранился лес — р. Польный Воронеж не оправдывает здесь своего названия. На левом берегу р. Польного Воронежа «за лесом» находился Суренский острожек с башней. От устья р. Сурены Белгородская черта шла вверх по р. Польному Воронежу на северо-восток, укрепления располагались на правом берегу реки. Здесь на расстоянии примерно в 15 км до начала большого земляного вала находились 6 деревянных стоялых острогов и один земляной городок.

Г. Козлов (ныне Мичуринск) находился позади главной укрепленной линии, как бы в геометрическом центре круга, по южному краю которого располагались острожки на берегах Польного Воронежа. Основан город был осенью 1635 г. В последующие годы в Козлове возводились новые укрепления. О больших строительных работах, проводившихся, в частности, в 1654 и 1659 гг., мы узнаем из «дозорной росписи» 1666 г. В 60—70-х годах XVII в. крепость не перестраивалась, что видно из сопоставления трех источников того времени: «дозорной росписи» 1666 г., донесения А. Еропкина (1669 г.), «Описи городов» 1677/78 г. Крепость имела форму прямоугольника, близкого к квадрату. Общая длина городских стен составляла 584 сажени. Стены крепости построены были по-острожному, высота их до облатов равнялась 2 сажням с четвертью (4,7 м), а «с облатом и с кровлею» — 3 сажням «с малою четвертью» (около 6,5 м)¹⁶³. В 60—70-х годах XVII в. в крепости было 15 башен, в том числе 3 проезжие и 12 глухих. Две башни, располагавшиеся на северной и южной стенах, восьмиугольные в плане, были значительно выше других. Высота их «до яблока» составляла соответственно 22 и 20 саженей (46 м и 42 м). С них в ясную погоду хорошо были видны стоялые остроги на Белгородской черте, расположенные в 10—15 км к юго-западу, югу, юго-востоку и востоку от Козлова, а также Бельский городок. С трех сторон за крепостной деревянной стеной находился ров, с четвертой, восточной, стороны крепость примыкала к реке. Существовал и тайный подземный ход из крепости.

¹⁶² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 651, л. 126; ИТУАК, вып. 33. Тамбов, 1892, стр. 93—94.

¹⁶³ ИТУАК, вып. 33. Тамбов, 1892, стр. 72.

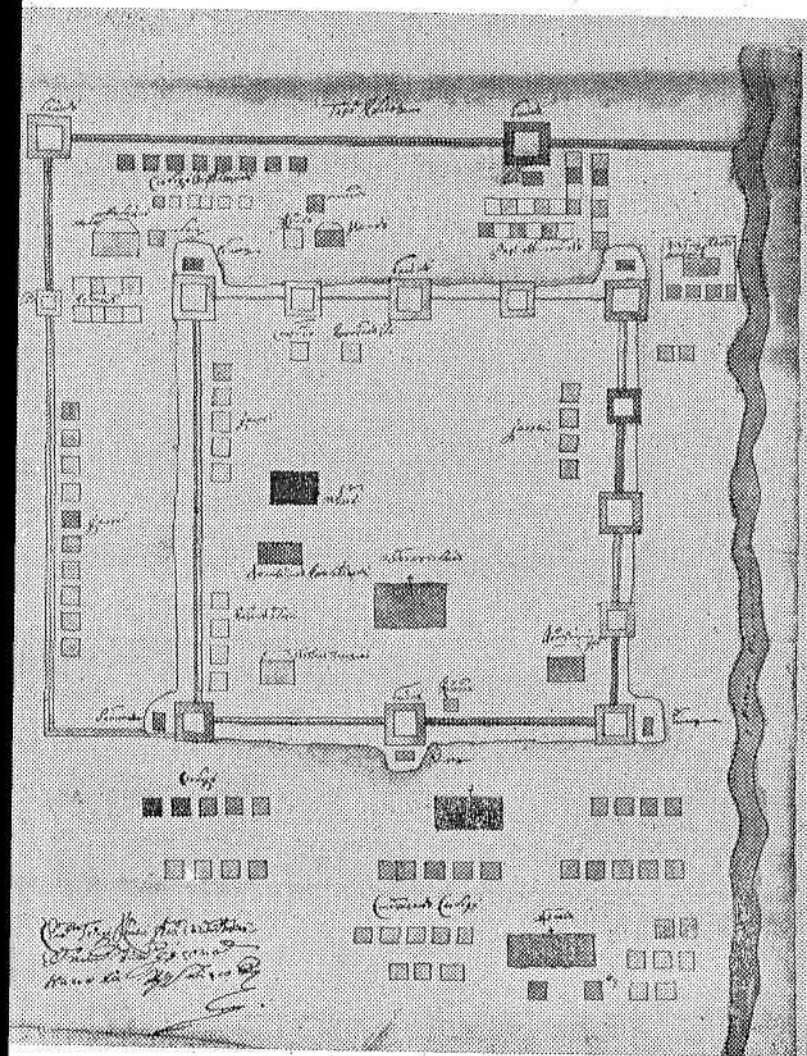

Рис. 14. План г. Козлова начала XVIII в. Старая крепость XVII в. сохранила свои контуры, но с запада и севера появились дополнительные стены, уменьшилось число башен. Тайник к реке Лешному Воронежу шел в XVII в. от второй снизу башни восточной стены. Подлинник находится в Центральном государственном военно-историческом архиве (ф. 349, оп. 17, л. 3328)

Пригородные слободы, расположенные к северу и западу от крепости, защищались двумя линиями надолб, среди надолб находилось 6 деревянных башен. Длина этой дополнительной линии укреплений составляла 1540 сажень (более 3 км). Расположенная за рекой казацкая пригородная слобода (ныне — с. Заворонежское) также была защищена надолбами на 595 саженьях (1,2 км).

Козловский уезд занимал большую территорию, весьма велик был и Козловский участок Белгородской черты. Не удивительно поэтому, что в Козлове значилось больше служилых людей, чем в каком-либо другом городе на черте. В 1677 г. в Козловском уезде в городской службе числился 4501 человек. Среди служилых людей преобладали дети боярские, которых было более 3700; сохранилась здесь и социальная группа поместных атаманов. Служилых «по-прибору» было сравнительно немного: стрельцов — 188, полковых казаков — 299, имелись также сторожевые казаки, пушкарки, затишники, воротники. Большинство козловских служилых людей жило не в городе, а в окрестных селах. В количестве торгово-ремесленного населения Козлов значительно уступал Воронежу, посадских людей в Козлове было лишь 43¹⁶⁴.

Восточную половину Козловского участка занимал земляной вал, хорошо сохранившийся и сейчас. Он тянулся почти на 29 км¹⁶⁵ через степь с запада на восток, от р. Польного Воронежа к р. Челновой — притоку Цны. Недалеко от начала вала построен был Бельский жилой городок, который считался «пригородом» Козлова. Он находился на левом берегу р. Польного Воронежа у устья речки Белянки (Белого Колодезя). Бельский городок был деревянным, окружность его равнялась 462 саженьям (970 м), стены были сделаны из вертикально стоящих дубовых бревен. Городок имел 7 башен, в том числе 2 проезжие. Козловский вал был насыпан в 1636 г. на всем протяжении от р. Польного Воронежа до р. Челновой, но высота его была сначала невелика — всего одна «косая сажень» (примерно 2,5 м). На валу было сделано 4 земляных городка и несколько десятков деревянных башен. Вал не имел деревянного «ослона» и вскоре стал осыпаться. Большие работы по дальнейшему укреплению вала

¹⁶⁴ ДАИ, т. 9. СПб., 1875, стр. 299—300.

¹⁶⁵ Точную длину Козловского вала — 28 км 833 м определил в 1952 г. В. И. Кошелев, проводивший маршрутную съемку вала.

проходили в конце 40-х и начале 50-х годов XVII в. Высота вала была поднята до 2 сажень, увеличилась его ширина, были построены новые земляные городки, выкопан новый ров.

В 60—70-х годах XVII в. на Козловском валу располагались 37 земляных городков, в 33 из них построены были деревянные башни. Земляные городки, по обыкновению, выступали за линию вала, что позволяло их защитникам вести вдоль вала фланговый огонь. Некоторые земляные городки имели свои названия, другие назывались просто по номерам. В «дозорной росписи» 1666 г. указаны названия пяти городков: Чебоксарский, Красный, Ярославский, Моховой; Челновой (крайний с востока). Недалеко от последнего земляного городка у р. Челновой в южном направлении от вала отходили «к тамбовскому рубежу» две линии дубовых надолб. Под их защитой проходила по берегу р. Челновой дорога к Тамбову. Надолбы тянулись на 1220 сажень (2,5 км). Здесь, «у озера», на северной окраине современного села Лысые Горы, заканчивались козловские укрепления, заканчивалась Белгородская черта. Последующие деревянные укрепления выше по р. Челновой и земляной вал на правом берегу р. Челновой относились уже к Тамбовской черте.

Крайний восточный «земляной городок» у вала — Челновой не надо путать с расположенным в 600 м позади вала Челновым жилым городком. Этот последний, как и Бельский городок, считался пригородом Козлова и имел постоянное население. Челновой городок представлял собой дубовую четырехугольную крепость. Окружность городка равнялась 240 сажням, в нем имелись 2 проезжие и 4 глухие башни, высота стен составляла 2 сажени. Городок был обнесен рвом, за рвом стояли «дубовые столбцы» — одиночные, вкопанные в землю бревна. Челновой городок находился на территории современного с. Челнаво-Покровского, на левом берегу р. Челновой, притока Цны.

Общая протяженность Козловского участка Белгородской черты составляла примерно 90 км. На участке мы встречаем различные типы искусственных инженерных сооружений; естественные препятствия для татарской конницы использовались в меньшей степени. Административный центр — г. Козлов располагался ближе к западному краю своей военной зоны, в глубине укреплений, но зато на востоке участка находились два «пригорода» Козлова — Бельский и Челновой го-

родки. Непосредственно «на черте» — в 51 месте — в деревянных стоялых острогах и земляных городках стояли на страже сменные караулы. Такое рассредоточение сил оказывалось удобным на разветвлениях Ногайской дороги, где татары обычно действовали мелкими отрядами.

Географическое описание Белгородской черты для 60—70-х годов XVII в. закончено. Зная протяженность всех рассмотренных нами участков, мы находим их сумму — 798 км. Поскольку некоторые наши измерения были приблизительными (например, когда черта шла по рекам, мы не могли учитывать речные излуины), то лучше округлить это число и определить длину Белгородской черты в 800 км. Самыми большими участками по протяженности были Козловский, Усманский, Воронежский, Белгородский, Хотмыжский; самыми короткими — Болховецкий, Костенский, Борщевский, Белоколодский. Из 25 участков Белгородской черты 14 возникли на уже заселенных местах, 11 — на незаселенных, по частично включенных в хозяйственную жизнь страны благодаря системе ухажьев. Количество деревянных острожков и земляных городков на каждом участке определялось размерами татарской опасности, географическими особенностями местности.

Военное назначение городов-крепостей Белгородской черты ярко отразилось в их последующей судьбе: к настоящему времени из 25 городов Белгородской черты «ранг» города сохранили лишь 7: Белгород, Короча, Новый. Оскол, Острожск, Воронеж, Усмань, Мичуринск.

Таблица 5 дает наглядное представление об особенностях отдельных участков Белгородской черты, позволяет сравнить их между собой.

№ п. п.	Участок	Протяженность, км	Город — военный	
			название в XVII в.	характеристика крепости
1	2	3	4	5
1	Олешинский	25	Олешня	деревянный острог
2	Вольновский	40	Вольный	деревянный острог
3	Хотмыжский	45	Хотмыжск	деревянный острог
4	Карповский	24	Карпов	деревянный рубленый город
5	Болховецкий	11	Болховец	земляной город
6	Белгородский	45	Белгород	1) деревянный острог, 2) земляной город
7	Нежегольский	30	Нежегольск	земляной город
8	Короченский	35	Короча	деревянный рубленый город
9	Яблоновский	40	Яблонов	1) деревянный рубленый город — внутренняя крепость, 2) земляной город
10	Новооскольский	24	Новый Оскол	деревянный острог
11	Верхососенский	14	Верхососенск	деревянный острог
12	Усердский	42	Усерд	деревянный рубленый город

центр участка		Другие «жилые города»	Кол-во стоялых острожков и земляных городков	Постоянные поселения перед сооружением Белгородской черты
дата основания	современное состояние и название			
6	7	8	9	10
отошел к России в 1647 г. 1640 г.	с. Олешня Сумской обл.	нет	—	нет
1640 г.	с. Вольное Сумской обл. с. Хотмыжск Белгородской обл.	»	1	»
1646 г.	не существует, пригородные слободы превратились в села	»	9	»
1646 г.	с. Болховец Белгородской обл.	»	7	»
1596 г.	г. Белгород	»	7	были
1654 г.	с. Нежеголь Белгородской обл.	»	10	»
1638 г.	г. Короча Белгородской обл.	»	9	»
1637 г.	с. Яблоново Белгородской обл.	»	15	»
1647 г.	г. Новый Оскол Белгородской обл.	»	11	нет
1647 г.	с. Верхо-Сосна Белгородской обл.	»	13	»
1637 г.	не существует пригородные слободы превратились в села	»	6	»

1	2	3	4	5
---	---	---	---	---

13 Ольшанский

20 Ольшанск

репьяниный остров

14 Остроторжский.

20 Остроторжск

репьяниный остров

15 Коротоякский

40 Коротояк

репьяниный остров

16 Ворпечский

12 Ворпеч

репьяниный остров

17 Костенский

12 Костёрск

репьяниный остров

18 Ворпечский

48 Ворпеч

репьяниный остров

19 Островский

28 Остров

репьяниный остров

20 Взманинский

55 Взмани

репьяниный остров

21 Белокозловский

15 Белокозловск

репьяниный остров

22 Врпечная восточная
10 город Рязанова

18 Рязанов

1) репьяниный остров
2) репьяниный остров

23 Соколовский

25 Соколовск

репьяниный остров

24 Любонский

40 Любый

репьяниный остров

25 Козловский

90 Козлов

репьяниный остров

6	7	8	9	10
---	---	---	---	----

1644 г. с. Вепхне-Олман

Воронежской обл.

нет

7

нет

4

»

2

Урва

нет

—

Воронежской обл.

с. Костёрск

с. Ворпеч

Воронежской обл.

1642 г.

до этого

с. Ко-

1585 г.

1616 г.

1645 г.

1063 г.

до этого

с. Бе-

начало

XVII в.

репер.

краснояр.

в 1614 г.

1647 г.

до этого

с. Со-

в 1929 г. в. в. в.

в состав г. Липецка

с. Любон

Липецкой обл.

с. Любон

1635 г.

Топоринск

г. Мичуринск

Тамбовской обл.

Вепхне-Олман

нет

7

8

9

10

Следует заметить, что дата возникновения «четверикового хлеба» указана в ряде работ советских историков неточно. Так, В. А. Александров сообщает о введении нового хлеба на юге «с 1668—1670 гг.»¹⁰. А. А. Новосельский, ссылаясь на В. А. Александрова, писал в «Очерках истории СССР» более определенно: «С 1668 г. прибранные служилые люди были обложены тяжелым натуральным оборком — «четвериковым хлебом», который по существу означал феодальную ренту».¹¹ Эта дата (1668 г.) неспеша затем и в другие работы¹². Сбор «четверикового хлеба со служилых людей на юге России был введен, как мы видели, значительно раньше 1668 г. В 1668 г. состоялся лишь первый сбор «по новому окладу на 176-й год», но и новый оклад был введен даже не с 1668 г., а с 1 сентября 1667 г.¹³

В 70-х годах XVII в. размер «четверикового хлеба» на Беатриксской черте составлял уже четверть пуда и четверть овса со явора, а для городов, где собирався хлеб в количестве отыски, — поатопы четверть пудовой мукы¹⁴. Податная черта-

1667 F. 13.

В 70-х годах XVII в. в своем «Стебелковом хвосте» на белорусской земле составил язык черепетьский или черепетский, а для белорусов, где обитали хавы в то время отыскан, — постопа черепетский язык¹⁴. Постопа черепет-

5. Документ не оставался в этом состоянии. Вот, например, надпись на немья усманского военного воронежскому от 2 марта 1672 г.: «Послая я в Усмань к тебе на Воронеж четверничкой хлеб, смолот и муку и устря в поточник четвернички куля два долготы отыскан, на пашенный на 180-й том, взял с усманом а гренки и с усманки молот; а детей борских, и с немцевки отыскан, и с немцевки и с стоповских казанов, и с нуркарей, и с норотняков.» (ТБВА, фан. 4. Воронеж, 1908, стр. 182).

10 В. А. Александров. К вопросу о происхождении населения то-
сударственных крестьян «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 93.
11 Очерки истории СССР. Центральный федеральный округ, т. 143 (второй вариант) — В. А. Новосельский).
12 В. А. Александров. К вопросу о происхождении населения то-
сударственных крестьян «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 93.

Ю. А. Тихонов, Народные движения в России XVIII-XVIII вв. и в СССР, М., 1961, с. 62.

13. III/IV, стр. 616, л. 303—304, № 639, т. 4.
14. Воевода Вятского покая Е. Юрчев так объяснял в 1671 г. «Одесу в юности отыскавша хитреца»

расход, а равная мука посылается в конские посты и множит* (Тю-
хрия Воронежской области, Фонд Воронежской приказной палаты, под-
странице Алексея Михайловича, лето повоевское, 2179 г., тетрадь № 41,
л. 2-3).

В городах, возникших на береговой черте, служившие могут по прибытию иметь первое время избыток в выпонении государственных повинностей. Затем правительство отменило эти избытки, стало обирать служивых людей наты-ранными хлебами и другими натырами. Важным этапом в усилении эксплуатационных мер к служивым людям со стороны феодального государства было введение с середины XVIII в. натурального повинного налога — «четверикового хлеба».

необходимо отметить о подобном обожении служилых людей на юге страны татарскими ханскими народам мы не знаем. В документах, относящихся к осени 1619 г., когда воеводы должны были собрать, кроме десятинного посоного хлеба, «с хлеба по нощетверцу пажни, по нощетверцу ора», в 60-х годах пашер нового народа еще не был упорядочен; четвериковый хлеб, называемый также нощетверцами, колым или поносчымным, собирали ежегодно по селам и селам по привилегиям, распределяемым. Но жалованья по селам

замечта тенденция к укрупнению нагор, к распространению его на слияемых иголей всех южных горюхов. Эта тенденция хорошо проследывается при сопоставлении палеоразрезов 1650, 1652 и 1657 гг. о повороте хребтом обожжения слияемых иголей юга. Локумент 1655 г. говорит уже о многоактном существовании поворота хребта нагор на юге страны: «В промывках горех, по нынешний, по 173-й год, по указу великого государя (Путя) посланы ево, великого го-

губах, раמות в украшенные и в позские и по чете во все
губа, раמות в украшенные и в позские и по чете во все
губа, раמות в украшенные и в позские и по чете во все

обозначен не только служебные по приговору, но и служебные обозначения: «четвериковый хлеб». Четвериковым хлебом

ти псковой земли «в московскую таможениную меру» — это при-
мерно 200 кв. миль. Многие мелкие селенные земли не могли
выдержать такого напора, разорвались и разорвали. Козловский
новорода сообщает в 1673 г., что «многие козацкие от хабских
занасов разбежались, а иные, и не бежав, за бедностью не
платили, из них, козацких, много скупных и бесхлебных, и
взять с них хлебных занасов и с пражском нечего»¹⁶.
Сропские не/онки в сборе четверикового хлеба в 70-х го-
дах XVII в. были массовым взысканием, причем никакие нака-
зания не могли замедлить их роста. В Новом Осколе при
сборе не/онмов скупных людей «день был на пражске, а
ночь держат за караулом», в Костенке «семь человек за
скупостью ничего не дали и скупят за караулом», — таковы
характерные сообщения новояз из городов на Белгородской
чепте¹⁶. Боженина избирательных скупных людей на юге в на-
чале 80-х годов, охватившие и Белгородскую чепту, явились
ответом на усиление феодального гнета и вынужден пра-
вительно снизить размер четверикового хлеба с 1 центнара

Исторические наборы, которыми обогатились мелкие, сел-
ские люди на Белгородской чепте, не организовались «по
скупкам» и «четвериковым» хлебом. Много было ангажи-
рованных наемников. И правительству для военных и других
нужд в районе Белгородской чепты требовались самые па-
радные истребители, и эти истребители оно иррегулярно со-
бирало, непосредственно с населения южной окраины. Так, в
1658 г. скупные люди Нового Оскола писали, что у них
были за последние время в виде единоремежных наемов
пешеходов, а не, истребительных людей, а кроме наемных
наемов, существовали и денежные, к которым относились
скупные татары, а также разнородные чрезвычайные сборы —
мелкие и крупные, например, «на чепина и бымагу по шесту
денег со двора» — при истреблении пешеходов 1684 г.¹⁸

- 15 ИТИА, дела разных городов, кн. 36, ч. 2, л. 312—313.
- 16 ИТИА, книги Моск. ст., № 71, л. 42; ТБВАК, кн. 1, Воронеж, 1902, стр. 138—139.
- 17 ИТИА, стродная Белг. ст., № 1061, л. 1 и след.
- 18 АМТ, т. 2, СПб., 1894, стр. 637.
- 19 Лос. архив Воронежской области, фонд Воронежской ирказной ирды, дела воссоздания, тетрадь № 25, л. 1 и след.

ких скупных людей. Сропство и ремонт укреплений,
строительство государственных судов и спровожжение их в
качестве кораблей и гребцов в Донской отряд — все это
вместе с чисто военными обязанностями нередко отвлекало
мелких скупных людей от земледельства. Многие пос-
ва или жаловались на редкое земледельство. Многие пос-
вои южных городов обращались с избирательными скупными
людьми как со своим крепостным, заставляли их работать
на себя, издевались над ними. Военная вынужденная
кампания феодального государства, господствующего
класса по отношению к избирательным скупным людям, про-
тив новояз поэтому были направлены в первую очередь, их
конкретные вынуждения.

Изменение мелких скупных людей со стороны феодаль-
ного государства шло не только по линии увеличения наю-
гов и новинностей, но и по другим «каналам». Одним из та-
ких каналов были наборы в солдаты, начавшиеся на Бело-
городской чепте, как мы знаем, в 1653 г. Эти наборы резко
ухудшили материальное положение стрелков, казаков, пун-
карей, поселившихся в пун, конечно отразились они и на ка-
честве «ропотной скупки». Избирательных скупных они и на ка-
мол хопоме вынуждали военную скупку, вынуждали нату-
ральной наем и кормить семью тогда, когда у него «по
двору» были другие взрослые мужские — сыновья, подрост-
ники, которые работали на наем во время его отсутствия.
Само правительство ориентировало на это мелких скупных
людей на Белгородской чепте в 40-х годах²⁰, но затем в
1653 г. и 1658 г. в связи с военными потребностями призва-
ло их взрослые сыновья в солдатские полки.

Изменение экзистенциальных мелких скупных людей юга Рос-
сии вылилось и на примере солдат. Команде скупных пол-
ков на Белгородской чепте из семей скупных людей, пра-
вильно считая, имело в виду постоянно сокращать их на-
государственном обеспечении. Но финансовые трудности, воз-
никшие в ходе русско-польской войны, вынуждали правитель-
ство очень быстро отказаться от этого плана. По окончании
походов солдаты стали распускаться по домам с тем усло-

внем, что по неуровню предвзвину они возвратятся в поляны. Солдаты стали получать землю; они становились такими же земледельцами, как и другие мелкие служилые люди²¹. По своим организационным формам и материальному обеспечению солдатекая служба 60—70-х годов XVII в. на Белгородской черте стала похожей на традиционную службу прежних полковых казаков, но походный солдат оказался более самостоятельным и профессиональным. Длительные отлучки, участие в далеких, зачастую неоправданных по времени походах — такая служба солдат была парадоксически несовместима с экономическим потоплением местного земледельца и семье-дальца, оборота солдат и их семьи на родной. Солдаты протестовали против трудности службы темн снободами, которые были для них невозможны, — они не являлись на сборный пункт в Белгород, скрывались от «начальных людей», убеждали на Лед. Примечательно же можно сказать о драгунах, пехотном полку. Рашнина заключалась лишь в том, что пехоты и конницы были в какой-то мере приравнены к частям стрельчатой полка, командовались в значительной части из непереставших детей боярских и несколько иначе были обеспечены материально.

Соборы пашульничных «по домам» солдат, драгун, пехотар на службу в Белгород в 60—70-х годах XVII в. было очень трудно, а иногда и невозможно. Вот характерное мнение в Москву (как обычно, на имя царя) военный Белгородского полка Б. А. Рашнина, относящийся к лету 1666 г.: «В Белгороде твоих, великого государя, батальных людей ныне никакого нет. А наперед сего для тех батальных людей в городы к воеводам и пашульничным людям о высылке тех батальных людей Белгородского полку я, холод твой, писал многая. И на чашные люди батальных людей Белгородского полку с собою не приисли, а сказавши, что те батальные люди учинились на немолу, пашульничным людям, не поехали. А которые немолуе люди с нами в Белгород и немолу, и оне, влиши, а люди поворотились назад. А воевода на городов ко мне, холоди

²¹ Об этом свидетельствуют, например, «сказки» коротоярских солдат, записанные в 1675 г. (ИЛИА, старобуль Поместный ст., № 71, л. 4 и след.).

твоему, никуда безпрестави, что батальные люди Белгородского полку в Белгород не едут, а ныне берут по лесам, и многие пошли на Лед и по ним заплывали рекам»²².

Сотня корументов 60—70-х годов XVII в. говорит о сыске и наказании беглых солдат. Бегство молодых, бегли, но не какие наказания не исправляли бегства. Примечательно также на Белгородской черте 87 солдат — жителей городка Орлова, воевода Белгородского полка Г. Т. Ромодановский требовал от ополченского воеводы их немедленного вернуть, «а которые солдаты учинят избегать и укрываться, и у тех людей везти мать закон их или детей и всяких сродственников, и дерзать в тюрьме и за приказы до тех мест, покаместа те солдаты обрываются у нас в полку»²³. Воронежский и орловский воеводы по преложению сына И. Платова велели для поносов беглых солдат использовать ополченских драгун городовоной службой, «а беглых нещиков по поносам не сыскать, и вместо нещиков быть им в солдатах»²⁴. Царский указ осенью 1674 г. вел в Белгородском полку для «нещиков и бегловых пущих заводчиков» смертную казнь, но разрешалось «по нещиком городовоной» повесить лишь одного бегца, «а иных — бить кнутом»²⁵.

Учение аксантианских служилых людей в Белгородском разрядном полку и на Белгородской черте во второй половине XVII в. отличалось и в русском законодательстве. Исходя из военных потребностей страны, правительство во время строительства Белгородской черты в какой-то мере охраняло земледельческие служилых людей юга от вторжения крупных феодалов. 1 апреля 1637 г., вскоре после утраты великой боярской думы князя Ф. Сухотина и Е. Юрлова, перед царем указом, завершающий предоставление на юге, был принят указ, завершающий предоставление в южных городах помещать и потинны служилым людям думных и московских чинов («бояром, и окольничьям, и думным людям, и стольничим») («бояром, и окольничьям, и думным людям, и стольничим, и стряпчим, и дворянам московским, и жильцом, и

²² ИЛИА, старобуль Беат. ст., № 580, л. 199.
²³ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Изд. М. Де-Ляне, Воронеж, 1861, стр. 314.
²⁴ Там же, стр. 317.
²⁵ ИЛИА, пашульничные указы, оп. 5, стр. 32, л. 13.

дьяком») ²⁶. Указ сохранял силу до 70-х годов. Не следует думать, что правительство стояло на страже интересов мелких служилых людей юга; правильное сказать, что оно просто перекладывало на плечи мелких служилых людей черновую работу по строительству черты, отражению татарских набегов и освоению края. Когда же дело было в основном сделано, когда мелкие служилые люди своим трудом и ратными подвигами отстояли от татар и освоили для России черноземный край, охрана землевладения служилых людей юга прекратилась. В 70-х годах крупное феодальное землевладение распространяется в уездах к северу от Белгородской черты, а в самом конце XVII в. — проникает и на черту ²⁷.

Усиление крепостнических тенденций по отношению к приборным служилым людям на Белгородской черте заметно и в законодательстве по крестьянскому вопросу. Уложение 1649 г., как известно, отменило урочные годы сыска беглых крепостных крестьян и холопов. Крестьяне, записанные за владельцами в писцовых книгах, признавались крепостными навечно, со всем своим потомством. Строительство Белгородской черты не было еще тогда завершено, и военная необходимость вынудила правительство дважды, указами 1653 и 1656 гг. ²⁸, устанавливать все же, вопреки общей норме Уложения, новый исходный срок сыска беглых крестьян для Белгородской черты. Указ 5 марта 1653 г. предусматривал не отдавать владельцам крестьян и холопов, бежавших на черту до принятия Уложения (до 1649 г.), «чтоб черты не опустошить». Указ 20 марта 1656 г. отодвигал начальный срок сыска беглых до 1653 г. для украинских городов и черты.

В первой половине XVII в., в ходе строительства Белгородской черты, правительство делало иногда небольшие шаги в сторону ущемления интересов дворянства: переводило официально крепостных крестьян в положение приборных служилых людей, изредка смотрело сквозь пальцы на запись бег-

лых крестьян в стрелецкую или казачью службу. Эти действия проводились в интересах обороны южной окраины и вызывали недовольство дворян. После 1653 г., когда в основном завершились строительные работы и комплектование гарнизонов на Белгородской черте, правительственных акций такого типа мы уже не видим. Наоборот, на Белгородской черте проводятся массовые сыски беглых крестьян (Воронежский уезд — 1660, 1666 гг.; Усманский уезд — 1660 г.; Козловский — 1661, 1662, 1664, 1665 гг.) ²⁹. Крестьяне, бежавшие на черту и даже записавшиеся в службу, возвращаются владельцам. Сами укрепления Белгородской черты начинают использоваться не только для отражения внешнего врага, но и для задержания беглых, направлявшихся за черту.

При всем разнообразии конкретных поводов к отдельным выступлениям мелких служилых людей, низов посада и крестьян на Белгородской черте, народные движения вспыхивали здесь закономерно, в ответ на усиливавшуюся феодальную эксплуатацию.

ВОССТАНИЯ И ВОЛНЕНИЯ В ГОРОДАХ НА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЕ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Выступления народных масс на Белгородской черте против феодального гнета и произвола восвод в 1635—1645 гг., на первом этапе строительства черты, не носили характера открытых восстаний и волнений. Служилые люди ограничивались послылками в Москву жалоб, крестьяне стремились, и притом небезуспешно, записью на службу выйти из крепостной зависимости, широко распространенной формой протеста было бегство на Дон. Но на второй период строительства черты (1646—1653 гг.) приходится уже много открытых вооруженных выступлений, которые мы и рассматриваем ниже в хронологической последовательности. Большинство из них связано с известной волной городских восстаний, прокатившихся по России в середине XVII в. Известия о восстаниях в других городах, особенно в Москве (1648 г.) и Новгороде (1650 г.), встречались на Белгородской черте весьма сочувственно. Некоторые волнения этого периода вспыхивали здесь и по другим поводам.

²⁹ См.: А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 84—89.

²⁶ Историко-юридические материалы, изд. московск. архивом мин. юстиции, вып. I. Указная книга Поместного приказа. М., 1889, стр. 121—122.

²⁷ См.: А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. «Исторические записки», 1938, № 4, стр. 23—26.

²⁸ Тексты указов приведены и весьма умело проанализированы А. Г. Маньковым в книге «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века» (М.—Л., 1962, стр. 124—126).

Ярко выраженную классовую направленность имели волнения в Воронежском уезде весной 1646 г. Выше уже говорилось о подготовке русским правительством в 1646 г. удара по Крымскому ханству, важной составной частью которого являлся поход из Воронежа в Приазовье «вольных охочих людей» под командованием воеводы Ж. Кондырева (см. главу II). Имелось в виду набирать для похода только свободных, неслужилых людей. Правительство неоднократно, особенно после многочисленных жалоб дворян, указывало, что «из служб, и с тягла, и кабальных холопей, и с пашен крестьян отпускать на Дон не велено»³⁰. Но фактически среди трех тысяч «вольных охочих людей» в Воронеже оказалось много беглых крестьян.

Ж. Кондырева от Москвы до Воронежа сопровождал отряд донских казаков во главе с атаманом Павлом Чесночхиным (Федоровым). В Воронеже донские казаки с оружием в руках защищали крестьян и холопов, не давали воеводе и некоторым дворянам забирать своих крепостных. Когда дворянин И. Чемоданов нашел в Воронеже среди вольных охочих людей семь своих беглых крестьян, и попытался совместно с Ж. Кондыревым их взять, донские казаки не отдали новых товарищей. Казаки угрожали Ж. Кондыреву, напоминая ему об участии И. Карамышева³¹. Воронежский воевода А. Бутурлин писал в Москву, что среди добровольцев находятся служилые люди, крестьяне, холопы и даже его собственные крепостные, «а донской атаман Павел Федоров и донские казаки стрельцов московских, и беглых боярских холопей, и воронежских стрельцов, и полковых казаков, и пашенных крестьян никому не выдают»³².

Из-за отсутствия судов отправка добровольцев в низовья Дона задерживалась. В Воронеж подходили новые сотни людей, жалования на всех не хватало. Вольные охочие люди, по словам А. Бутурлина, «ходят полками» по Воронежу, многие из них «наги, босы и голодны». 26 апреля добровольцы «с шумом» приходили к съезжей избе и угрожали воеводе. В городе и уезде начались вооруженные выступления вольных охочих людей. Социальный состав добровольцев пред-

определил направление этих выступлений. «А которые писались здесь на Воронеже Воронежа-города и из уезду вольные люди, и многие, государь, из-за монастырей и от детей боярских крестьяне, и с служб стрельпы, и казаки, и их дети, и братья, и племянники; и они, государь, детей боярских, за кем живали, побивают и многих грабят, и двory их и гумна зажигают», — так доносил в Москву воронежский воевода³³. Получившие оружие крестьяне, совместно с частью приборных служилых людей, спешили расправиться с ненавистными им помещиками. Характерно, что крестьяне выступали в первую очередь против собственных помещиков («за кем живали»). Из приведенного только что документа видно, что классовая борьба в Воронежском уезде приняла в 1646 г. острые формы. Волнения в Воронеже прекратились только после отправки вольных охочих людей в низовья Дона.

Воронежские события 1646 г. отделены от городских восстаний 1648 г., вспыхнувших вслед за Москвой в ряде городов-крепостей Белгородской черты, небольшим сроком. Но на эти два года, совпадающие по нашей периодизации с началом второго этапа в строительстве Белгородской черты, приходится крупные социальные перемены. Именно в 1646—1648 гг. произошло резкое сокращение количества крестьян и увеличение числа приборных служилых людей в районе строящейся укрепленной линии (см. об этом выше, в главе II). Движущей силой народных волнений 1648 г. на Белгородской черте явились мелкие служилые люди; только в Воронеже, где к этому времени успел сложиться посол, в восстании приняла участие и городская неслужилая беднота. Раньше других городов события развернулись в Козлове.

Козловский воевода Р. Боборыкин издевался над мелкими служилыми людьми, использовал их труд в своем хозяйстве, что вызвало к нему ненависть жителей города. Козловцы неоднократно посылали в Москву жалобы на воеводу³⁴. Восстание в Козлове началось 11 июня 1648 г. Поводом явилось извещеие о московском восстании, которое привезли в Козлов казак С. Кобузов, стрельцы Г. Самандаков и О. Дружинин.

³⁰ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 162, л. 342.

³¹ РИБ, т. 24, СПб., 1906, стр. 802—803. Воевода И. Карамышев был убит казаками на Дону в 1630 г.

³² Там же, стр. 815.

³³ Там же, стр. 817.

³⁴ А. Н. Зерцалов. К истории мятежа 1648 г. в Москве и других городах. Чтения ОИДР, 1896, кн. 1, стр. 26.

ны стали требовать от воеводы И. Ртищева, чтобы тот показал им «государеву грамоту»³⁹ о походе на Козлов, но у И. Ртищева такой грамоты не было. Сокольские драгуны совсем недавно, по царским указам 1647 и 1648 гг. освободились от крепостной зависимости (о переводе крестьян в драгунскую службу см. в главе II) и верили в добрые намерения царя. Считая, что воевода скрывает от них царские грамоты, драгуны и по возвращении в Соколыск продолжали «целешливо» требовать показа им грамот. 1-го июля воевода «побежал к себе на двор», а драгуны увели с собой подьячего приказной избы. 3-го июля драгуны, вооруженные пикалями и рогатинами (более 300 человек), собрали в Соколыске «круг» и звали на него воеводу, но тот вместе с начальными людьми заперся в башне. В окрестных селах драгуны по казачьему обычаю также «збирали круги». В селе Ильинском Городище по Иван от имени всех сокольских драгун написал жалобу на воеводу. Драгун П. Овчинников «с мирской челобитною» поехал в Москву. Руководителями волнений в Сокольском уезде были драгуны Гур Золотарев, Федор Мозолевский, Сергей Богомолов. Сокольский воевода фактически сидел в осаде с 3-го по 27-е июля 1648 г., его распоряжения не выполнялись.

Правительство поручило подавить волнение в Соколыске воеводе г. Доброго И. Кайсарову. Сокольские драгуны не оказали ему сопротивления; видимо, магическое действие на них оказало наличие у И. Кайсарова грамоты, в которой царь требовал от добровского воеводы «перенять» организаторов сокольских волнений. И. Кайсаров захватил в Соколыске Г. Золотарева и еще девять драгун и заключил их в тюрьму в г. Добром. Характерно, что расследование событий в Сокольском уезде не выявило ни одного факта грабежа, драгуны принимали решения «всемирно», старались действовать по закону. После четырехмесячного заключения сокольские драгуны были выпущены из тюрьмы, «для того, что убийственное дело до них не дошло»⁴⁰.

Неспокойно было летом 1648 г. и в ряде западных крепостей Белгородской черты. В июле 1648 г. мелкие служилые люди собирали круги в Карпове, грозили «убить камнем»

воеводу в Хотмыжске. Здесь наряду с сообщениями о московском восстании немалое влияние на развитие народных движений оказывали известия о национально-освободительной войне украинского народа. Сын боярский А. Покушалов говорил летом 1648 г. в Карпове: «На Дону и без бояр живут, а в Литве де черкасы панов больших побили и повывели». До открытых вооруженных выступлений в западной части Белгородской черты дело в 1648 г., по-видимому, не доходило⁴¹.

Как мы видели, ряд восстаний и волнений на Белгородской черте тесно связан с московским восстанием 1648 г. Отклик на черте в виде волнений в Усмани получило также новгородское восстание 1650 г. Усманские волнения связаны и с принятием нового свода законов — Соборного уложения 1649 г.

В число приборных служилых людей г. Усмани в 40-х годах XVII в. пошло немало беглых крестьян. Воронежские дети боярские, лишившиеся своих крепостных, жаловались в Москву, что усманские воеводы принимают и записывают на службу всех желающих, «откуда кто не придет». 8 мая 1650 г. усманскому воеводе Е. Челищеву была направлена из Москвы грозная грамота, где строго указывалось под угрозой опалы и штрафа не принимать в Усмань «крестьян, и бобылей, и крестьянских детей, и племянников, и холопей боярских, и всяких крепостных людей». В грамоте подчеркивалось, что «по нынешнему Соборному уложению крепостных всяких людей велено отдавать тем людям, которым крепки». Воевода обязан был объявить служилым людям «не по одиножды», чтобы они «Соборное уложение ведали»⁴². Формулировка царской грамоты была такова, что многие служилые люди Усмани — бывшие крепостные крестьяне — должны были увидеть в ней серьезную угрозу своей свободе. В это же время усманский подьячий Любим Матвеев привез сведения о новгородском восстании. По донесению воеводы Е. Челищева подьячий ездил в г. Ефремов и, вернувшись, «сказал, будта тебе, государю, многие города непослушны учини-

³⁹ См.: Е. В. Чистякова. Антифеодальный дух у фортецах наводно-защитной линии Белгородской сторожевой смуги (1648–1650 гг.). «Український історичний журнал», 1961, № 4, стр. 102–107.

⁴² ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 296, л. 133–136.

³⁹ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 185, л. 72–73.

⁴⁰ Там же, л. 84 об.

лись — Новгород Великий с пригородами да Тондор⁴³, воевод
де была побита до смерти, а иных де пытали и животы их
разрабадали»⁴⁴.

Усманские стрельцы и казаки отказались подчиниться
Е. Чесинцеву. По обыкновению они написали жалобу на во-
воду. Руководители движения обосновались на две недели в
с. Ивнихах и, несмотря на противополитные военные, собрали
Москву позывные Л. Матвеев и Г. Кондаков. 9 июня 1650 г.
и Земани произошло открытое выступление казаков и стрель-
цов против воеводы и «лучших уездных людей» (детей бояр-
ских). Стрельцы и казаки пришли к стрельцам изде с «бес-
ким шумом и подняли ружье — нищали и рогатники»⁴⁵. Вое-
воде со своими сторонниками удалось отделиться в съезжей
избе. Руководители восстания были казаки А. Натаров,
К. Гончар, М. Гаврилов, стрельцы А. Коробкин, И. Козари-
нов, Н. Арафонов. Воевода несколько дней сидел в осаде, но
затем принял весть о появлении татар, и военные временно
прекратились. Поход усманцев против татар к р. Матаре
проложился с 18 по 23 июня 1650 г. Вернувшись в Усмань,
воевода попытался захватить участником восста-
ния и посадить их в тюрьму. Нескольких человек ему уда-
лось взять, но остальные казаки и стрельцы отбили своих то-
варичей. Восстание вспыхнуло вновь. 27 июня повстанцы,
«вылая ножки натово», вновь осадили И. Чесинцева в съезжей
избе, избивли многих детей боярских, пытавшихся подстергать
воеводу.

Подавить восстание воеводе и усманским помещикам по-
могли дети боярские Лисейинского и Елифанского уездов.
Однако захватить руководителей восстания воевода не сумел.
Повстанцы отделись и отошли в лес, а затем бежали на Ве-
ликий Новгород. В 1653 г. волнения вспыхнули в Козлове в связи с фор-
мированием солдатских полков. Здесь также было набрать
из Ошанка поповского или воеводского, певч ищет, видимо, не о Тамбове.

а о Пскове.

43 ЦГАДА, строгая Беат. стр., № 296, л. 78.

44 Там же, л. 113.

45 Там же, л. 161.

Локумента об усманском восстании были обнару-
жены В. И. Киявиченским; впервые он сообщил о нем в своей книге
«Воеводы города Усмани XVII столетия» (Тамбов, 1916), а затем обмолвил
более подробно в газетной статье в 1958 г.

особенно много солдат из числа родственников служивших
людей. Интересно, что в явном руководителем волнений мы
видим участником козловского восстания 1648 г.

Воевода И. Пущкин, выполая распоряжение правитель-
ства, записал в Козловском уезде в солдаты 2275 человек —
правильчески всех подхожих по возрасту детей, братьев,
племянников и других родственников, живших в семьях са-
мых людей. Набор вырывает из семей служивших людей мо-
лодых, зрелых работников и не мог не вызвать резкого
недовольства козловцев. В конце мая 1653 г. повстанцы
собрались в Козлове. Сопровождали их на службу в г. Мого-
лин, в иностранцев, назначенных в солдатские полки «на-
чальными людьми», и 10 козловских детей боярских.

Распоряжение воеводы И. Пущкина о немедленном вы-
ступлении в поход солдаты не выполняли. Когда воевода при-
казал схватить и наказать «ослушников», то солдаты, подни-
мая палки, топоры и рогатники «вверх». Как доносили воевода,
солдаты кричали: «Кому нас млати, и мы побьем до смер-
ти»⁴⁷. Воевода действовал коварно. Обещавшая жалованья
он несколько услаков солдат, отложив поход в Моголин и
в это время захватил некоторых руководителей движения —
десять человек «заводящих, которые бунт и шум заводили». Одних из них оказался сын боярский Матвей Амосов, кото-
рый приходил к солдатам «в табары» и советовав им всем
месте идти не на службу в Моголин, а с честью идти в Мо-
скву. Воевода называет М. Амосова «главным заводящим»
и сообщает, что М. Амосов прежде «за такой же порочной
заводы» против воеводы Р. Боборыкина был бит кнутом. На
этот раз воевода И. Пущкин приказал бить М. Амосова «кну-
том нещадно, вода по всем солдатским станам»⁴⁸. Воеводе
удалось устранить солдат. 1 июня 1653 г. солдаты высту-

47 ЦГАДА, строгая Пущк. стр., № 202, л. 25.

48 Там же, л. 26.

Однако на этом волнения не кончились. Солдат в пути,
на берегу Дона, написав козловцы дети боярские В. Баран-
ников, С. Афанасов и В. Ширков. Воевода И. Пущкин нази-
вает Василия Бараникова «пресекшим бунтовщиком», а други-
х остальных — «новыми бунтовщиками». Как и М. Амосов,

Дону и делала крутой поворот вдоль него к северу, имел важное стратегическое значение. Удерживая Коротояк, правительственные войска закрывали разинцам путь на север, затрудняли распространение восстания по Белгородской черте, перекрывали основной канал снабжения продовольствием воеводы, так и у служилых людей находились запасы хлеба, в котором очень нуждались повстанцы. Осенью 1670 г. разинцы сравнивали по значению Коротояк с Азовом. «Каков нужен казаком Озов, таков де нам ныне Коротояк», — говорили в сентябре 1670 г. разинский атаман Федор Колчев и его товарищи⁵⁶. Царское правительство с некоторым запозданием отдало приказ воеводе Г. Г. Ромодановскому двинуться от Севека с крупными силами в направлении Коротояка, и атаман Ф. Колчев сумел опередить воеводу.

Разинский атаман Федор Колчев, сыгравший большую роль в организации восстания в районе Белгородской черты, является интересной и, на наш взгляд, типичной фигурой среди руководителей движения. Он происходил из крестьян, вырос на Белгородской черте, был драгуном в Добровеском уезде, затем конейщиком в Белгородском полку. За пять лет до восстания он ушел на Дон, жил в казачьих городках; в 1670 г. сразу же присоединился к Степану Разину, участвовал во взятии Царицына и Астрахани, в сражении под Черным Ярм. Он имел большой боевой опыт, но в роли командира до осени 1670 г. ему, видимо, выступать не приходилось.

7 августа 1670 г. Ф. Колчев находился в составе трехтысячного отряда, направленного Степаном Разиным к Дону. Интересно, что Степан Разин лично провожал этот отряд «от Царицына в степь 6 перст». На Дону, в Паншинь-городке, атаман Я. Гаврилов «выбрал» Федора Колчева и казака Федора Агеева (в прошлом жителя Козловского уезда) для важного поручения. В верховых казачьих городках Ф. Колчев и Ф. Агеев должны были от имени Степана Разина набрать «охочих вольных людей», а затем подойти с отрядом к Белгородской черте и завязать сношения с полковником Острогожского черкассского полка Иваном Дзиньковским. Установить контакт с И. Дзиньковским Ф. Колчеву было не-

трудно, так как за укреплениями Белгородской черты, у впадения в Дон реки Колыбелки находилась «слободка», где жили крестьяне полковника. Ф. Колчеву следовало в этой слободке подождать ответа от И. Дзиньковского и, если ответ будет благоприятным, войти в Острогожск, поднять там восстание и распространить его по окрестным городам, где «побивать» воевод и приказных людей, «кого в городех черным оговорят»⁵⁷. В случае, если И. Дзиньковский передаст, «что им к городу за какими причинами идти не можно», Ф. Колчеву следовало ждать прибытия Я. Гаврилова с большим отрядом повстанцев. Я. Гаврилов собирался отвезти в городок Кагальник посланные Степаном Разиным пушки и деньги, а потом «к ним идти вскоре»⁵⁸. Вместе с подробными инструкциями Федор Колчев получил несколько грамот Степана Разина, адресованных простому народу, «всей черни». Задача Федора Колчева заключалась, таким образом, не только в разведке, но и в расширении района восстания.

7 сентября отряд Федора Колчева в составе 23 человек прибыл в полковничью «слободку» Колыбелку. Здесь к повстанцам примкнули крестьяне полковника И. Дзиньковского — еще 24 человека. С крестьянином Иваном Казачком Ф. Колчев послал записку И. Дзиньковскому. Полковник ответил с посылным, что для перехода острогожского гарнизона и жителей города на сторону повстанцев достаточно прибытия от Степана Разина пяти человек, «не токмо, что 23 человека». Одновременно он послал Ф. Колчеву мешок пороха, две пищали и посоветовал идти «наспех», чтобы успеть раньше Г. Г. Ромодановского. «Как де они придут и засядут Острогожской и Ольшанской и Коротояк да боярского приходу, так де и все украинные города будут за нами», — так передал атаману Ф. Колчеву от имени полковника И. Казачок⁵⁹.

Немедленно отряд Ф. Колчева на конях и телегах выступил

⁵⁷ Там же, стр. 27.

⁵⁸ Там же, стр. 28. Я. Гаврилов — низовой донской казак, был послан перед этим для переговоров от Войска Донского к Степану Разину, сразу же примкнул к повстанцам. Поход Я. Гаврилова вверх по Дону не осуществился главным образом из-за противодействия низовых казаков и старшин Войска Донского, оставшихся верными правительству. Осенью 1670 г. Я. Гаврилов возглавлял группу низовых донских казаков — сторонников Степана Разина в Черкасске. Погиб в декабре 1670 г.

⁵⁹ Там же, стр. 29.

⁵⁶ Там же, стр. 24.

пит на Кумыбесте. Расстояние в 50 км разинцы преодолели за одну ночь, проводником был тот же крестьянин И. Каза-чок. К стенам Остророжской крепости отряд подошел за час до рассвета 9 сентября. По приказу И. Дзиньковского каза-ульские черкасы пропустили казак-разинцев в город.

Разинцы сразу же захватили войско Остророжска В. Ме-сенцева и подьячего приказной избы. Никто из жителей Ост-ророжска, бежавших на крик, не выступил против разин-цев. По казачьему обычаю был создан крют, на котором пе-шили войско «поднять в воду» (утопить), что и было пе-сечено.

Местные испуганные войска, польского и та-моженинских откупщиков собрали на воеводском лагере, где И. Дзиньковский оцепил его своей пехотой. Вскоре за го-родом был создан новый крют, где мисарь Остророжского полка М. Жуковцев считал нежелательным всем народом грабить от-купщиков. Разинцы: «Пустят вам Степан Тимофее-вич всей черни. Хоть захотел бы государь посылать, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я высшая казакон, и вам бы заодно пашенником вывешать и мурских крапанцев вывешать. И мои казаки како промысл стану-чинить, и вам бы идти к ним в совет, и кабы были и анать-ныи шаны бы в полк к моим казакам»⁶⁰.

На призыве народного вождя откликнулись многие остро-гожцы — стужанские люди по призыву, черкасы Остророжско-го полка, «гулящие люди». Первые в крют вышли стрельцы Фетор Найдомый, который заявил, что идет с разинцами. Тут же было решено немедленно двинуться к соседней кре-пости на Восторожской черте — Олышанску. Как говорил поз-же на допросе Фетор Кочнев, «помню с ними черкас и рус-ских эта с 4»⁶¹. Стрельца Ф. Найдомого назначили сотни-ком. К Олышанску пошли и некоторые старшины Остророж-ского полка: сотники В. Григорьев, Я. Черкас, мисарь М. Жу-ковцев, обозный Н. Боняника, Восторожских, явских, усерд-ских, короческих и аманских черкас, входивших в состав Остророжского полка, но не захотевших участвовать в похо-де к Олышанску. И. Дзиньковский отпустил по домам.

⁶⁰ Там же, т. II, ч. I, М., 1937, стр. 65. Эта широко известная гра-мота, привезенная в Остророжск Федором Кочневым, была после посто-янных востангий отправлена в Москву; единственная из всех разинских «присестных писем», она сохранилась в подлиннике.

⁶¹ Там же, т. II, ч. 2, М., 1959, стр. 28.

Фетор Кочнев успешно использовал элемент внезапности. К Олышанску повстанцы подошли «безвестно скорым обы-чаем» того же 9 сентября, вечером. Здесь, как и в Остро-гожске, население города перешло на сторону восставших. Воеводу С. Бекетмисева разинцы казнили, спросив с дан-ни, двух «начальных людей», особо ненавидимых народом, уто-пили. Все имущество казненных разинцы разделили между собой поровну, причем отложили «наш» и для Дзиньковского, оставшегося в Остророжске.

Переход остророжского полковника Ивана Дзиньковского на сторону разинцев объяснить не просто. Стариный офицер, богатый человек, владевший многими крепостными крестьян, он имел много общего с восставшей «чернью». С одной стороны, на повеления И. Дзиньковского могли сказаться характер-ные для того времени разногласия между украинской каза-чьей старшиной и русской царской административной. Для возникновения таких разногласий были условия и в Остро-гожске, где переметались две власти: полковник И. Дзинь-ковский командовал черкасами, а находившийся тут же воевода осуществлял административную власть в городе. Вторая фактором, оказавшим влияние на решение И. Дзинь-ковского, могли быть личные связи и предрасположения авто-ророчского, могли быть личные связи и предрасположения авто-ророчского со Степаном Разинным. Личные разинцы гово-рили позже на допросах, что «осторожской полковник Иван Дзиньковский к Степани Разину весной гуляши втай многие попарки и запасы и вино и мед посылывал»⁶². И, наконец, И. Дзиньковский, видимо, переметнулся к разинцам посто-янно, считая, что всякий за отрядом Ф. Кочнева в Остророж-ске сразу же пойдут многочисленные войска разинцев. Но при всех этих условиях переход И. Дзиньковского на сто-рону восставшего народа, несомненно, был актом мужества, заслуживающим уважения.

После взятия Олышанска перед отрядом атамана Ф. Коч-нева открылась возможность дальнейшего расширения рази-на востангия. Но этого не произошло. Среди повстанцев не оказалось крепкого ядра из полных казаков, почти не было в отряде и крепости. Прямиком к отряду Ф. Кочнева уже пошла на Олышанск черкасы не были заинтересованы в рази-нитии востангия. Ф. Кочнев хотел провозгласить разинцы к за-

наду и взять еще п. Вспер, но крыт в Ольшанске, составившийся 10 сентября, вынес пешеное о возвращении в Остророжск. Взяв в Ольшанске пушку и порохов, повстанцы в тот же день вернулись в Остророжск и собрались выступить затем к Капотюку.

Воеводу окрестных городов, узнав о переезде Остророжска и Ольшанска на сторону Стенана Разина, был охвачен нелепым страхом. Особенно страшная из не была разоруженных, а разоружка их местным населением, то, что «страшные» казаки не боятся, а воеводу боятся. В г. Романовое воевода Семен Федоров так перепугался, что, как перепугали козловые своим воеводой, «бьет и стонотной колокол безпрестанно»⁶³.

Особенность социального состава повстанцев в Остророжске создавала благоприятные условия для возникновения затопора против казачьих разоруженцев. Его составили священники остророжских церквей во главе с протопоном А. Гринбергом, приняв сторону Остророжского покая во главе с Г. Карабашевым, боялись «торопить людей» на разных городах, нахаживались в Остророжске. К затопору присоединилась часть остророжских черкас. Вечером 10 сентября затопорщики напали на повстанцев. Лишь несколько казаков-разоруженцев удалось бежать, остальные, в том числе атаман Федор Кочев и есаул Федор Агеев, попали в плен. Завязав был и поиманник И. Данильковский. Так, вспыхнувший ярким пламенем, быстро погасло восстание в двух городах Белгородской черты.

Добившись успеха и опасаясь приближения к Остророжску новых разоруженцев, затопорщики обратились за помощью к воеводам окрестных городов. Коротоякский воевода М. Ознобинин немедленно прибыл в Остророжск, поручивский воевода В. Выхостов послал туда 400 ратных людей под начальством казачьего головы И. Михнева. Скованные железом, рывководители повстанцев Ф. Кочев и Ф. Агеев под коноводом были отправлены в Белгород, вскоре их казнили в Москве. Федора Кочева — «на Волот», Федора Агеева — «за Мускиным вороты по Володимирской дороге»⁶⁴.

До подавления повстанцев о восстании в Остророжске воевода Т. Ромодановский немедленно донес из Сивска к Белто-

родской черте, направившись в район Остророжска и Коротояка. 12 сентября он находился в Сивске, а через его заставу велась об остророжских событиях. С Ромодановским в походе был в это время 4491 человек. Т. Ромодановский ускорил движение; пошел днем и ночью наскоро. 13 сентября он был в Капотюке, где узнал о подавлении повстанцев; 14 сентября Т. Ромодановский уже допрашивал в Белгороде Федора Кочева.

К району Остророжска и Коротояка стягивались крупные силы царских войск. По распоряжением, отрядами еще в августе, ретары, правили, создали там на службу в Белгородский полк. Т. Ромодановский сообщил о том, что «ратные люди к нам в полк прибывают беспрестанно»⁶⁵. 18 сентября он выступил из Белгорода, 22 сентября под его командованием в Белгородском и Сивском полках насчитывалось уже более 11 тысяч человек⁶⁶.

Для Фрола Разина, собиравшего в это время повстанцев для похода к Коротояку, военная обстановка складывалась неблагоприятно. Не зная о приближении к Коротояку царских войск, а, возможно, расчитывая их опередить, Фрол Разин двинулся на судах вверх по Лону. Коротоякский сын Борискин Е. Шербинин, увидевший 26 сентября стрелы разоруженцев с Искровской сторожки, определил количество казачьих в три тысячи, но другим, более правдоподобным данным, в составе отряда Ф. Разина было около двух тысяч человек. Наутро Савостьянову, возвращавшемуся по Лону «с рибного промыслу», казаки сказали, что они идут к Коротояку и Белгороду «выбодить бояр и воевод»⁶⁷. Фрол Разин, лично знавший Н. Савостьянова, послал его тайно в Воронеж.

Приблизившись большого отряда разинцев к Коротояку не оказалось нежелательным для правительственных войск. 26 сентября «в ранний обод» сторожа заметили казачьи стрелы у впадения в Лон р. Икропа и в тот же день сообщили об этом в Коротояк. В это время Т. Ромодановский был уже в Остророжске, а посланные им вперед ретары под командованием Т. Попова и сумские казаки поимали Т. Кочева — «за Мускиным вороты по Володимирской дороге».

Население Коротояка, несомненно, подвергалось бы па-

63 Там же, стр. 40.
64 Там же, стр. 45.
65 Там же, стр. 69.

66 Там же, стр. 28.
67 Там же, стр. 64—66.

пад, из районов Коротояка и Острогожска — в Новый Оскол. Отдельные воинские части, входившие в состав Белгородского и Севского разрядных полков, Г. Ромодановский направил за черту, на подавление восстаний в Чугуеве, Цареве-Борисове, Малицком и других городах.

Разинские отряды появлялись и внутри Белгородской черты. Воевода г. Богородицка С. Нелединский с дворянами и детьми боярскими Тульского, Коломенского и Дедиловского уездов преследовал повстанцев от р. Плавы, протекающей южнее Тулы, до Старого Оскола, причем воеводы ряда городов «сидели в осаде» и не оказывали ему поддержки. Г. Ромодановский послал войска, чтобы перехватить этот повстанческий отряд, но разинцы ушли «за вал» через проезжий Хмелевой городок, недалеко от Яблонова⁷¹.

К этому времени царским войскам удалось нанести поражение главным силам Степана Разина под Симбирском. Степан Разин с группой своих соратников ушел на Дон. Всю осень и зиму 1670—1671 г. восставшие крестьяне и казаки боролись с царскими войсками. Однако силы были неравны. К весне 1671 г. погасли почти все очаги народного движения. Сам Степан Разин был захвачен в городке Кагальнике низовыми зажиточными донскими казаками и казнен в Москве 6 июня 1671 г. Лучшее организованное, опирающееся на мощь государственного аппарата, господствующий класс феодалов одержал победу над восставшим народом.

Ход военных действий между правительственными войсками и повстанческими разинскими отрядами у Белгородской черты вновь подтвердил двойственное социальное лицо мелких служилых людей, их промежуточное положение между двумя основными классами феодальной России. Мы видим приборных служилых людей на обеих сторонах баррикады — и среди активных участников восстания и в рядах правительственных войск. Навязанный монархизм, слепая вера в правоту и доброту царя, распространенные в среде мелких служилых людей не в меньшей степени, чем у крестьян, сдерживали движение. Нельзя не отметить, что определенная организованность, знание военного дела приборными служилыми людьми, вступавшими в ряды повстанцев, вносили в действия разинских отрядов элементы дисциплины и порядка.

⁷¹ Там же, стр. 176, 181

Восстание Степана Разина оставило глубокий след в памяти народа, в том числе и на территории, где когда-то проходила Белгородская черта. Под Коротояком и Острогожском и сейчас можно услышать песни и легенды о народном вожде — Степане Разине.

Борьба мелких служилых людей на Белгородской черте против усилившегося феодального гнета не прекратилась и после поражения восстания Степана Разина. Известны связанные с московским стрелецким восстанием 1682 г. волнения приборных служилых людей на Белгородской черте (Добрый, Белгород) и крестьян бывшей дворцовой волости Белгородского уезда, переданных перед этим в частное владение белгородскому митрополиту. В том же 1682 г. отдельные служилые люди Острогожска, Усмани, Белоколодека, Сокольска присоединились к отряду верховых донских казаков, действовавшему во главе с атаманом И. Тереким вблизи от Белгородской черты. В Воронежском архиве сохранились сведения о «бунте» воронежских стрельцов и костеньских драгун в июне 1681 г.⁷² Объем книги не позволяет нам рассмотреть подробно волнения 80-х годов, в основном уже выходящие за пределы намеченных нами хронологических рамок.

Классовая борьба закономерна и неизбежна в феодальном обществе, причем формы ее определяются в значительной мере конкретными условиями, социальными, экономическими, политическими, географическими особенностями данного района и периода. В народных движениях XVII в. в России четко проявлялось основное деление феодального общества — крепостники-феодалы, с одной стороны, крепостные крестьяне — с другой. Крестьянство было главной силой антифеодальных восстаний и волнений. Но в уездах на Белгород

⁷² См.: Л. В. Черепнин, Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства, «Исторические записки», № 4, 1938; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 335—336; В. П. Глаголев, Классовая борьба в России в конце 70-х и начале 80-х годов XVII века. Автореф. канд. дисс. М., 1958; Гос. архив Воронежской области, фонд Воронежской приказной изд., тетрадь № 14.

ской черте большинство населения составляли не крестьяне, а мелкие служилые люди. Их преобладание особенно чувствовалось в 40—70-х годах XVII в. Мало было здесь и посадских людей.

Промежуточное положение мелких служилых людей между крепостниками-феодалами и тяглыми слоями населения предопределило непоследовательность их поведения и во время народных движений, докатывавшихся извне до Белгородской черты, и тогда они сами оказывались организаторами антиправительственных и антифеодальных выступлений. Приборные служилые люди, подвергавшиеся эксплуатации со стороны феодального государства, близкие по своему экономическому положению к крестьянам, вставали зачастую открыто на сторону угнетенных слоев населения, выступали с ярко выраженных антифеодальных позиций. Мелкопоместные дети боярские — служилые люди по отчеству либо оказывались во враздербном им лагере, либо — в роли временных, неустойчивых попутчиков народных движений. Изредка в волнениях на Белгородской черте участвовали беднейшие слои посадского населения (Воронеж, 1648 г.) и крестьяне (Воронежский уезд, 1646 г.).

Особенности народных движений на Белгородской черте объясняются не только социальным составом населения, но и некоторыми другими факторами, например, близостью донского казачества, тесными и разнообразными связями жителей городов Белгородской черты с казаками. Само создание казачьих демократических организаций на окраинах России было видом протеста крестьян, холопов, посадских людей против феодальной эксплуатации. Во время народных движений на Белгородской черте мелкие служилые люди использовали формы казачьего самоуправления, казачьи традиции и обычаи.

Глава V. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В 50—70-х ГОДАХ XVII ВЕКА

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ ЗА УКРАИНУ

В начале книги мы уже подчеркивали тесную, диалектическую взаимосвязь строительства Белгородской черты со многими событиями и процессами, протекавшими в России и за ее пределами в XVII в. Особенно заметно влияние Белгородской черты на военные и внешнеполитические успехи, достигнутые Россией на южном направлении.

Существование мощной укрепленной линии на юге Русского государства сыграло немалую роль в ходе русско-польской войны 1654—1667 гг., способствовало закреплению за Россией левобережной Украины. Строительство укреплений Белгородской черты в основном закончилось в 1653 г. К этому же году относится официальное решение Земского собора о принятии Украины в состав Русского государства. Такое совпадение дат — не простая случайность. В исторических условиях XVII в. воссоединение Украины с Россией должно было неизбежно вызвать русско-польскую войну, и это хорошо понимало русское правительство. В плане подготовки России к новой войне с Польшей сооружение Белгородской черты было одним из важнейших мероприятий.

Наличие укрепленного южного фланга у русских войск, действовавших на Украине и в Белоруссии, было большим стратегическим преимуществом России в войне с Польшей. Крымские татары пытались использовать новое столкновение России и Польши в своих корыстных целях. Но теперь, в отличие от 30-х годов, вопреки татарским старым дорогам — Муравской, Изюмской, Кальмусской, Ногайской стали укрепления Белгородской черты. Для того, чтобы «проломить» чер-

ту ударом в лоб, Крымскому ханству требовались крупные силы. К тому же татары не могли не понимать, что даже в случае успешного прорыва их через Белгородскую черту русские войска могут отрезать им у черты обратный путь. Прочность Белгородской черты подтверждали многочисленные столкновения небольших татарских отрядов с русскими гарнизонами и населением на черте. Все это побуждало татар искать для вторжения в Россию в 50—60-х годах XVII в. другой, более длинный, обходный путь.

К сожалению, такой путь нашелся. После воссоединения Украины с Россией у татар появилась возможность обойти укрепления Белгородской черты с запада, не выходя за пределы Русского государства. В 30—40-х годах XVII в. западный обходный путь татарам невыгодно было использовать для вторжения в Россию, во-первых, потому, что он означал перенесение войны на территорию польско-литовского государства и весьма опасное для татар объединение в борьбе с Крымским ханством военных сил России и Польши; во-вторых, потому, что не были закрыты еще более короткие, прямые пути. Во время русско-польской войны 1654—1667 гг. крымские татары не раз пытались вторгнуться в Россию, обойдя Белгородскую черту с запада; иногда, как мы увидим дальше, им это удавалось. Кстати, сам факт поисков татарами обходных путей являлся косвенным признанием ими прочности Белгородской черты.

Первый этап войны между Россией и Речью Посполитой (1654—1656 гг.) ознаменовался, как известно, большими успехами русской армии на Украине, в Белоруссии, в Литве. Русское правительство не исключало тогда возможности крупного вторжения татар в Россию (см. об этом выше, в главе II). Сведения о подготовке татарами большого набега доходили в 1654 г. до Москвы по различным каналам. Одной из причин того, что набег ни в 1654 г., ни в 1655 г. так и не состоялся, было существование укреплений Белгородской черты. Крымские татары направлялись всегда в набег с целью грабежа и захвата пленных, их не привлекала перспектива длительных боев с защитниками черты.

В конце 50-х годов XVII в. международная обстановка на западных и южных рубежах России осложнилась. В войне со Швецией России не удалось вернуть земли у Финского залива и получить выход к Балтийскому морю. В 1658 г. по-

сле двухлетнего перемирия возобновилась война с Польшей. Тяжелым ударом для России была измена украинского гетмана И. Выговского. В сентябре 1658 г. вопреки воле украинского народа И. Выговский подписал Гадячский договор о передаче Украины панской Польше. Польское правительство ценой уступок украинской шляхте и казацкой старшине стремилось удержать Украину в составе Речи Посполитой. Одновременно И. Выговский заключил союз с татарами и призвал на Украину крымского хана Мухаммед-Гирея. 28 июня 1659 г. русские войска потерпели поражение от объединенных сил И. Выговского и крымского хана под Конотопом. Для татар открылся путь в Россию в обход укреплений Белгородской черты, и Мухаммед-Гирей не преминул воспользоваться случаем.

От Конотопа отряды татар направились для грабежа в Рыльский, Путивльский и Новгород-Северский уезды, а 26 июля из-под г. Гадяча двинулись в набег основные силы врага. Политическая обстановка на Украине позволила татарам избрать местом сосредоточения сил не приазовские степи, как раньше, а густонаселенный район Украины, расположенный западнее Белгородской черты. На пути у татар не оказалось серьезных укреплений. В пределы Белгородского разряда они ворвались с северо-запада (1). Захваченный 5 августа в бою в Мценском уезде татарин сказал, что с ханом идут 50 тысяч татар и 10 тысяч черкас — сторонников И. Выговского. (Фактически татар и черкас было, видимо, меньше). Путь татар в русских пределах напоминает по форме дугу. Во время набега они подвергли разорению села и деревни в Орловском, Мценском, Чернском, Новосильском, Ефремовском, Ливенском, Елецком уездах, дошли с запада до Воронежского уезда. Некоторые отряды татар отделялись от основных сил к югу, к уездам, расположенным у Белгородской черты. Городов татары не осаждали. Захватив пленных и большие стада скота, грабители поспешили уйти из России по Кальмиусской дороге¹. Осуществить этот крупный набег татарам удалось не из-за слабости Белгородской черты, а благодаря исключительно выгодной для них политиче-

¹ АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 674—678; ЦГАДА, столбцы Белг. стр., № 433, л. 1 и след.

ской обстановке на Украине и поражению русских войск под Конотопом.

И. Выговский не продержался долго у власти на Украине. В 1659 г. против него вспыхнуло общенародное восстание. И. Выговский бежал в Польшу, а казацкая старшина выдвинула Юрия Хмельницкого — сына чтимого народом Богдана Хмельницкого на пост гетмана. Однако Ю. Хмельницкий оказался марионеткой в руках той части старшины, которая по примеру И. Выговского ориентировалась на Польшу и готова была для осуществления своих целей призвать на Украину татар. Сначала Ю. Хмельницкий возобновил прерванные дружеские отношения с Русским государством, установленные при его отце, но в 1660 г. заключил в Слободичах на Волыни новое соглашение с Польшей об отторжении Украины от России. Украинский народ не признал и этого договора. Против Ю. Хмельницкого вспыхнуло восстание; при помощи польской армии Ю. Хмельницкий сумел до 1663 г. удержать за собой только правобережную Украину. При подавлении народных движений, в борьбе со своими соперниками и русскими войсками Ю. Хмельницкий опирался на помощь татар.

Пользуясь русско-польской войной и неустойчивой политической обстановкой на Украине, вступая в союз то с одними, то с другими представителями украинской казацкой старшины, крымские татары продолжали грабить украинский народ. В 60-х годах XVII в. у татар сохранялись возможности и для вторжений в Россию, в обход Белгородской черты. В эти годы Белгородский полк был обращен фронтом на запад и юго-запад, полк участвовал в русско-польской войне и в борьбе с татарами на Украине. В 1662 г. татарам удалось ворваться с запада в Курский и Обоянский уезды, где им был дан отпор².

Даже в такой, в общем неблагоприятной для России политической ситуации на Украине, которую мы видим в конце 50-х и начале 60-х годов XVII в., Белгородская черта сыграла свою роль. Она не могла прикрыть юго-западные русские уезды со стороны Украины, но она надежно защищала с юга Верхнее Подонье, Рязанский край, те русские земли, куда прежде вторгались татары по степным дорогам из Приазовья.

Да и глубокий прорыв татар с запада от Орла и Мценска к Ельцу в 1659 г. был все же единичным эпизодом.

Попытки же татар проникнуть в глубь России непосредственно через Белгородскую черту неизменно кончались провалом, несмотря на отвлечение с черты в связи с русско-польской войной значительной части боевых сил. В лучшем случае татарам удавалось грабить русские села и деревни, расположенные у самой Белгородской черты.

Вот некоторые примеры. 1 сентября 1658 г. несколько сот татар пытались прорваться в Воронежский уезд по мосту через р. Усмань у с. Усмань-Собакини. Усманские атаманы совместно с драгунами Орлова-городка отбили татар. Затем у с. Гололобова татар отразили крестьяне. Этот же татарский отряд пробовал переправиться через р. Воронеж, южнее города, но был задержан и здесь. Воронежский гарнизон был очень ослаблен, почти все служилые люди ушли в Белгород, поэтому 7 сентября татарам все же удалось разломать надолбы восточнее г. Воронежа и преодолеть укрепления Белгородской черты. Татары ворвались в с. Репное и дер. Придачу в окрестностях Воронежа, но, встретив упорное сопротивление населения, быстро ушли назад, в степь, «тем же проломным местом». В полой они увели 21 человека³. В 1659 г. о постоянных татарских «приходах» к черте сообщают воеводы Усмани, Орлова⁴. 8 августа 1660 г. произошел ожесточенный бой на земляном валу севернее г. Усмани между усманскими служилыми людьми и 300 татарами. Обе стороны понесли потери, нападение татар было отражено⁵.

Наличие Белгородской черты позволило в 1660 г. лучше, чем в 1646 г., подготовить и осуществить новый, второй по счету, поход русских войск в Приазовье с целью создания угрозы Крыму, отвлечения татар с Украины и от пабега на Россию. 31 мая 1660 г. восьмипятисотная русская армия на 400 судах отплыла из с. Тарбеева Козловского уезда в низовья Дона⁶. Русское правительство намеревалось использовать парусно-гребные суда, построенные под Козловом и Лебедяню,

³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 478, л. 1—9.

⁴ АМГ, т. 2. СПб., 1894, стр. 667—668.

⁵ АМГ, т. 3. СПб., 1901, стр. 133.

⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 434, л. 433. См. также: В. П. Загоревский. Вопрос о русском морском флоте на Дону до Петра I. «Труды ВГУ», т. 53, вып. 1. Воронеж, 1961, стр. 149—163.

для плавания в Азовском море и вторжения русских войск через море в Крым. Поход вызвал смятение в Бахчисарае и Стамбуле. Чтобы не выпустить русский парусно-гребной флот в море, турецкое правительство решило укрепить Азов и построить новые крепости в дельте Дона. К Азову из Турции было послано 35 морских судов со строительными материалами. Сюда же пришел крымский хан «со всей ордой». С собой татары привели на Дон 10 тысяч «рабочих людей» из Венгрии, Трансильвании и Валахии. «Рабочие люди» построили летом 1660 г. для Турции новые крепости под Азовом — две Каланчипские башни и форт Лютик, перекрывшие важнейшие рукава донской дельты. Строительство крепостей в дельте было актом турецкой агрессии против России. Русское правительство не раз официально заявляло, что новые крепости поставлены на русской земле.

До последнего времени считалось, что новые турецкие крепости должны были закрывать путь в море лишь судам донских казаков⁷. Несомненно, что Каланчипские башни и Лютик весьма затрудняли выход в море казачьим судам, но главная причина спешного строительства этих фортов состояла в том, что Турция и Крымское ханство не хотели выпускать в море русский флот. В письме крымского хана царю Алексею Михайловичу, привезенном в Москву в мае 1661 г. гонцом Мамет-Мурзой, об этом говорилось прямо: «По вашему велению 500 стругов сделаны и помышляете государство взять (т. е. Крым.—В. З.). И послыша те вести, и мы свою мысль учинили: божиею милостью и помощью поставить городки и ход их запереть»⁸. Опасаясь удара по Крыму, татары выделили специальный отряд для наблюдения за действиями русских войск в Приазовье. «Те азовцы и крымские татаровья присланы из Крыму для ведома,— говорил об этом отряде в Москве донской казак Г. Кузьмин,— как де государевы ратные люди пойдут на море, и им бывать ведомость в Крым»⁹.

Выдвижение русских войск в низовья Дона в 1660 г. за-

держало на несколько летних месяцев в Приазовье основные силы крымских татар. Постоянная угроза Крыму со стороны низовьев Дона в начале 60-х годов удерживала часть татар от участия в набегах на Россию и Украину; в трудный период русско-польской войны это была существенная помощь русской армии и гарнизонам городов Белгородской черты. Несмотря на наличие турецких крепостей в дельте Дона русский парусно-гребной флот под начальством воеводы Я. Т. Хитрово в 1662 г. вышел в Азовское море, был под Керчью, нанес удар по Крымскому ханству¹⁰. В морском походе участвовали русские солдаты и стрельцы.

Военные действия между Россией и Речью Посполитой почти прекратились в 1665 г., но официально война закончилась Андрусовским перемирием, заключенным в начале 1667 г. на 13 с половиной лет. За это время подлежало подготовить условия для заключения «вечного мира». Хотя России не удалось решить все намеченные задачи, большой успех, достигнутый ею в войне, не вызывает сомнений. Россия вернула себе Смоленск и Чернигов, Польша признала воссоединение с Россией левобережной Украины. Районы, прилегающие с запада к Белгородской черте, уже не могли в таких условиях оказаться местом сосредоточения крупных татарских сил. После окончания войны с Польшей узловым вопросом русской внешней политики становится борьба с Турцией, усилившей в 60—70-х годах XVII в. свои агрессивные устремления в сторону России.

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА В ПЕРИОД РЕЗКОГО ОБОСТРЕНИЯ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В 70-х ГОДАХ XVII в.

Власть турецкого султана распространялась во второй половине XVII в. на огромные территории в передней Азии, северной Африке, юго-восточной Европе. Османская империя уже прошла через зенит своего могущества. По уровню общественного развития феодальная Турция стояла ниже государств центральной и восточной Европы. Но во время прав-

⁷ См.: Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. «Уч. зап. МГУ», вып. 94. М., 1946, т. 1, стр. 23—24, т. 2, стр. 110—111; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т. 1, М., 1964, стр. 260 (Комментарии Е. А. Швецовой).

⁸ ЦГАДА, Крымские дела, 1661 г., ед. хр. 5, л. 43.

⁹ ЦГАДА, Турецкие дела, 1661 г., ед. хр. 1, л. 210.

¹⁰ Там же, л. 208. Схему донской дельты с указанием пути русского флота в 1662 г. см. в статье: В. П. Загоровский. Попытка создания русского военно-морского флота на верхнем Дону в 60-х годах XVII века. «Труды ВГУ», т. 60, вып. 2. Воронеж, 1957, стр. 27.

ления великих визирей отца и сына Кёпрюлю, в 50—70-х годах XVII в., заметно некоторое укрепление турецкого государственного аппарата и вооруженных сил. Мехмед-паша Кёпрюлю возглавлял турецкое правительство в 1656—1662 гг., Фазыл Ахмед-паша Кёпрюлю — в 1662—1676 гг. Правительство Кёпрюлю сумело задержать упадок турецкого могущества. Оба Кёпрюлю считали, что благополучие государства возможно только при успешной завоевательной войне. Турецкое наступление в это время направляется против Австрии, Польши, России¹¹.

Мы уже говорили о строительстве новых турецких крепостей в низовьях Дона. В 1672 г. Турция нанесла серьезное военное поражение Польше, польская армия была разбита под Каменцем-Подольским. В связи с переходом гетмана правобережной Украины П. Дорошенко в турецкое подданство Турция предъявила свои претензии на всю Украину. С 1672 г. она по существу начала войну за захват Украины. От своего вассала — крымского хана Турция потребовала резкой активизации действий против России. При помощи крымских татар турецкое правительство хотело еще до официального начала русско-турецкой войны нанести России сильнейшие удары.

Попытки турецкого правительства захватить Украину и выиграть войну у России, официально не объявляя ее, провалились. На Украине русские и украинские войска дали отпор турецким войскам и турецкому вассалу — П. Дорошенко. Украинский народ отошел от П. Дорошенко, гетман левобережной Украины И. Самойлович был признан гетманом обеих сторон Днепра. В Подонье русское командование умело сочетало оборону с наступлением. В середине 70-х годов вновь возросло значение Белгородской черты, о которую разбивались татарские удары. Новое выдвижение русских войск в Приазовье в 1673 г. также во многом обеспечило успех России в борьбе с Турцией в период, предшествующий открытому столкновению русской и турецкой армий на Украине.

С 1672 г. русское правительство проводит энергичную дипломатическую деятельность в Европе с целью образова-

ния антитурецкой коалиции¹². На весну следующего года оно намечает новый поход русских войск из Воронежа в Приазовье.

20 октября 1672 г. дворянин Л. Кошкин привез царскую грамоту Войску Донскому, в которой предписывалось казакам готовиться к совместному с русскими войсками удару «на турецкого салтана и крымские улусы»¹³. Зимой 1672/73 г. в верховьях рек Воронежа и Дона развернулось крупное строительство речных и мореходных судов. К сожалению, при организации похода 1673 г. русскому правительству вновь, как и в 1660 г., не удалось использовать элемент внезапности. Турецкое и крымское правительства заранее узнали о русских планах¹⁴. Весной 1673 г. в Азов были посланы крупные турецкие подкрепления, а крымские татары попытались разрушить укрепления Белгородской черты и осуществить вторжение в Россию.

Массы татар подошли к земляному валу на Новооскольском и Верхососенском участках Белгородской черты. Врагу удалось поджечь деревянный ослон вала и прорваться за черту. Однако крупного вторжения татары осуществить не сумели. Район, подвергшийся разорению, ограничился в основном Новооскольским, Верхососенским и Усердским уездами, бой с татарами развернулся в мае 1673 г. в непосредственной близости от Белгородской черты¹⁵. Серьезного влияния на ход военных действий на Украине и в Приазовье татарский набег 1673 г. не оказал. В это время два русских солдатских полка и восемь приказов стрельцов под общим командованием воеводы И. С. Хитрово уже двигались на су-

¹² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 518—521.

¹³ Такой термин употреблен в ответе Войска Донского (ЦГАДА. Донские дела, 1672 г., ед. хр. 11, л. 3).

¹⁴ По словам украинцев Я. Микулаева и В. Лосевского, вышедших из татарской неволи, в турецко-татарский лагерь под г. Каменцем-Подольским 25 октября 1672 г. (накануне дня святого Димитрия Солунского) привели двух донских казаков. Казаки сообщили туркам и татарам, которые вели тогда войну с Польшей, о намеченном на весну 1673 г. походе русских войск под Азов (Гос. архив Воронежской области, фонд Воронежской приказной избы, царствование Алексея Михайловича, дела военодонские, ед. хр. 110, л. 3).

¹⁵ ТВУАК, вып. 5. Воронеж, 1914, стр. 77.

¹¹ См.: Н. А. Смирнов, Указ. соч., т. 2, стр. 112—113.

дах влез по Дону¹⁶. Это, видимо, вынудило крымского хана Селим-Гирея поспешить с возвращением в Приазовье.

Русские войска в 1673—1677 гг. с переменным успехом действовали в Приазовье против турок и татар. В эти годы была предпринята попытка строительства русской крепости на берегу Азовского моря в противовес турецкому Азову. В 1674 г. опять выходил в море русский парусно-гребной флот, на этот раз — под начальством полковника Г. Косагова¹⁷. Активность русских войск и донских казаков в Приазовье, несомненно, помогла защитникам Белгородской черты.

В 1674—1676 гг. до официального начала русско-турецкой войны, а затем и в годы войны (1676—1681) Белгородская черта являлась надежным заслоном страны. К укреплению восточной половины Белгородской черты постоянно подходили мелкие и крупные татарские отряды, бои на черте шли почти беспрерывно. Кроме татар, в нападениях на Белгородскую черту участвовали и калмыки, изменившие России в начале 1674 г. Так, в течение июля, августа и сентября 1674 г. появление отрядов татар и калмыков было отмечено у Нежегольского, Новооскольского, Верхососенского, Ольшанского, Орлогожского, Коротоякского, Костенского, Воронежского, Орловского, Усманского, Сокольского участков Белгородской черты¹⁸. В 1675 г. татары, переправившись через р. Усмань на Орловском участке Белгородской черты, преодолели укрепления на западном берегу реки, осаждали Хреновской острожек, проникли в Воронежский уезд¹⁹. Татарские отряды не раз проходили через «проломное место» в земляном вале восточнее Нового Оскола²⁰, причем всегда спешили уйти. В 1676 г. на Козловском участке Белгородской черты татары раскопали земляной вал у Бельского городка, прорвались за черту, но козловцы всех татар «из черты за вал выбили»²¹, освободили пленных, отбили скот. В другом месте отряд калмыков, проскочивший ночью через вал, не мог вернуться с

захваченным скотом в степь, козловцы у вала, «с русской стороны», окружили и разгромили калмыков.

Татарам, как мы видим, иногда удавалось преодолевать отдельные препятствия на Белгородской черте, но район военных действий и разбоя татар не выходил за пределы узкой полосы, непосредственно примыкавшей к укрепленной линии.

Даже в 1677—1678 гг., когда на Украине под Чигирином развернулись решающие бои между русскими и турецкими войсками, крымские татары не пытались осуществить глубокие рейды в Россию. Татары знали, что представляет собой Белгородская черта, и предпочитали наносить удары по новым городам и селам, возникшим к этому времени впереди западной части Белгородской черты.

Успехи, достигнутые Россией в 70-х годах XVII в. в борьбе с Крымским ханством и агрессивными устремлениями Турции, были закреплены созданием новой укрепленной линии — Изюмской черты. В 1677—1678 гг. русская армия нанесла турецким войскам и татарам под Чигирином тяжелые удары. Все же русское правительство допускало возможность нового вторжения турок на Украину и в Россию. В 1679 г. было принято решение о строительстве «новой черты» в юго-западной части территории Белгородского разряда.

Изюмская черта²² должна была закрыть от татарских вторжений уже заселенный украинцами район к югу и юго-западу от Белгорода, а также почти незаселенную территорию у р. Оскола к югу от Яблоновского, Новооскольского и Верхососенского участков Белгородской черты. В справке, составленной в Разрядном приказе, отмечалось, что сооружение новой черты даст возможность заселить берега р. Оскола «русскими людьми» или черкасами²³. Обосновывая необходимость Изюмской черты, руководители Разрядного приказа справедливо считали, что после ее сооружения «будут ненадобны» земляные валы Белгородской черты, расположенные к западу от Усерда²⁴, и таким образом можно сэкономить средства, необходимые для их ремонта.

²² Сначала в течение нескольких лет она официально называлась «новой чертой». Термин «Изюмская черта» появился позже, после основания г. Изюма и создания Изюмского казачьего полка.

²³ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 952, л. 262.

²⁴ Там же.

¹⁶ Русские войска отплыли из Воронежа 25 апреля 1673 г. в количестве 7941 человека (ЦГАДА, Донские дела, 1673 г., ед. хр. 13, л. 59).

¹⁷ ЦГАДА, Донские дела, 1674 г., ед. хр. 16, л. 107—108.

¹⁸ См.: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Изд. М. Де-Пуле. Воронеж, 1961, стр. 350—353.

¹⁹ Там же, стр. 48—49.

²⁰ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 950, л. 260—261.

²¹ ЦГАДА, столбцы Прик. ст., № 721, л. 421.

Изюмская черта прошла от Усерда на Валуйки, затем по р. Осколу на Царев-Борисов, оттуда вверх по Северскому Донцу до Змиева, затем по р. Мжу на Валки и к р. Коломаку. Между р. Тихой Сосной и Валуйским лесом пришлось соорудить большой земляной вал.

Проект возведения этого вала выдвигался еще в 1636 г. Ф. Сухотинным (см. главу II). В 1650 г. к нему чуть было не вернулись вновь, когда укрепления строящейся Белгородской черты от Белгорода до Дона осматривал воевода Б. А. Репнин. В 1671 г. о сооружении вала просили острогожские черкасы, построившие в этом году «за чертой» городок Полатов. Все прежние проекты не связывались с продолжением укрепленной линии вниз по р. Осколу. Теперь же земляной вал к югу от Тихой Сосны становился важной составной частью Изюмской черты.

Строительство укреплений от Усерда к Валуикам началось осенью 1679 г.²⁵ Основные работы на новой черте проведены были летом 1680 г. Общее руководство исходило, как и при строительстве Белгородской черты, от Разрядного приказа. Строили Изюмскую черту служилые люди Белгородского полка, в работах участвовало более 30 тысяч человек. Вся новая черта проходила по территории Белгородского разряда, поэтому воевода Белгородского полка П. В. Шереметев считался главным руководителем работ. Он непосредственно ведал участком создаваемой черты от Усерда до Валуек. Два помощника П. В. Шереметева — «товарищи воеводы» А. С. Опухтин и генерал Г. И. Косагов руководили строительством южной и западной частей Изюмской черты: первый — участком от Валуек до Царева-Борисова, второй — участком от Царева-Борисова до р. Коломака. К осени 1680 г. черта была в основном готова. В следующем 1681 г. на черте были построены лишь некоторые новые города-крепости, в частности, Изюм²⁶, ставший впоследствии центром черты (он располагался примерно в середине новой черты, на острие угла, обращенном к югу), и Коломак (на западном фланге черты).

Строительство еще одной укрепленной линии — «черты» не было просто данью установившейся традиции. Историче-

ский опыт ярко выявил достоинства Белгородской черты, показал, что создание укрепленных линий является эффективным методом борьбы с Крымским ханством, удачным способом продвижения России на юг, к берегам Азовского и Черного морей. Изюмская черта как бы примкнула к Белгородской. Западный фланг Белгородской черты — от Усерда до р. Ворсклы — после 1680 г. потерял военное значение, но восточная часть — две трети Белгородской черты — продолжала надежно защищать Россию еще в течение 15—20 лет.

К 80-м годам XVII в. борьба России с Крымским ханством далеко не была закончена. Впереди еще были неудачные Крымские походы, предпринятые правительством царевны Софьи в 1687 и 1689 гг., Азовские походы Петра I. Но основа будущего окончательного успеха России в борьбе с Крымским ханством была заложена в 40—70-х годах XVII в. В 30-х годах XVII в., когда начала создаваться Белгородская черта, русское население отражало грабительские набеги татар недалеко от Оки. За 40—50 лет район русско-татарских столкновений отодвинулся к югу на сотни километров. Одним из важнейших факторов, обеспечивших России успешное победоносное отражение турецко-татарской агрессии с юга, было сооружение Белгородской черты.

Наличие Белгородской черты содействовало объединению русского и украинского народов в едином государстве, помогло успеху России в трудной войне с Польшей за Украину.

Значение Белгородской черты не исчерпывается, конечно, внешнеполитическими успехами, достигнутыми Россией во второй половине XVII в. Сооружение Белгородской черты позволило заселить огромные черноземные массивы южной окраины России. В 80-х годах XVII в. в одном документе, составленном дьяками Разрядного приказа, подчеркивалось, что «пыне по той всей черте уселилось многолюдство большое»²⁷. Но это уже новый важный вопрос, выходящий за рамки книги и требующий специального изучения.

²⁵ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1136, л. 259.

²⁶ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1530, л. 363.

²⁷ ЦГАДА, столбцы Белг. ст., № 1167, л. 225.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возведение 800-километровой Белгородской черты было большим событием в истории России XVII в. Труд многих тысяч русских людей, построивших замечательное для своего времени инженерное сооружение — Белгородскую черту, не пропал даром. Белгородская черта заслонила южные и центральные области России от грабительских набегов крымских татар, дала возможность освоить обширные территории плодородных земель, способствовала укреплению военного и экономического могущества России.

В литературе Белгородская черта обычно называлась оборонительной линией. Нам кажется, что строительство Белгородской черты было не столько оборонительным мероприятием, сколько своеобразной формой наступления России на татар, на Крымское ханство. В исторических условиях XVII в. эта форма борьбы русского народа против татарской агрессии оказалась весьма эффективной.

Характерно, что далеко не всегда инициатива в создании укрепленных районов — участков возникавшей Белгородской черты исходила от правительства или представителей местной власти — воевод. Козловский и усманский земляные валы были насыпаны по предложению мелких служилых людей — знатоков местности, непосредственно заинтересованных в отражении татарских набегов. Умный и трудолюбивый народ находил лучшие способы борьбы с грабителями-татарами и умело применял их на практике.

Но в условиях господства феодально-крепостнической системы хозяйства плодами успехов, завоеванных русским народом в упорной борьбе с иноземными захватчиками, пользовались в первую очередь представители господствующего класса. В последней четверти XVII в. в районах, защищенных

Белгородской чертой, начинает быстро распространяться крупное феодальное землевладение.

На усманском земляном валу, у пересечения вала современной шоссеиной дорогой стоит белый мраморный памятник. Надпись на нем рассказывает о времени сооружения Белгородской черты, о ее назначении. Характерно, что памятник поставлен в наше время, советскими людьми, которые чтут боевые и трудовые подвиги своих предков.

XXXXXXXXXX